

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.** Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.** Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.** Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.** Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.** Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.** Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.** Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.** Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.** Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптюнок А. С.** Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.** Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.** Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.** Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Стёпин В. С.** Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Терещенко О. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Фурманов И. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шатравский С. И.** Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.** Академия последипломого образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary **DOBRORODNII D. G.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(476)(091)+141.30

ІДЭІ НЕАСХАЛАСТЫКІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ

А. А. ЛЯГЧЫЛІН^{1*}, Г. І. КЛІМОВІЧ^{2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт,
пр. Дзяржынскага, 83, 220116, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Даследуюцца важныя вехі развіцця неасхаластычнай традыцыі ў беларускай рэлігійна-філасофскай думцы, разглядаюцца асноўныя факты жыццёвага і творчага шляху яе прадстаўнікоў. На падставе разнастайных дакументаў паказана, што неасхаластычная традыцыя на Беларусі мае глыбокія карані і багатую гісторыю. Адзначана, што ў межах беларускай неасхаластыкі можна вылучыць як мінімум два перыяды: полацкі і друйскі. Заўважана, што ідэі, якія складалі аснову філасофскай плыні першага перыяду, прысутнічалі таксама ў працах прадстаўнікоў друйскага перыяду, што сведчыць аб пераемнасці прынцыпаў двух напрамкаў неасхаластыкі. Прыводзяцца факты, якія дазваляюць сцвярджаць, што менавіта Полацкая езуіцкая акадэмія была тым месцам, дзе захоўваліся ідэі неасхаластыкі, якія потым вярнуліся ў еўрапейскую прастору і сталі штуршком для развіцця руху неатамізму, а пазней ужо зноў актуалізаваліся ў Беларусі ў творчасці айчынных мысліцеляў.

Ключавыя словы: Полацкая езуіцкая акадэмія; неасхаластыка; неатамізм; арыстоцэлеўскі тамізм.

Образец цитирования:

Лягчылін А. А., Клімовіч Г. І. Ідэі неасхаластыкі ў беларускай гісторыка-культурнай прасторы // Журн. Беларус. гос. ун-та. Філасофія. Псіхалогія. 2017. № 2. С. 4–11.

For citation:

Liahchylin A. A., Klimovich H. I. Neo-scholastic ideas on Belarusian historical and cultural space. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 4–11 (in Belarus.).

Авторы:

Анатолій Александровіч Лягчылін – кандыдат філасофскіх навук, доцент; заведуючы кафедрай філасофіі культуры факультэта філасофіі і сацыяльных навук.

Анна Ігорэвна Клімовіч – кандыдат філасофскіх навук; старшы прэподаватэль кафедры філасофіі і політалогіі.

Authors:

Anatoli Liahchylin, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.

liahchylin@bsu.by

Hanna Klimovich, PhD (philosophy); senior lecturer at the department of philosophy and politology.

ИДЕИ НЕОСХОЛАСТИКИ В БЕЛОРУССКОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, А. И. КЛИМОВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

²⁾Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуются важные вехи развития неосхоластической традиции в белорусской религиозно-философской мысли, рассматриваются основные факты жизненного и творческого пути ее представителей. На основе различных документов показано, что неосхоластическая традиция в Беларуси имеет глубокие корни и богатую историю. Отмечено, что в рамках белорусской неосхоластики можно выделить как минимум два периода: полоцкий и дзержинский. Утверждается, что идеи, которые составляли основу философского течения первого периода, присутствовали также в работах представителей дзержинского периода, что свидетельствует о преемственности принципов двух направлений неосхоластики. Приводятся факты, позволяющие утверждать, что Полоцкая иезуитская академия была тем местом, где сохранились идеи неосхоластики, которые затем вернулись в европейское пространство и стали толчком для развития движения неотолизма, а позднее уже вновь актуализировались в Беларуси в творчестве отечественных мыслителей.

Ключевые слова: Полоцкая иезуитская академия; неосхоластика; неотолизм; аристотелевский толизм.

NEO-SCHOLASTIC IDEAS ON BELARUSIAN HISTORICAL AND CULTURAL SPACE

A. A. LIAHCHYLIN^a, H. I. KLIMOVICH^b

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State Medical University, Dzerzhinski avenue, 83, 220116, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: liahchylin@bsu.by

The article researches the main milestones in the development neo-scholastic tradition within the Belarusian religious and philosophical thought, the basic facts of life and creative ways of its representatives. Neo-scholastic tradition in Belarus has deep roots and a rich history. It is possible to identify two periods in its framework: Polack period and Druja period. The ideas, which had the basic positions for the philosophical direction of the first period, are present also in the second, it shows the continuity of principles. The facts suggest, that the Polack Jesuit Academy was the place where neo-scholastic ideas were stored before their returning to the European philosophical space. They became an impetus for the development of neo-Thomism movement, and then returned to Belarus in the works of Belarusian thinkers.

Key words: Polack Jesuit Academy; neo-scholasticism; neo-Thomism; Aristotelian thomism.

Неасхаластыка ў межах беларускай філасофскай традыцыі – з’ява, якая застаецца недастаткова вывучанай у айчыннай філасофіі ідэй, нягледзячы на цікавасць навукоўцаў да акрэсленай праблематыкі [1–3]. Даследаванні, прысвечаныя гэтаму пытанню, адрозніваюцца несістэматызаваным характарам, адсутнасцю комплекснага погляду на праблему, што тлумачыцца ў першую чаргу пануючым у навуцы стэрэатыпным меркаваннем аб спецыфіцы філасофскіх поглядаў прадстаўнікоў езуіцкага ордэна. Неабходны якасна іншы пункт гледжання на праблему, якая патрабуе пераасэнсавання праз прызму новай метадалогіі, што і павінны зрабіць у далейшым айчынныя навукоўцы. Таксама незаўважнымі для даследчыкаў застаюцца аўтары, якія працавалі ў Полацкай езуіцкай акадэміі, рэцэпцыя іх інтэлектуальнай спадчыны замежнымі

мысліцелямі і іншыя пытанні, якія з’яўляюцца здабыткам гісторыка-філасофскай спадчыны Беларусі. Мэта дадзенага артыкула – паказаць пераемнасць сувязей неасхаластычнай традыцыі ў беларускай рэлігійна-філасофскай думцы XIX–XX стст.

Пры разглядзе пытання наяўнасці неасхаластычнай традыцыі на беларускіх абшарах трэба адразу вызначыць асноўныя рысы і агульны сэнс дадзенага феномена. Тэрмін «неасхаластыка» ў гісторыі беларускай філасофскай думкі мае два значэнні. Часта ён суадносіцца з шырокавядомым рухам Контррэфармацыі – ідэалагічнай з’явы, асноўныя палажэнні якой пачалі распаўсюджвацца ў Еўропе з XVI ст. Тагачасная Рэч Паспалітая мела прыдатную глебу для асімілявання асноўных канцэптаў дадзенага феномена. Ідэалагічная сутнасць Контррэфармацыі абаяраецца на ідэі Фамы Аквінскага (1225(?)–1274),

перапрацаваныя ў духу Ф. Суарэса (1548–1617). Дзякуючы спецыфіцы развіцця беларускай філасофскай думкі і пэўным гістарычным абставінам (маецца на ўвазе дазвол на адкрыццё Полацкай езуіцкай акадэміі Аляксандрам I) дадзена інтэлектуальная тэндэнцыя захоўвалася на беларускіх абшарах і ў пачатку XIX ст., у той час як у заходне-еўрапейскай філасофіі галоўную ролю адыгрывалі ідэі рацыяналізму, сцыянтызму і пазітывізму. Еўрапейцы пажыналі плоды Асветніцтва, а ў беларускай культурнай прасторы назіралася ўнікальная з’ява – захаванне, рэцэпцыя і творчая перапрацоўка ідэй сярэднявечнай філасофіі.

У вузкім сэнсе тэрмін «неасхаластыка» выкарыстоўваецца для акрэслення агульнай сутнасці каталіцкай філасофіі, якая развівалася ў канцы XIX – пачатку XX ст. разам з ідэалагічнай плыню неатамізму. Некаторыя аўтары нават разглядаюць неасхаластыку і неатамізм у якасці паняццяў-сінонімаў [4, с. 8], аднак гэтыя з’явы нельга атаясамліваць. Тэрмін «неасхаластыка» з’яўляецца значна шырэйшым і ўключае неатамізм як адно з адгалінаванняў агульнага комплексу філасофскіх ідэй, скіраваных на адраджэнне і творчую перапрацоўку канцэптаў схаластычнай філасофіі.

Вывучэнне гісторыі з’явы, якая мае агульную назву «неасхаластыка», дазваляе вылучыць некалькі вялікіх перыядаў развіцця рэлігійнай філасофіі на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Традыцыйна гэта агульная катэгорыя выкарыстоўваецца для абазначэння розных напрамкаў рэфлексіі, прадстаўнікі якіх у той ці іншай ступені імкнуліся да рэстаўрацыі ідэй сярэднявечнай філасофіі. Развіццё неасхаластыкі, праблем, якія паўставалі ў яе лоне, перыяды, выяўленне пераемнасці ідэй у межах дадзенага феномена таксама застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў. На Беларусі гэта з’ява характэрна адразу для некалькіх перыядаў. У якасці аб’екта дадзенага даследавання разглядаецца полацкая неасхаластыка, а таксама спецыфічны тып гэтага напрамку філасофіі, звязаны з росквітам неатамізму ў беларускай рэлігійна-філасофскай думцы ў XX ст., пад умоўнай назвай «друцкая неасхаластыка».

Першы этап: полацкая неасхаластыка. Асноўныя палажэнні і канцэпты першай плыні неасхаластыкі сфарміраваліся ў межах полацкай інтэлектуальнай традыцыі ў апошняй чвэрці XVIII – пачатку XIX ст. Тут паўстала ўнікальная з’ява, вядомая ўсім гісторыкам: у гэты час тэрыторыя Беларусі заставалася адзіным месцам у свеце, дзе не толькі захоўваў існаванне, але і працягваў плённа працаваць езуіцкі ордэн, прычым яго асноўным інтэлектуальным цэнтрам з’яўляўся Полацк. Гэтаму спрыяў шэраг перадумоў, адной з галоўных сярод

якіх стала перамяшчэнне акцэнтаў у еўрапейскай філасофіі з ідэй Фамы Аквінскага на ідэі Х. Вольфа – прадстаўніка новай схаластыкі, асноўныя праграмныя ўстаноўкі якой супрацьпастаўляліся неасхаластыцы. Дзякуючы яму ва ўніверсітэцкім асяроддзі атрымалі шырокае распаўсюджанне ў найбольш схематызаваным выглядзе філасофскія сістэмы Лейбніца і Дэкарта. Як вядома, паміж новай схаластыкай і неасхаластыкай адбывалася напружаная барацьба, у выніку якой апошняя пацярпела паражэнне. Кропкай у існаванні неасхаластыкі мусіла стаць закрыццё езуіцкіх калегіумаў і акадэміяў на ўсіх еўрапейскіх абшарах. У 1759 г. дзейнасць езуітаў была забаронена ў Партугаліі, у 1764 г. – у Францыі, у 1769 г. – у Іспаніі. Папа Клімент XIV 21 ліпеня 1774 г. выдаў булу аб забароне дзейнасці Таварыства Ісуса паўсюль [5, с. 44]. Полацк стаў своеасаблівай інтэлектуальнай сталіцай езуітаў, тым адзіным цэнтрам, куды накіроўваліся лепшыя розумы ордэна.

Полацк апынуўся ў цэнтры ўвагі Таварыства Ісуса пасля пажару ў пецяўбургскай рэзідэнцыі езуітаў, падчас якога загінуў генерал ордэна Габрыэль Грубер. Гісторыкі адзначаюць, што гэта знізіла магчымасці пашырэння ўплыву езуітаў у сталіцы Расійскай імперыі. Менавіта дадзены фактар паспрыяў стварэнню ў Полацку навучальнай установы са статусам універсітэта пад назвай «Полацкая езуіцкая акадэмія» [6, с. 77], якая праіснавала з 1812 па 1820 г. У яе сценах неасхаластычныя ідэі, якія складалі ядро філасофіі езуітаў, працягвалі развівацца. Вядомы даследчык Е. Гіжыцкі адзначаў, што пры выкладанні філасофіі езуіты «прытрымліваліся метаду Арыстоцеля паводле тлумачэння святога Фамы Аквінскага»¹, які карыстаўся ў іх непакінутым аўтарытэтам [7, с. 7–8]. У моцным і разнастайным руху неатамізму напрыканцы XIX – у пачатку XX ст. гэта плынь выступала пад назвай «арыстоцелеўскі варыянт неатамізму» [8, с. 20].

На той час Полацкая езуіцкая акадэмія, як і Віленскі ўніверсітэт, была месцам, куды імкнулася трапіць на вучобу беларуская моладзь. Адбывалася гэта і дзякуючы прадстаўленасці тут даволі вялікай групы замежных, у тым ліку італьянскіх, педагогаў, што выкладалі розныя дысцыпліны, напрыклад А. Месараці, Б. Скардыяла (тэалогія), Дж. Маньяні (філасофія) [9, с. 161–163].

Асобна трэба адзначыць постаці Юзафа Анджыяліні і Вінцэнція Бучынскага, якія непасрэдна асэнсоўвалі і перапрацоўвалі ў сваіх работах ідэі вучэння Фамы Аквінскага. У польскіх даследчыкаў, якія звярталіся да аналізу ўзроўню адукацыі ў Полацкай езуіцкай акадэміі, не было адзінага пункта гледжання на праблему. Так, С. Бяднарскі адзначаў

¹Тут і далей пераклад наш. – А. Л., Г. К.

цяжкае становішча ў акадэміі, звязанае з пастаяннай міграцыяй настаўнікаў, некаторыя з якіх то ад'язджалі, то вярталіся ў Полацк, што магло толькі негатыўна ўплываць на якасць адукацыі [10, s. 403]. Існуе і іншы пункт гледжання, згодна з якім заняпаду філасофіі ва ўстанове не было, бо езуіцкая інтэлектуальная спадчына належала да вялікай традыцыі абстрактнага мыслення [11, s. 159].

Трэба адзначыць, што праграмныя ўстаноўкі філасофскай сістэмы ў межах Полацкай езуіцкай акадэміі былі настолькі моцнымі і спецыфічнымі, што некаторыя даследчыкі (напрыклад, В. Ф. Шалькевіч) сцвярджалі аб існаванні асобнай школы ў айчыннай інтэлектуальнай традыцыі, якая мусіць мець назву «полацкая неасхаластыка» [2, с. 189].

Юзафа Анджыяліні (1747–1814) з усёй адказнасцю можна назваць паліматам: у сценах Полацкай езуіцкай акадэміі ён выкладаў не толькі філасофію, але і матэматыку, тэалогію, кананічнае права [12, s. 231]. Мысліцель быў вядомы як сваімі бліскучымі ведамі, так і маральнасцю: падчас вайны 1812 г. ён даглядаў параненых жаўнераў [12, s. 232].

У 1819 г. у Полацку выйшаў у двух тамах твор Ю. Анджыяліні *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*, які з'яўляецца прыкладам еўрапейскай неасхаластыкі. Гэта ўнікальная спроба захавання сістэмы тамізму на еўрапейскіх абшарах, у той час як у іншых рэгіёнах яна падвяргалася крытыцы. На жаль, дадзены твор, напісаны на лацінскай мове, і цяпер застаецца не прааналізаваным належным чынам. Ён з'яўляецца ўзорным тагачасным падручнікам па філасофіі для студэнтаў Полацкай езуіцкай акадэміі і складаецца з наступных частак: логіка, дыялектыка, метафізіка, анталогія, этыялогія, касмалогія [13]. Работа грунтуецца на тэалагічным пункце гледжання, у яе аснове – класічны тамістычны прынцып іерархізацыі навук, дзе першае месца адводзіцца тэалогіі, а філасофія мае падначалены характар. Адпаведна, навука займае ў гэтай трыядзе найніжэйшую ступень. У XX ст. дадзены прынцып шырока выкарыстоўваўся ў дыскусіях, прысвечаных узаемаадносінам паміж ісцінамі навукі і рэлігіі. Пазначаная тэма была для неатамізму адной з самых актуальных.

Ідэі неасхаластыкі рэалізаваў таксама адзін з найбольш вядомых прадстаўнікоў Полацкай езуіцкай акадэміі – прафесар В. Бучынскі (1789–1853), які пакінуў пасля сябе багатую творчую спадчыну тэалагічнага і філасофскага зместу. Яна да гэтага часу застаецца даследаванай толькі часткова. Яго асноўныя работы – *Institutiones philosophicae* і *Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae* [14] – з поўным правам можна лічыць вяршыняй развіцця філасофскай традыцыі Полацкай езуіцкай акадэміі. Другая праца была выдадзена ўжо ў Вене

ў 1842 г., яна складаецца з чатырох частак. Першая з іх прысвечана даследаванню пытання існасці і сапраўднасці хрысціянскай рэлігіі [14, р. 8–118]. У другой аналізуюцца догматы каталіцкай веры, у тым ліку цяжкасці, звязаныя з цялесным уваскрэсеннем [14, р. 119–166]. Трэцяя тлумачыць пытанні Божай ласкі як галоўнага матыву і сродку выканання хрысціянамі сваіх абавязкаў [14, р. 167–221]. У чацвёртай частцы разглядаюцца асноўныя прынцыпы хрысціянскай этыкі, праблемы адносін хрысціян да адзінаверцаў і іншаверцаў [14, р. 223–288]. Найбольшую цікавасць для даследчыкаў філасофіі мае першая частка. Менавіта ў ёй аналізуецца пытанне сувязі натуральнай рэлігіі і хрысціянства з пункта гледжання прадстаўнікоў неасхаластычнай традыцыі [14, р. 8–14] і разглядаюцца класічныя праблемы тамізму – суадносіны ролі розуму і веры, а таксама праўды рэлігіі і філасофіі [14, р. 22–24]. Акрамя гэтага, В. Бучынскі з'яўляецца заснавальнікам вядомага часопіса «Полацкі месяцнік», які выдаваўся ў Полацку з 1818 па 1820 г. Разважаючы над праблемай нацыянальнай прыналежнасці знакамітага філосафа і тэолага, польскія даследчыкі выказвалі розныя меркаванні. Так, Р. Дароўскі ўпэўнена называў яго філосафам «былой польскай дзяржавы» [15, р. 181], у той час як Я. Гіжыцкі ўказваў на тое, што месцам яго нараджэння была Белая Русь: «Бучынскі нарадзіўся ў 1789 г. на Белай Русі, у навіцыят быў прыняты ў Полацку ў 1805 г., памёр у Лувене ў 1852 г.» [7, s. 117].

Трэба звярнуць увагу на тое, што творчая спадчына Ю. Анджыяліні і В. Бучынскага з'яўляецца першай спробай вяртання да інтэлектуальнай традыцыі неасхаластыкі ў пачатку XIX ст. Аўтары ў ліку першых мысліцеляў пачалі пераасэнсоўваць праграмныя ўстаноўкі філасофіі Фамы Аквінскага, імкнучыся выкарыстоўваць іх ва ўласнай творчасці. Афіцыйна сцвярджаецца, што першыя спробы вяртання да ідэй схаластычнай філасофіі ў Еўропе, якая потым стане падмуркам магутнага руху неатамізму, адносяцца да сярэдзіны XIX ст. Яны звязаны з творчасцю такіх рэлігійных філосафаў, як Х. Бальмес (1810–1848), І. Клейтген (1811–1881), М. Лібераторэ (1810–1892), Т. Цыгліяра (1833–1893). Дадзены факт дае падставу сцвярджаць, што менавіта на беларускіх абшарах, у Полацку, у працах названых аўтараў і быў пакладзены пачатак еўрапейскай тэндэнцыі да пераасэнсавання новай актуальнасці спадчыны Фамы Аквінскага. Таксама ў сувязі з гэтым можна казаць і аб спецыфічнай традыцыі полацкай школы неасхаластыкі.

Пазней, як вядома, вяртанне ідэй Фамы Аквінскага было звязана з імёнамі такіх філосафаў-неатамістаў, як Д. Ж. Мерсье (1851–1926), А. Гардэйль (1859–1931), Ж. Марэшалль (1878–1944), Ж. Марытэн (1882–1973), Э. Жыльсон (1884–1978), Б. Лонерган (1904–1984) і інш. Але адкрытым застаецца

наступнае пытанне: дзе знаходзіцца крыніца інспіравання ідэй аўтараў, якіх прынята лічыць пачынальнікамі філасофіі неатамізму? У якасці гіпотэзы можна выказаць думку пра тое, што цікавасць да ідэй Фамы Аквінскага на Полаччыне ў працах В. Бучынскага і Ю. Анджыяліні, а таксама іншых, не згаданых намі аўтараў магла паўплываць на культурную прастору Еўропы і ў некаторай ступені паспрыць з'яўленню 4 жніўня 1879 г. знакамітай энцыклікі *Aeterni Patris*. На карысць гэтай гіпотэзы сведчыць тое, што лёс В. Бучынскага быў даволі пакручастым: ён пакінуў Полацкую езуіцкую акадэмію, каб выкладаць спачатку ў Вене, а потым у Лувенскім універсітэце. Такім чынам, можна меркаваць, што менавіта Полацкая езуіцкая акадэмія з'яўляецца тым цэнтрам, у якім упершыню былі сфармуляваны прынцыпы вяртання ідэй Фамы Аквінскага ў еўрапейскае філасофскае асяроддзе.

Наступны перыяд развіцця дадзенай традыцыі на Беларусі пасля закрыцця Полацкай езуіцкай акадэміі звязаны з вяртаннем і асэнсаваннем ідэй неасхаластыкі ў творчасці беларускіх каталіцкіх інтэлектуалаў XX ст.

Другі этап: друйскае неасхаластыка. Друя (калісьці – Сапежынск) з'яўляецца невялікім мястэчкам у Беларусі на мяжы з Латвіяй. Менавіта яму было наканавана адыграць галоўную ролю ў фарміраванні беларускага варыянта неатамізму ў XX ст. Так, 7 мая 1924 г. на базе былога францішканскага (базыльянскага) кляштара са згоды віленскага біскупа Юрыя Матулевіча быў адкрыты манастыр беларускіх марыян [16, с. 7]. У гэты час у Друі праходзіла мяжа Польскай Рэспублікі і Латвіі. Парафія была даволі вялікай і налічвала каля 5000 чалавек з самога мястэчка і навакольных вёсак [16, с. 11]. Друя ўжо адчувала некаторы ўплыў ідэй беларускага нацыянальнага адраджэння, на яго глебе тут працавалі І. Бобіч, некаторы час – А. Станкевіч [16, с. 11].

Умоўная назва «друйскае неасхаластыка» паказвае на тое, што большасць мысліцеляў, якія належалі да гэтага напрамку, у той ці іншай ступені былі звязаны з каталіцкім асяроддзем у Друі, якое на працягу амаль дзесяці гадоў было апорай неатамізму. Даследчыкі адзначаюць, што Друя на пэўны час стала адным з найбольш моцных інтэлектуальных цэнтраў беларускага каталіцкага мыслення [17, с. 33], а феномен неатамістычнай традыцыі ў межах беларускай рэлігійна-філасофскай думкі некаторыя навукоўцы называюць неасхаластыкай [4, с. 8]. Дадзены этап, як будзе бачна далей, часткова звязаны з італьянскім уплывам.

Асноўныя прадстаўнікі другога перыяду развіцця неасхаластыкі – Б. Пачопка (1884–1940), І. Бобіч (1890–1944), Ф. Абрантовіч (1884–1946), А. Станкевіч (1891–1949), Я. Рэшаць (1890–1958), Т. Падзява (1906–1975), Л. Гарошка (1911–1977), Я. Тарасевіч (1892–1978), П. Татарыновіч (1896–1978), Ч. Сіповіч

(1914–1981). Творчасць гэтых аўтараў была інспіравана ідэямі вялікага італьянскага мысліцеля Вінцэнта Джоакіна Рафаэля Луіджы Печы (1810–1903), болей вядомага свету як папа Леў XIII. Ён з'яўляўся адным з галоўных ідэолагаў руху неатамізму – найбольш моцнай і папулярнай плыні рэлігійнай філасофіі XX ст.

Ідэі неатамізму, распрацаваныя Львом XIII, сталі агульным ідэалагічным падмуркам, на якім паўстала творчасць многіх еўрапейскіх, у тым ліку і беларускіх, аўтараў. Яны атрымалі мноства інтэрпрэтацый, сярод якіх можна вылучыць такія кірункі, як арыстоцэлеўскі, трансцэндэнтальны, экзистэнцыяльны. Адзінае заставалася нязменным: у якасці асновы заўсёды выкарыстоўваліся ідэі Фамы Аквінскага. У межах дадзенай традыцыі на Беларусі былі створаны працы «Касцёл і навука», «Бог», «Чалавек» Ф. Абрантовіча, «Беларусы ў святле праўды», «Зло і лякарства на яго» Я. Тарасевіча, «Навука і рэлігія», «Паходжанне чалавека ў святле сучасных знаходак» Л. Гарошкі і інш. Развіццё неатамізму ў беларускай культурнай прасторы праходзіла ў спецыфічнай форме: ён спалучаў у сабе ідэі арыстоцэлеўскага і экзистэнцыяльнага тыпаў. У гэтым яго асноўнае адрозненне ад полацкай неасхаластыкі, якая фарміравалася пад уплывам не толькі арыгінальнага вучэння Фамы Аквінскага, але і ідэй Ф. Суарэса, на што ў даследаваннях неаднаразова звяртаў увагу В. Ф. Шалькевіч [1, с. 524]. Па сутнасці, як ужо адзначалася раней на падставе сведчанняў Е. Гіжыцкага, полацкая схаластычная традыцыя грунтавалася на арыстоцэлеўскім тамізме, які выступаў як першапачатковая крыніца развіцця неатамістычных ідэй як на Беларусі, так і ў заходнееўрапейскай філасофскай прасторы [7, с. 7].

Рэцэпцыя ідэй неатамізму была ўласцівая працам беларускіх аўтараў сацыяльнай, антрапалагічнай, гнасеалагічнай, а таксама анталагічнай тэматыкі. У якасці прыкладу можна згадаць шматлікія артыкулы беларускіх мысліцеляў на старонках часопісаў «Зніч» («Znič») і «Божым шляхам».

У першым з іх пад крыптонімам В. Д. (скарочанае ад Васіль Друя) былі нарукаваны тэалагічна-філасофскія нарысы «Бог» і «Душа» славутага беларуса, які меў моцныя сувязі з італьянскай культурай, Ч. Сіповіча. У якасці асноўнай тэмы першага твора ў адпаведнасці з ідэямі неатамізму разглядалася пытанне аб існаванні Абсалюту. Аўтар адзначаў, што ў дачыненні да гэтай праблемы існуе як мінімум тры адказы: фідэістычны, рацыянальны і агнастычны. Згодна з яго поглядамі гэта гучыць наступным чынам: «Адзін кажа: я веру, што ёсць Бог, але не магу даказаць гэта другому, не маю для гэтага доказаў. Гэта будзе адказ веруючага хрысціяніна. Гэта вера не будзе абавірацца на разумных довадах, толькі на ўнутраных пачуваннях, гэта будзе вера

пачуцёвая. Ейнай крыніцай не ёсць розум, але толькі сэрца. Людзі з такой верай – легкадумныя. Лёгка пападаюць пад бязбожныя ўплывы. Другі зноў кажа: я не толькі веру ў Бога. Я пэўны, маю на гэта многа доказаў. Гэта будзе адказ хрысціян ідэйна свядомых. Такая вера ёсць не толькі пачуцёвай, але і разумнай. Ейнай крыніцай – і сэрца, і розум. І сапраўды, найбольшыя вучоныя свету верылі ў Бога і былі практыкуючымі хрысціянамі, маліліся, карысталіся з сакрамантаў. Вось некалькі важнейшых вучоных: Св. Альберт Вялікі, Ампер, Бэкан, Дэкарт, Ньютан і безліч іншых. Трэці зноў кажа: не веру ў Бога. Хто яго калі бачыў, дзе ён? Гэта будзе адказ бязбожнікаў, якія не разумеюць гэтай праўды. Яны бо знайшлі сабе другіх багоў, або так выкрывілі бязбожнай агітацыяй свае погляды, што ім нельга ўжо ўбачыць праўду над сабою. Такія людзі відзяць рэчы і паступкі і адчуваюць так, як дамагаюцца іхнія звычайныя погляды і пажаданні, а не так, як дамагаецца сапраўднасць»¹ [18, с. 6].

Пасля гэтага аўтар пераходзіць ужо непасрэдна да разгляду доказаў існавання Абсалюту. Дадзеная тэма з'яўляецца адной з вызначальных для неатамізму, які атрымаў яе ў спадчыну яшчэ з твораў Фамы Аквінскага. Знакаміты прынцып *Fides et ratio* прывёў да неабходнасці ўвядзення рацыянальных канцэптаў у сферу трансцэндэнтнага. Адной з праяў гэтай тэндэнцыі і была папулярызацыя рацыянальных доказаў існавання Абсалюту. Акрамя таго, Ч. Сіповіч разглядаў доказы маральныя, гістарычныя, а таксама доказы са Свяшчэннага Пісання. Цікава, што вера без разумовага тлумачэння стаяла для Ч. Сіповіча на ніжэйшай ступені ў параўнанні з «разумовай верай». Ён адзначаў: «Людзі, асабліва інтэлігенцыя, звычайна не развіваюць свайго роду эвалюцыі, або развіцця веры ў Бога. Замалада ён верыць так, як маці вучыла, верыць толькі пачуццям. А калі розум ягоны пачынае даспяваць, прыходзяць сумнівы, вера слабее. Цераз нейкі час пасля, калі ён сапраўды паразумнее, тады зноў вяртаецца да веры, з той, аднак, розніцай, што зараз яго вера ўжо будзе разумная» [18, с. 6].

Тамістычная праблема суадносін навукі і рэлігіі, існаванне якой адзначалася раней у працах В. Бучынскага і Ю. Анджыяліні, знайшла адлюстраванне ў творчасці Льва Гарошкі, а менавіта на старонках яго кнігі «Навука і рэлігія». Мысліцель дыферэнцыраваў аб'екты даследавання рэлігіі і навукі. У якасці аб'екта вывучэння ў навукі выступае прырода, у той час як рэлігія займаецца пазнаннем Абсалюту і створанага ім свету. Паміж навукай і рэлігіяй ёсць агульная сфера інтарэсаў – гэта свет, але яны даследуюць яго рознымі шляхамі: «Прадмет, які пазнае рэлігія, ёсць зусім іншым ад таго, які пазнае навука, бо ў асноўным рэлігія пазнае

Бога і свет, а навука вывучае прыроду. Між навукай і рэлігіяй ёсць толькі частковае поле зацікаўлення. Бо калі навука вывучае свет, дык і рэлігія цікавіцца светам, бо ў ім ёсць сляды Бога. Але іхняе вывучэнне тае самае прыроды мае розны характар. Рэлігія пазнае адносіны Бога да сусвету, а навука толькі апісвае сусвет. Вось жа і тут хоць навука і рэлігія закрываюць тую самую сапраўднасць, аднак звяртаюць увагу на зусім іншыя аспекты тае сапраўднасці. Яны гавораць аб розных справах і тым самым не могуць сабе супярэчыць» [19, с. 5].

Зварот да ідэй неатамізму, як і да аўтэнтчнай спадчыны Фамы Аквінскага, уласцівы не толькі беларускім аўтарам, большая частка жыцця якіх звязана з эміграцыяй. Назіраецца выкарыстанне праграмных устаноў неатамізму таксама і ў творчасці рэлігійных дзеячаў, увесь лёс якіх паяднаны з Беларуссю: Ф. Абрантовіча, А. Станкевіча. Трэба, напрыклад, адзначыць шырокае выкарыстанне ў творчасці названых аўтараў канцэпту *essesubsistens*, або *быццё самаіснае*. Так, А. Станкевіч у адным з нарысаў пісаў: «Ён [Абсалют] ёсць быццё, якое нічым не абмежавана. Таму яго можна ахарактарызаваць з дапамогай дзеяслова “ёсць”, і гэта будзе яго асноватворная рыса» [20, с. 3].

Выкарыстанне дадзенага прынцыпу ўласціва, напрыклад, творчасці Ф. Абрантовіча: «Яхвэ – знача той, каторы ёсць. Калі з нас каго спытаюць – хто ты, мы не адкажам проста: я ёсць, але кажам: я ёсць такі і такі. Чаму? Бо ў нас паўнаты быцця няма. На свеце ёсць толькі гэта, або гэнае, а не проста ёсць, быць (сутнасць). А Бог ёсць і толькі Ён адзін ёсць сапраўды ў цэлай паўнаце бытавання, без агранічэння, без пачатку і канца, бо каб меў пачатак або канец, – не быў бы ёсць, але быў бы той, каторы пачаўся, або той, каторы скончыцца. Такімі ёсць усе рэчы, а толькі Бог ёсць. Недарма, калі Майсей пытаўся Бога, як мае адказаць тым, да каго пойдзе, Бог сказаў: ідзі і кажы, што Цябе паслаў той, каторы ёсць» [21, с. 6].

Вялікую ролю ў станаўленні светапогляду беларускіх мысліцеляў другога перыяду развіцця неасхаластычнай традыцыі на Беларусі адыграла атрыманне імі адукацыі ў найбуйнейшых цэнтрах неатамізму. Трэба згадаць універсітэт Святога Фамы ў Рыме, адну з пяці асноўных папскіх навучальных устаноў, вядомы таксама пад назвай *Angelicum*. На той час ён разам з Лувенскім універсітэтам і ўніверсітэтам у Фрэйбургу быў важным асяродкам распаўсюджвання і вывучэння ідэй неатамізму. Сваёй *alma mater* называў яго беларускі каталіцкі інтэлектуал Т. Падзява, які атрымаў там ступень доктара філасофіі [22, с. 9]. З іншымі папскімі навучальнымі ўстановамі ў Рыме звязаны студэнцкія гады Ч. Сіповіча (у 1946 г. абараніў

¹Тут і далей цытаты прыведзены з захаваннем лексічных і сінтаксічных асаблівасцей арыгінала ў адпаведнасці з сучаснымі нормама арфаграфіі. – А. Л., Г. К.

у Папскім усходнім інстытуце доктарскую работу [23, с. 58] і П. Татарыновіча (распацаў працу над доктарскай дысертацыяй пра Кірылу Тураўскага і паспяхова абараніў яе ў Папскім усходнім інстытуце [24, с. 21]).

На падставе прыведзенных фактаў можна прасачыць наступны шлях распаўсюджвання ідэй неасхаластыкі ў еўрапейскай і беларускай гісторыка-культурнай прасторы. У першапачатковым выглядзе яны ў духу арыстоцэлеўскага тамізму даследаваліся ў творчасці Ю. Анджыяліні і В. Бучынскага ў Полацкай езуіцкай акадэміі. Затым ідэі неасхаластыкі трапілі ў Еўропу, дзе адбыло-

ся іх афармленне ў якасці рэлігійна-філасофскай плыні пад назвай «неатамізм», а потым яны зноў вярнуліся ў беларускую інтэлектуальную прастору. Такім чынам, перад даследчыкамі паўстае ўнікальны феномен зыходу з Беларусі і вяртання ў яе межы ў пераасэнсаваным выглядзе ідэй філасофскай спадчыны Фамы Аквінскага. Але пры гэтым адкрытым застаецца пытанне аб тым, ці сапраўды магла быць Полацкая езуіцкая акадэмія адзіным месцам зараджэння (або імпульсам да з'яўлення) руху неатамізму, які потым стаў набіраць неабходны інтэлектуальны патэнцыял у творчасці еўрапейскіх мысліцеляў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шалькевіч В. Ф. Полацкая неасхаластыка // Мировоззренческие и философско-методологические основания развития современного общества: Беларусь, регион, мир : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 5–6 нояб. 2008 г.) / под ред. Т. А. Адуло. Минск, 2008. С. 524–525.
2. Шалькевіч В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск, 2002.
3. Серабракоў З. Філязофія Акадэміі езуітаў у Полацку [Электронны рэсурс]. URL: http://www.epolotsk.com/page.php_id=251.html (дата звароту: 10.10.2016).
4. Z katalickaha žyćcia ў Francyi // Chryścijan. dumka. 1929. № 2. S. 8.
5. Великович Л. Н. Черная гвардия Ватикана. М., 1985.
6. Шайкоў В. І. Полацкая езуіцкая акадэмія (1812–1820) // Беларус. гіст. часоп. 1995. № 4. С. 73–82.
7. Giżycki J. M. A. Materiały do Dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Kraków, 1905.
8. Кирьянов Д. В. Томистская философия XX века. СПб., 2009.
9. Инглот М. Общество Иисуса в Российской империи и его роль в повсеместном восстановлении ордена во всем мире. М., 2004.
10. Bednarski S. T. J. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce. Studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego. Kraków, 1933.
11. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995. Kraków, 1996.
12. Darowski R. Giuseppe (Joseph) Angiolini SJ (1747–1814), professor of philosophy at the Polotsk Academy [Electronic resource]. URL: <http://lib.psu.by/history/Files/darowski.pdf> (date of access: 10.10.2016).
13. Angiolini G. Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis. Polock, 1819.
14. Buczynski V. Institutiones doctrinae religionis in quibus principia philosophica ad veritates religiones applicantur-conscriptae. Viene, 1842.
15. Darowski R. Vincent Buczynski on the way to the revival of Thomism // Forum Philos. 2005. № 10. P. 181–189.
16. Надсан А. Біскуп Чэслаў Сіповіч: святар і беларус. Мінск, 2004.
17. Клімовіч Г. І. Рэцэпцыя ідэй неатамізму ў каталіцкай думцы Беларусі XX ст. : дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03. Мінск, 2016.
18. Sipovič Č. Boh // Žnič. 1950. № 1. S. 6–8.
19. Гарошка Л. Навука і рэлігія. Дрэгома ; Друя, 1994.
20. Stankievič A. Liekcyja, Jevanhiellia i Navuka na V niadzieliu postu // Chryścijanskaja dumka. 1929. № 5. S. 3.
21. Abrantowicz F. Boh. Wilno, 1928.
22. Сіповіч Ч. Айцец Тамаш Падзьява // Божым шляхам. 1975. № 145–146. С. 8–10.
23. Надсан А. Pro patria aliena: кляштар беларускіх айцоў марыянаў у Друі, 1924–1938. Мінск, 2006.
24. Сіповіч Ч. Пралат Пётр Татарыновіч // Божым шляхам. 1979. № 150. С. 19–25.

References

1. Shalkevich V. F. Polackaja neashalastyka. *Mirovozzrencheskie i filofska-metodologicheskie osnovaniya razvitiya sovremennogo obshchestva: Belarus', region, mir.* : materialy mezhdunar. nauchn. konf. (Minsk, 5–6 Novemb., 2008). Minsk, 2008. S. 524–525 (in Belarus.).
2. Shalkevich V. F. Gistoryja palitychnaj i pravavoj dumki Belarusi. Minsk, 2002 (in Belarus.).
3. Serabrakou Z. Filjazofija Akadjemii ezuitaw u Polacku. URL: http://www.epolotsk.com/page.php_id=251.html (date of access: 10.10.2016) (in Belarus.).
4. Z katalickaha žyćcia ў Francyi. *Chryścijanskaja dumka*. 1929. No. 2. S. 8 (in Belarus.).
5. Velikovich L. N. Chernaya gvardiya Vatikana. Moscow, 1985 (in Russ.).
6. Shajkou V. I. Polackaja ezuickaja akadjemija (1812–1820). *Belarus. Gistar. Chasopis*. 1995. No. 4. S. 73–82 (in Belarus.).
7. Giżycki J. M. A. Materiały do Dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Cracow, 1905 (in Pol.).
8. Kiryanov D. V. Tomistskaya filosofiya XX veka. Saint Petersburg, 2009 (in Russ.).
9. Inglot M. Obschestvo Iisusa v Rosyiskoi Imperii i ego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena vo vsem mire. Moscow, 2004 (in Russ.).

10. Bednarski S. T. J. Upadek i odrodzenie szkół jezuitów w Polsce. Studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego. Cracow, 1933 (in Pol.).
11. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995. Cracow, 1996 (in Pol.).
12. Darowski R. Giuseppe (Joseph) Angiolini SJ (1747–1814), professor of philosophy at the Polotsk Academy. URL: <http://lib.psu.by/history/Files/darowski.pdf> (date of access: 10.10. 2016).
13. Angiolini G. Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis. Polock, 1819 (in Lat.).
14. Buczynski V. Institutiones doctrinae religionis in quibus principia philosophica ad veritates religiones applicantur-conscriptae. Viene, 1842 (in Lat.).
15. Darowski R. Vincent Buczynski on the way to the revival of Thomism. *Forum Philos.* 2005. No. 10. P. 181–189.
16. Nadsan A. Biskup Chjeslaw Sipovich: svjatar i belarus. Minsk, 2004 (in Belarus.).
17. Klimovich G. I. Rjecjepyja idzej neatamizmu w katalickaj dumcy Belarusi XX st. : dysertacyja... kandydata filasofskih navuk : 09.00.03. Minsk, 2016 (in Belarus.).
18. Sipovich Ch. Boh. *Znich.* 1950. No. 1. P. 6–8 (in Belarus.).
19. Garoshka L. Navuka i rjeligija. Dretoma ; Druja, 1994 (in Belarus.).
20. Stankievič A. Liekcyja, Jevanhiellia i Navuka na V niadzieliu postu. *Chryścijanskaja dumka.* 1929. No. 5. S. 3 (in Belarus.).
21. Abrantowič F. Boh. Wilno, 1928.
22. Sipovich Ch. Ajcec Tamash Padzjava. *Bozhym shljaham.* 1975. No. 145–146. S. 8–10 (in Belarus.).
23. Nadsan A. Pro patria aliena: kljashtar belaruskich ajcow maryjanaw u Druj, 1924–1938. Minsk, 2006 (in Belarus.).
24. Sipovich Ch. Pralat Pjotr Tatarynovich. *Bozhym shljaham.* 1979. No. 150. S. 19–25 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 12.04.2017.
Received by editorial board 12.04.2017.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется феномен толерантности, являющийся одной из наиболее актуальных проблем современной социально-гуманитарной мысли. Предпринята попытка выявить сущностные основания феномена толерантности и совершить историко-философский экскурс концепта в западноевропейской и русской философии. Раскрываются морально-психологический и морально-политический аспекты проявления толерантности. Обозначается вариативный, динамичный и полисемантический характер толерантности как понятия, а также социокультурная детерминация в интерпретации толерантности как феномена. Актуализируется такое понимание толерантности, как пространство свободного и осознанного выбора в рамках диалога.

Ключевые слова: толерантность; концепт; этический идеал; веротерпимость; диалог; Другой; общество; конфликт; право на различие.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL DIGRESSION

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to analysis of the phenomenon of tolerance, which is one of the most topical issues in modern socio-humanitarian thought. Therefore, this article aims to analyze the essential grounds of the phenomenon of tolerance and to carry out the historical and philosophical background of the concept in the Western European and Russian philosophy. Identify the aspects of tolerance, moral-psychological and moral-political aspects of tolerance. Is denoted by the variable, dynamic and polysemantic nature of tolerance as a concept and the existence of socio-cultural determination in the interpretation of tolerance as a phenomenon. The emphasis understanding of tolerance as a space of free and informed choice in the dialogue.

Key words: tolerance; concept; ethical ideal; religious tolerance; dialogue; another person; society; conflict; right for distinction.

Сложные и противоречивые процессы в современном мире ставят проблему межкультурного диалога и взаимопонимания под особый ракурс исследования. Расширяющийся процесс глобализации и космополитические установки на преодо-

ление границ и интеграцию культурных сообществ превращаются в одно из оснований для обратной реакции в социокультурном пространстве – интенсификации социальной атомизации. В формате протекционистской реакции на тенденцию

Образец цитирования:

Курбачёва О. В. Концептуально-теоретическое осмысление феномена толерантности: историко-философский экскурс // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 12–17.

For citation:

Kurbacheva O. V. Conceptual and theoretical understanding of the phenomenon of tolerance: historical and philosophical digression. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 12–17 (in Russ.).

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук; доцент кафедры философии и методологии науки.

Author:

Olga Kurbacheva, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
kurbach.ova@gmail.com

к глобальности и единству (для которой свойственны зачастую гипертрофированные и устрашающие акценты в интерпретации) в обществе все острее встает вопрос об усилении эффекта «разорванности» в социокультурном диалоге и повышенном уровне конфликтности в обществе. И именно этот диалектический процесс одновременной интеграции и разобщенности в социокультурном пространстве актуализирует проблему толерантности на всех уровнях современного социогуманитарного дискурса.

В настоящее время понятие толерантности так часто используется в публицистических изданиях, риторике общественно-политических деятелей и научно-исследовательских проектах, что терминологические границы постепенно размываются и сам термин нередко обретает спекулятивный характер, подстраиваясь под контекст событий. Однако у этого явления не только субъективно-прагматические причины. Толерантность сама по себе не выступает в качестве универсальной категории. Ее интерпретация обусловлена социокультурным контекстом определенного исторического этапа развития общества, культурной традицией, уровнем развития общества и другими факторами, оттеняющими смысловое пространство данного понятия.

Если обратиться к этимологии слова, то с латинского *tolerans, tolerantis* буквально переводится как терпеливо переносящий [1, с. 241]. В английском языке слово «толерантность» обретает дополнительный смысл – страдать, претерпевать, а также способность без протеста воспринимать личность или вещь. В переводе с французского (*tolerat*) появляется такое значение, как терпимый, снисходительный. Даже на уровне перевода обнаруживаются полисемантичесность и различные оттенки интерпретации.

В последней трети XX в. термин активно использовался в русскоязычной литературе. Впрочем, об однозначной концептуализации понятия говорить пока рано. Синонимичный ряд в понимании толерантности отнюдь не условен и несет в себе значительные содержательные вариации в толковании. Смысловое пространство понятия «толерантность» является пусть не открытым, но вариативным. С одной стороны, это расширяет его концептуально-теоретическое осмысление, а с другой – затрудняет задачу конструирования его четких семантических границ и осознания на данном этапе социокультурного развития.

При этом само понятие не является неким абстрактным этическим идеалом, а обладает конкретной коннотацией в рамках диалоговой практики – терпеливого отношения к Другому. Хотя понимание терпеливого, его границы и основания далеко не очевидны. Эти сложности в интерпретации под давлением внешних социокультурных обстоятельств выступают определенным катализа-

тором для дальнейшего предметного и системного анализа толерантности как феномена.

Феномен толерантности – один из базовых концептов в западноевропейской философии, и если осуществить историко-философский экскурс, то можно обнаружить различные акценты в его интерпретации. Античная философия предлагает опосредованные размышления о терпимости как добродетели. Сократ в известном сочинении Платона «Протагор» говорит о необходимости «обуздания страстей посредством воспитания и знания», а сам автор произведения в свою очередь понимает терпимость как «интеллектуальную самозащиту», необходимую для реализации его социально-политической концепции [2, с. 863]. Личные добродетели в древнегреческой философии были значимы лишь в своем созвучии с общественным благом, вследствие чего и обнаруживаются социально-политические акценты в интерпретации толерантности.

Однако уже представления эпикурейцев и стоиков послужили теоретическим основанием для формирования христианской религиозной этики и иного представления о природе толерантности. Терпимость отождествляется с безмятежностью и воздержанностью в качестве основы для таких добродетелей, как стойкость и мужество [3, с. 44].

В средневековой религиозной философии толерантность понимается через такую категорию, как терпимость, и обосновывается через необходимость искупления первородного греха, милосердие, а также носит ярко выраженный этико-религиозный характер: «Вера, озаренная терпением, распространилась среди язычников благодаря семени Авраамову, то есть Христу, и, облекая Закон Благодатью, сделала терпение главным своим помощником в укреплении и исполнении Закона, ибо только его до тех пор не хватало в учении о праведности» [4, с. 325]. Терпение в средневековой философии уже выступает символом веры и нормативным аскетическим идеалом личности в отличие от общественно-политической идеализации Античности.

Если же обратиться к новоевропейской философии, а также к работам мыслителей эпохи Просвещения, можно обнаружить закономерные существенные изменения в интерпретации понятия толерантности, которое приобретает социально-политическую ценность и выходит за пределы сугубо религиозного истолкования, свойственного эпохе Средневековья. В произведениях Дж. Локка, Ф.-М. Вольтера, И. Канта и других философов обосновывается связь морали с правом и актуализируется единство толерантности и религиозной свободы.

Примером могут служить рассуждения о толерантности Дж. Локка в трактате «Послание о веротерпимости» [5]. Безусловно, английский мыслитель эпохи Просвещения писал о принципах религиозного веротерпения, но здесь важны именно

сами рассуждения о причинах нетерпимого и принципах терпимости. По мнению философа, терпимость – «основной критерий истинной Церкви», а религия немыслима без допущения различных способов почитания Бога [5, с. 91]. Главными же критериями нетерпимости к инакомыслию со стороны Церкви выступают власть и суеверие: «Не различие во взглядах, которого нельзя избежать, но нетерпимость к инакомыслящим, которой могло бы не быть, породила большинство распрей и войн, возникавших в христианском мире во имя религии. Церковные прелаты, увлекаемые корыстолюбием и жаждою власти, всячески подстрекали и побуждали правителя, часто охваченного безудержным честолюбием, и народ, живущий всегда во власти пустых суеверий <...> вопреки заветам Евангелия, вопреки требованиям человеколюбия призывали грабить и уничтожать схизматиков и еретиков, смешивая две несовместимейшие вещи – Церковь и государство» [7, с. 130]. Эти идеи носили провокационный характер и были обусловлены демократизацией и секуляризацией общественного сознания. Кроме того, в представлениях Дж. Локка обнаруживается попытка объяснить религиозную свободу через протестантскую экзегетику.

Однако значимость рассуждений Дж. Локка о терпимости состоит не только в его богословских представлениях (терпимость как результат протестантской этики) – она имеет непосредственное философское основание. Эмпиризм Дж. Локка приводит мыслителя к выводу о том, что истина не обладает универсальным характером, а все, с чем имеет дело человек, – это результат его восприятия: «...Наши простые идеи являются тем, чем они и должны быть, – истинными идеями. Они не становятся ложными от того, что ум полагает <...> будто эти идеи находятся в самих вещах. Бог в своей мудрости установил эти идеи как знаки различия вещей, по которым мы могли бы отличать одну вещь от другой... И природа нашей простой идеи не изменяется от того, думаем ли мы, что идея голубого находится в самой фиалке или что она находится только в нашем уме...» [6, с. 443]. В рамках эмпиризма невозможно априори вычленить онтологическую сущность вещей, т. е. человек не может знать вещи сами по себе просто по определению. С точки зрения Дж. Локка, разделявшего первичные и вторичные качества вещей, отсутствует некая абсолютная метафизическая истина, данная раз и навсегда. И появляется основание для терпимости как таковой – признание возможности существования различий в восприятии и равенства действительности всех фактов сознания.

Английский философ предлагает системное понимание природы и принципов толерантности – его представления о терпимости очевидны не только в богословской и философской мысли, они

также прослеживаются в общественно-политических взглядах, а в дальнейшем оказались востребованы в качестве морально-политической доктрины. Толерантность можно трактовать и как юридический феномен, реализация которого полностью должна принадлежать государству. В целях соблюдения внешнего благополучия государство берет на себя обязательства и обладает абсолютным авторитетом в разрешении конфликтных ситуаций и утверждении в обществе взаимной терпимости. Государство, по мнению Дж. Локка, не должно зависеть от церкви, а гражданские законы – выше церковных [5, с. 96].

Это утверждение на первый взгляд представляется целостным и рационально обоснованным. Однако при более детальном исследовании можно заметить, что оно содержит в себе потенциальную угрозу общественной стабильности и терпимости: в зависимости от того, какое место занимают религиозные установки в общей иерархии ценностей личности, возможны отступления либо от правовых норм (в случае доминирования ценностей веры), либо от личных религиозных убеждений. И в том и другом случае прослеживается явная двойственность в гражданской и личностной идентичности. Особенно остро этот парадокс в соотношении роли религии и государства проявился в период социокультурной нестабильности. Размышления английского философа XVII в. оказались весьма актуальны в период глобальных изменений в сфере социальной и цивилизационной динамики, а также в самом пространстве познавательных интенций в конце XX – начале XXI в.

Толерантность становится одним из базовых концептов и для русской философской мысли конца XIX – начала XX в. Среди мыслителей, актуализировавших вопросы о природе и сущности толерантности, можно выделить В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Л. Н. Толстого и Н. А. Бердяева. Наиболее очевидным шагом в формировании толерантности как концепта в русской культуре может считаться философия ненасилия Л. Н. Толстого. Толерантность как этический принцип, по мнению писателя, базируется на таких скрепах, как терпимость, смирение и примирение, непротивление злу насилием. Насилие невозможно оправдать как необходимое, оно существует лишь «как оправдание людьми своих излюбленных пороков: мести, корысти, зависти, честолюбия, властолюбия, гордости, тупости, злости» [7, с. 179]. В рамках своего религиозно-философского учения Л. Н. Толстой анализирует тему насилия, его природу и разновидности, обосновывая представления о ненасилии и связывая их с особенностями православной веры и историей русского народа. Несмотря на то что идеи писателя, касающиеся неприятия государства в случае применения последним насильственных

действий, были раскритикованы, сами представления о неприятии насилия оказались востребованы как проект истинной жизни, модель индивидуального императивного действия (преодоление «животной личности») и, безусловно, существенно повлияли на этико-религиозное сознание русской культуры.

В середине XX в. антропологический кризис, связанный и с военно-политическими событиями, и с проблемами техногенной цивилизации, актуализирует экзистенциальные поиски смысла жизни человека и оказывает колоссальное воздействие на расширение интерпретации толерантности. Аккумулируются все предшествующие акценты в понимании данного феномена: этико-религиозный, социально-политический и этико-философский ракурсы осмысления и принятия. Основываясь на традициях диалогизма и диалогической рефлексии, феномен толерантности раскрывается через такую коннотацию, как уважительное отношение к Другому и признание Другого в качестве ценности, что отражено в работах М. Бубера, М. М. Бахтина, В. С. Библера, К. Ясперса. Задается особый психологический фокус рассмотрения толерантности – как внутренней установки на принятие и признание Другого, готовности к диалогу.

Именно в конце XX – начале XXI в. под влиянием интенсивного взаимодействия культур и открытого глобализационного пространства понятие толерантности приобретает акцентированную социокультурную и политическую оценку. Всплеск миграционного процесса, ориентация на мультикультурную политику смещают акценты с психологической установки личности на общественно-политические лозунги о необходимости добровольного согласия на взаимную терпимость. Конечно, внутренняя регламентация поведения, основанная на уважительном отношении к Другому, не перестает быть значимой. Однако акценты делаются уже не на морально-психологических механизмах самоконтроля личности (хотя они и не исключаются), а на внешней целесообразности, объясняемой через закон, традицию или установку на толерантность как общественную норму, способную предотвратить конфликтные ситуации и позволяющую выстраивать взаимоуважительные отношения с другими.

Эта установка на толерантность как общую культурную ценность и формирование уважительного отношения к другой культуре, безусловно, играет важную консолидирующую роль в развитии общества, но является весьма уязвимой. В первую очередь уязвимость проявляется в том, что толерантность как ценность зачастую носит искусственно конструируемый характер. Терпеливое отношение к Другому прививается в обществе как нечто ценностное и необходимое, используемое в качестве

инструмента в социокультурном проектировании – в предотвращении конфликтов, противодействии экстремизму или преодолении ксенофобии в целом. Однако именно эта инструментальность толерантности, ее императивность и понимание как «всеобщего человеческого долга» становятся основанием для обратной реакции в обществе.

Толерантность не должна быть навязанной извне, она возможна только как пространство свободного и осознанного выбора. Важно интегрировать и морально-психологический аспект, и морально-политический контекст проявления толерантности, не вычлняя из этой связки ни один из элементов. Каждая из обозначенных сфер – психологическая и социально-политическая области проявления и формирования толерантности как таковой – является сдерживающим механизмом для другой и основанием для добровольного согласия на взаимную терпимость [8]. Ведь толерантность всегда связана с практикой диалога, субъектом которого может выступать как отдельно взятая личность, так и социокультурная общность. И только посредством синтеза и взаимодополняемости внутренней регламентации и общей установки на признание инаковости как культурной нормы возможно формирование добровольного согласия на терпимость. Внутренняя регламентация человека предостерегает от искусственного и внешнего навязывания терпимости как конструкта. В то же время морально-политический аспект проявления толерантности, ее внешняя регламентация служат гарантией и основанием для ожидания от другого тождественной реакции.

Важным шагом в понимании природы толерантности и возможностей ее осуществления как внутренней личной установки, с одной стороны, и значимой культурной ценности – с другой, является анализ семантического поля данного понятия. Историко-философский экскурс подтверждает различные акценты в интерпретации толерантности, ее вариативности и социокультурной ангажированности. Остановимся непосредственно на содержательном контексте в его вариациях. Герменевтический анализ некоторых публикаций и общественно-политических лозунгов, посвященных теме толерантности, позволяет увидеть многослойность используемого термина: под внешней формулировкой терпимого отношения к Другому могут быть прочитаны и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. Можно говорить о терпимости, предполагающей внутреннее напряжение, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому (толерантность как общественно-политическая норма). А можно понимать толерантность как сознательное принятие различий, признание универсальных

прав и свобод человека (личностная установка). Поэтому важно дифференцировать сами основания для толерантности. Академик В. А. Лекторский в известной статье «О толерантности, плюрализме и критицизме» предлагает следующие возможные способы понимания этого термина: как безразличие, снисхождение, невозможность взаимопонимания, расширение собственного опыта и критический идеал [9]. Анализируя различные основания толерантного отношения к Другому, автор подчеркивает необходимость «видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей и интеллектуальных систем отсчета» [9, с. 53].

Особенно остро проблема толерантности звучит в условиях форсированного миграционного процесса. Выходящий за пределы возможного контроля миграционный поток обнажает антиномичный характер толерантности [10, с. 45]. Заявленная открытость к Другому в реальной практике, когда Другой выступает не абстрактной фигурой, а конкретным мигрантом, сменяется безразличием или пассивным дистанцированием. Миграционный процесс является определенным вызовом для толерантности – теоретические размышления об этом понятии не всегда находят отражение в непосредственной практической реализации нравственного поведения. Однако, чтобы не было различий между сферами «сущего» и «должного», важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал, к которому мы только должны стремиться, а формировать представления о том, что толерантность – это норма, являющаяся частью повседневной практики.

Толерантность, безусловно, не врожденное, а приобретенное, воспитываемое чувство и способ отно-

шения к миру и Другому. Как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от наших убеждений и не вписывающихся в привычные для нас стандарты понимания. А в контексте глобализационной установки на транскультурное сближение традиций и культурных ценностей толерантность может быть представлена именно как «право на различие». При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознавать, что абсолютное понимание иных, чуждых для нас ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определенную закрытость для нас. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. Оценивая другую культуру, важно опираться не на сугубо локальные эстетические и моральные критерии, поскольку чужая культура не хуже и не лучше, чем наша собственная, – она всегда иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того чтобы диалог не был внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог – это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позициям. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого и ожидаю обратного признания. Вступая в диалог, любой его субъект должен быть готов к изменениям. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность в том, что и другой его субъект готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменениям. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индивидуально значимой категорией, но и социально-политическим феноменом.

Библиографические ссылки

1. Бачинин В. А. Толерантность // Этика : энцикл. сл. М., 2005. С. 241–242.
2. Платон. Протагор // Сочинения : в 4 т. М., 1990. Т. 1.
3. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
4. Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.
5. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения : в 3 т. М., 1985. Т. 2.
7. Толстой Л. Н. Избранные философские произведения. М., 1992.
8. Тишков В. А. О природе толерантности и нетерпимости [Электронный ресурс]. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2> (дата обращения: 05.01.2017).
9. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11. С. 46–54.
10. Сидоренко И. Н. «Военизированный гуманизм» и антиномичность толерантного разума // Философия и соц. науки. 2016. № 4. С. 43–47.

References

1. Bachinin V. A. [Tolerance]. *Ethics* : encycl. dict. Moscow, 2005 (in Russ.).
2. Platon. *Protagor*. *Sochineniya* : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 (in Russ.).
3. Seneka. [Moral letters to Lucilius]. Kemerovo, 1986 (in Russ.).

4. Tertullian. [Chosen compositions]. Moscow, 1994 (in Russ.).
5. Lokk Dzh. [The message about toleration]. *Sochineniya* : in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 3 (in Russ.).
6. Lokk Dzh. [Experience about human understanding]. *Sochineniya* : in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 2 (in Russ.).
7. Tolstoi L. N. [Chosen philosophical works]. Moscow, 1992 (in Russ.).
8. Tishkov V. A. [About the nature of tolerance and intolerance]. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2> (date of access: 05.01.2017) (in Russ.).
9. Lektorskii V. A. [About tolerance, pluralism and criticism]. *Vopr. philos.* 1997. No. 1. P. 46–54 (in Russ.).
10. Sidorenko I. N. [«Military humanism» and the Antinomy of the tolerant reason]. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2016. No. 4. P. 43–47 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.01.2017.
Received by editorial board 18.01.2017.

УДК 141.201;165.5

ВОПРОСЫ КРАСОТЫ ПРИРОДЫ В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Раскрывается процесс становления эстетического отношения В. И. Вернадского к природе. Акцентируются место и роль художественной литературы и музыки в научном и философском постижении природы выдающимся русским ученым. Особое внимание уделяется вкладу В. И. Вернадского, который он внес в выявление равновесных и гармоничных взаимоотношений между структурными компонентами биосферы, их симметрии как основы ее красоты. Подчеркивается значимость учета эстетических сторон биосферы при анализе ее современных состояний и перехода в ноосферу. Отмечается, что реализация эстетических идей естествоиспытателя и мыслителя в современном научном знании способствовала появлению новой научной и учебной дисциплины – экологической эстетики.

Ключевые слова: природа; биосфера; наука; художественная литература; музыка; гармония; равновесие; симметрия; красота; экологическая эстетика.

QUESTIONS OF BEAUTY OF THE NATURE IN THE SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF V. I. VERNADSKY

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the process of the formation of the aesthetic relation to the nature of V. I. Vernadsky. It is noted the role and place of literature and music in the scientific and philosophical comprehension of the nature. Particular attention is paid to the analysis of his contribution to the identification of equilibrium and harmonious relationship between the structural components of the biosphere, their symmetry as the foundation of its beauty. It emphasizes the importance of taking into account the aesthetic aspect of the biosphere in the analysis of its current state, and the transition into the noosphere. Attention is drawn to the fact that the implementation of the aesthetic ideas of the Russian scientist and thinker in the modern scientific knowledge leads to the formation of a new scientific discipline – environmental aesthetics.

Key words: nature; biosphere; science; fiction; music; harmony; balance; symmetry; beauty; environmental aesthetics.

В творческом наследии выдающегося русского естествоиспытателя и мыслителя В. И. Вернадского (1863–1945) важное место занимали вопросы красоты природы, выявление ее оснований и роли эстетического подхода в постижении и сохранении природы. Однако данная сторона интересов ученого пока не получает должного освещения в исследованиях современных авторов. По этой причине

вклад В. И. Вернадского в познание природы и обоснование ее философии раскрывается не в полной мере, что и побудило нас обратиться к анализу поставленных вопросов.

Духовные устремления и творческие усилия великого ученого XX в. не ограничивались исключительно наукой. В конце жизни (1943) В. И. Вернадский говорил: «Я никогда не жил одной наукой».

Образец цитирования:

Карак П. С. Вопросы красоты природы в научном и философском наследии В. И. Вернадского // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 18–28.

For citation:

Karako P. S. Questions of beauty of the nature in the scientific and philosophical heritage of V. I. Vernadsky. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 18–28 (in Russ.).

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. *kafedra628@gmail.com*

И на вопрос, что же он любит кроме научных занятий, отвечал: «Художественную литературу люблю и за ней внимательно слежу. Очень люблю искусство, живопись, скульптуру. Очень люблю музыку, сильно ее переживаю. Большое мое лишение, что редко мне ее приходится слушать по моим годам» [1, с. 97]. В центре его внимания были вопросы истории материальной культуры, отношения чело-

века к природе, религии и философии, проблемы этики и эстетики природы и т. д. Выявить их место и роль в мировоззрении и научных устремлениях В. И. Вернадского весьма важно для постижения творчества ученого и раскрытия его личных качеств. Первостепенное значение имеет установленные роли художественной литературы в познании мыслителем природы и ее красоты.

«Художественное вдохновение» как фактор постижения природы

О том, что В. И. Вернадский любил художественную литературу, могут свидетельствовать оценки творчества ее виднейших представителей, данные мыслителем в научных трудах, где часто упоминаются И. Гёте, Ф. М. Достоевский, А. Мицкевич, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. Шиллер и другие отечественные и зарубежные писатели и поэты. Через всю свою жизнь он пронес любовь к литературе. Даже в первые трудные годы Великой Отечественной войны ученый прочел такие художественные произведения, как «Былое и думы» А. И. Герцена, «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. А. Шолохова и др.

При этом В. И. Вернадский особенно ценил те произведения, в которых освещались природа и красота ее явлений. Да и сам мыслитель демонстрирует умение описывать природу языком изящной словесности. Подтверждением сказанного являются его восприятие и описание вод Днепра и Волги, о чем можно прочесть в дневниковой записи от 20 июля 1884 г.: «Тихо, медленно, изо дня в день размывая и слагая твердый материал своих берегов, они текут, несут свои воды, несут награбленное у земли, у материка и сносят его в море, загромождая свои устья. Велика река ночью, когда ясная ее поверхность едва колеблется от расходящейся зыби, когда пароход скользит по ней и, разбивая ее поверхность, отбрасывает волны на берега реки. Здесь они находят одна на другую, сливаются, сцепляются, и шум от них едва слышится нам вдали». А вот «когда заходит солнце и разноцветные облака востока неба отражаются в зыби реки, когда они, сливаясь, дают пеструю картину отраженных цветов, когда ничего не видно на берегах <...> тогда в душу проникает какое-то спокойствие...». Качественно иной предстает перед В. И. Вернадским река ночью. В это время «все живое перед ней отступает, ночью птица не скользит по ее поверхности, рыба спит, а ты идешь и гонишь к берегам ее воды – они расступаются и плачут монотонно о начале своего покорения» [2, с. 57–58].

Вдумчивый читатель может соотнести это описание вод Волги и Днепра с образами рек в художественных произведениях Н. В. Гоголя (Днепр), Я. Коласа (Припять), М. Твена (Миссисипи), Л. Н. Толстого (Терек), А. П. Чехова (Енисей) и др. На наш

взгляд, элементы изящной словесности демонстрирует и В. И. Вернадский. Более того, он выражает собственное предчувствие возможного характера отношения человека к «своим» рекам. Человек уже в недалеком будущем, по убеждению ученого, «покорит» их. Свою участь предчувствуют и сами реки – вот почему они «монотонно плачут». В настоящее время Волга, Днепр, да и многие другие реки, действительно «покорены» человеком.

Лирическое восприятие и описание В. И. Вернадским вод известных рек в его ранние годы, чтение художественных описаний природы у именитых литераторов порождали у него не только множество собственных мыслей по поводу наблюдаемого и прочтенного, но и способствовали появлению «других направлений» мысли [3, с. 421] – научным исканиям в последующие годы жизни.

Одним из таких направлений были природные воды. Ученый отмечал, что их постижение целенаправлялось не только чисто научными задачами и практическими потребностями человека и общества, но и «художественным вдохновением, религиозными и философскими интуициями» [4, с. 226]. Лично мыслителя интересовали вопросы происхождения и геологии воды, взаимодействия природных вод и живого вещества, места и роли воды в структуре и функционировании биосферы, обеспечении ее равновесных состояний и т. д. Результатом исследования отмеченных и других тем стал его труд «История природных вод» (1933–1934, 1936), который, хоть и остался незаконченным, но по широте и глубине постижения затронутых проблем и развитых в нем идей до сих пор не имеет аналогов в мировой научной литературе.

Прежде всего В. И. Вернадский выявил планетарную роль воды, а также ее значение в существовании биосферы. Свои мысли ученый выразил весьма определенно: «Вода стоит особняком в истории нашей планеты. Нет природного тела, которое могло бы сравниться с ней по влиянию на ход основных, самых грандиозных, геологических процессов. Нет земного вещества – минерала, горной породы, живого тела, которое бы ее не заключало. Все земное вещество – под влиянием свойственных воде частичных сил, ее парообразного состояния, ее вездесущности в верхней части планеты – ею проникнуто и охвачено.

Не только земная поверхность, но и глубокие – в масштабе биосферы – части планеты определяются, в самых существенных своих проявлениях, ее существованием и ее свойствами» [4, с. 20].

Среди таких свойств В. И. Вернадский называл роль природных вод в обеспечении равновесных взаимоотношений между основными структурными компонентами биосферы: «Природные воды, рассматриваемые как минералы, являются сложными динамическими системами равновесия, находящимися в теснейшей связи с окружающей их средой» [4, с. 630]. Именно эти воды выступают звеном системы вода ↔ газы ↔ живое вещество и обеспечения организованнос-

ти биосферы. Выявление механизмов равновесия и организованности биосферы В. И. Вернадский считал одним из важнейших направлений постижения природы и ее красоты. Мыслитель сожалел о том, что данное направление познания еще «не учитывается философами» [4, с. 590]. Не учитывается оно философами и в настоящее время. А равновесие структур и процессов биосферы, как будет показано далее, является основой ее красоты. В современной эстетике поиски оснований красоты природы остаются за пределами внимания ее представителей, что существенно снижает теоретический уровень этого направления философии.

«Чувство натуралиста» не может смириться с разрушением красоты степи

Описывая красоту объектов природы, В. И. Вернадский часто ссылается на ее оценки, данные представителями художественной литературы. Так, в письме к жене от 10–11 июля 1890 г. он отмечал: «Я не раз вспоминал одно из лучших, сжатых описаний степи, которое дает Мицкевич в одном из своих сонетов...» [5, с. 71]. Очевидно, ученый имел в виду стихотворение А. Мицкевича «Аккерманские степи» из цикла «Крымские сонеты» (1826). Что же привлекло внимание начинающего исследователя природы в стихотворении молодого поэта? Это могли быть уже первые строки, в которых подчеркивается красота степи: *Выходим на простор степного океана, / Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод, / Меж заводей цветов, в волнах травы плывет, / Минуя острова багряного бурьяна...*

Красоту степи поэт воспеваает и в последующих строках стихотворения. Художественное описание степи встречаем также у В. И. Вернадского. Для него она «хороша». Особенно «хороша она утром при восходе солнца, когда солнце низко над горизонтом, когда все предметы дают странные тени, когда солнечные лучи как бы лишь касаются конца видимого пространства. Тогда просыпается жизнь. И ближе всмотревшись, ты и всюду, всюду видишь. Летают и кричат чайки, встречаешь “черногузов” (аистов. – П. К.), молча и важно шлепающих своими длинными лапами... А внизу на земле какое богатство форм, богатство особей, богатство жизни, борьбы – личинки, жуки, мухи всюду лазают, ползают, торопятся...». Все это есть, по убеждению мыслителя, выражение жизни степи. Причем «в этой жизни есть красота: она есть в формах, в красках, есть она и в самом своем ходе, в вечном изменении» [5, с. 72].

Для В. И. Вернадского степь хороша не только в раннее утро, но и в другое время суток. В письме к жене от 28 июня 1890 г. он писал, что «любит

степь и в сумерки, когда там все кругом широко, вольно, когда такая сильная, своеобразная томится жизнь» [5, с. 57] в этих уголках природы.

Великолепие степи ученый видит в многообразии ее растительного и животного мира. Именно это определяет не только красоту степи, но и ее бытие и эволюцию. Подобное описание степей юга Украины встречаем в двух повестях – Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1842) и А. П. Чехова «Степь» (1888). Представленная в них красота степи является уникальным явлением в эстетике природы. Данной традиции придерживается и В. И. Вернадский. Но в отличие от упомянутых писателей ученый фиксирует и начавшуюся деградацию степи – разрушение сложившегося путем длительной эволюции равновесия между ее компонентами. Перед его взором «теперешняя степь» предстает «очищенную, пустынную, гладкую. В балках нет лесов, травы не растут густо, всюду тянутся поля, а в иных местах – пески, солонцы. Прежние жители степи уничтожены: в разрезах чернозема находишь кротовины – заполненные лессом ходы живших тут грызунов, а о них не сохранилось и памяти; поймы Днепра стоят пустынные: жизнь мельчает на нашей планете деятельностью человека, остаются одни мелкие звери, а все более крупное, более сильное исчезает и губится невозвратно и беспощадно. Этот процесс идет всюду, и с ним не мирится чувство натуралиста, хотя именно он создает для этого главные средства» [5, с. 71–72].

Разрушение природы приводит к исчезновению ее красоты. С этим не мог смириться молодой натуралист В. И. Вернадский. Однако описанное им великолепие сохранившихся цельных участков степи и его слова протеста против губительного отношения человека к природе и ее красоте только в наши дни стали известны немногим исследователям творчества великого натуралиста.

«Удивительный лес дает много для постижения природы»

В дневниковых записях В. И. Вернадского обнаруживается его восхищение и таким объектом

природы, как лес. Даже в период жизни в Париже (с 1922 по 1926 г.) естествоиспытатель вспоминал

красоту тех природных территорий России, которые когда-то исследовал. Так, в записи от 7 августа 1924 г. ученый делится своими впечатлениями от посещения леса вблизи села Староселье на Днепре под Киевом, где находилась Днепро́вская биологическая станция. На этой станции В. И. Вернадский жил в июне – августе 1919 г., занимаясь научными исследованиями, направленность которых определялась и окружающим лесом. По его словам, это «удивительный лес», и прогулки по нему дали мыслителю «много для познания живой природы». Именно здесь он «узнал много тайнобрачных и явнобрачных растений», его стали «охватывать вопросы полноты жизни – давления жизни» [6, с. 159–160].

Данная тема получила научное обоснование и развитие в труде «Биосфера» (1926), который был опубликован В. И. Вернадским после возвращения в СССР. В нем понятия полноты и давления жизни заменяются понятием «растекание жизни» – его ученый считал «отличительной чертой живого вещества». Исследователь писал: «Растекание жизни – движение, выражающееся во всюдности жизни, есть проявление *ее* внутренней *энергии*, производимой *ею* химической работы. Оно подобно растеканию газа, которое не есть следствие тяготения, но есть проявление отдельных движений частиц, совокупность которых газ представляет, – их энергии. Так и растекание по поверхности планеты живого вещества есть проявление его энергии, неизбежного движения, занятия нового места в биосфере новыми созданными размножением организмами. Оно есть проявление прежде всего автономной энергии жизни в биосфере. Эта энергия проявляется в работе, производимой жизнью, – в переносе химических элементов и в создании из них новых тел. Я буду называть ее *геохимической энергией жизни* в биосфере» [7, с. 26].

Сформулированное В. И. Вернадским положение является одним из важнейших в его концепции

биосферы. Несомненно, фактором становления и обоснования этого положения стали впечатления автора, полученные им во время экскурсии в «удивительный лес», окружавший Днепро́вскую биологическую станцию.

Впрочем, В. И. Вернадский не ограничивался только лишь оценками красоты леса и многообразия его структурных компонентов. Ученый обращал внимание и на начавшийся процесс разрушения лесных биоценозов в СССР. В дневниковой записи от 24 августа 1928 г. он описывает свои впечатления от экспедиции в Черниковский лес (Черниговская область) в 1919 и 1928 гг. При втором посещении этого леса он предстал перед ним в виде «остатка» от прежнего «девственного леса», который запечатлелся в памяти исследователя и его дочери Нины. Вот что писал В. И. Вернадский: «Тогда и на меня, и на мою дочку эти леса – мощь жизни – произвели неотразимое огромное впечатление, – которое присоединилось к тому, какое в молодости дало мое посещение Приветлужских Шереметьевских лесов (Нижегородская губерния. – П. К.) <...> позже некоторых лесов Урала и Сибири» [8, с. 81–82].

Шереметьевские леса В. И. Вернадский посещал, будучи еще студентом 2-го курса Петербургского университета, в составе экспедиции под руководством В. В. Докучаева. В 1928 г. в этом лесу можно было наблюдать только «жалкие остатки» – происходит безжалостная вырубка его древесного состава, из-за чего коренным образом меняется не только «картина этого леса, но и вся природа. Огромная национальная потенциальная сила безвозвратно и неумно теряется» [8, с. 82]. Ученый приводит также конкретные примеры искоренения обитателей лесов и рек, которые «истребляются беспощадно». Картины разрушения и уничтожения ресурсов природы производят на него «тяжелое отталкивающее впечатление». Вину за это В. И. Вернадский возлагает на господствующую в стране власть.

«Чтение Достоевского открывает новое видение» природы

На мировоззрение В. И. Вернадского и его научное творчество большое влияние оказали художественные произведения великого русского писателя Ф. М. Достоевского (1821–1881). К их чтению ученый обратился в период интенсивного осмысления сущности живого вещества. В дневниковой записи от 24 марта 1919 г. он упоминает о том, что в это время его «всего захватила работа над живым веществом», которую он «обдумывает, передумывает и перерабатывает...» [9, с. 63]. Здесь же В. И. Вернадский отмечает, что в процессе этой работы его заинтересовали произведения Ф. М. Достоевского: «Читаю с глубоким интересом Достоевского. Открывается передо мною как бы новый мир...» [9, с. 63]. Данное признание повторяется и на других страницах дневника.

Среди многих произведений писателя особый интерес у В. И. Вернадского вызвала повесть «Белые ночи» (1848). Что же привлекло его внимание к ней? Видимо, описание Ф. М. Достоевским природы Петербурга в разное время суток и сезоны года, восприятия и переживания ее красоты главным героем повести. Уже первые строки повести начинаются с констатации красоты ночи: «Была чудесная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» Ответ на поставленный вопрос герой повести советует поискать ее «любезным читателям». А вот ночное небо он рекомендует

созерцать весьма впечатлительной девушке Настеньке: «Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает ее, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..»

Особенно волнующим и впечатлительным было восприятие героем повести весны в своем городе: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами...» Благоухающая природа позитивно влияет и на людей. У «чахлой и хворой» девушки под ее воздействием проявляется «жизнь и красота даже на лице». А у натуралиста В. И. Вернадского идея писателя о «мощи» природы стала выражаться через научные понятия «полнота жизни» и «давление жизни», а также через концепцию геохимической энергии жизни в биосфере.

«Художественное постижение природы – великая ценность»

Свидетельством сказанного может стать описание А. Н. Красновым природы ряда островов тропиков Азии, которые он посетил в 1892 г. Так, уже при первом осмотре с балкона гостиницы окрестностей Джакарты (остров Ява) перед его взором предстала красочная панорама: «Вырисовывались <...> конические формы господствующего над местностью вулкана. Он потух, не дымится, его склоны поросли лесами, но его коническая форма выдает его происхождение. Пышная растительность склонов, неясною черновато-зеленою пеленою виднеющаяся в туманной дали, по мере того как склоны эти становятся все более пологими, переходя в равнину, выступает все отчетливее и отчетливее». На этой равнине он увидел, что «широкие громадные листья зарослей бананов, высоких и пышных, занимают болотистое побережье. За ними густой свод темной лесной зелени, над которою, грациозно вздымаясь целыми группами, колышутся вершины кокосовых пальм, здесь пышных и красивых, не то что на морском побережье...» [11, с. 26].

Выдающийся натуралист А. Н. Краснов демонстрирует умение описывать все увиденное весьма выразительными художественными средствами. Он писал, что в лесах острова Ява мы видим прежде всего «море зелени», «море высоких травянистых растений», «царство деревьев и кустов» и т. д. Здесь всегда «господствуют тишина и молчание». Но самыми характерными чертами этих лесов являются «разнообразие и пышность» растительных форм. При этом А. Н. Краснов дает художественное описание многих из них: деревьев, кустарников, травянистых растений, горных вершин и почв, а также климата прекрасного острова [11, с. 150–168]. По

Конечно, В. И. Вернадский с большим удовольствием читал и другие произведения Ф. М. Достоевского: «Маленький герой», «Записки из Мертвого дома», «Игрок». Их постижение пробуждало у мыслителя воспоминания о «прелестях петербургской весны – характерной северной природы – моренного ландшафта» [6, с. 131]. Но все это он «почувствовал еще гимназистом» во время экскурсий по городу и его окрестностям со своим другом А. Н. Красновым (1862–1914), с которым учился в одном классе гимназии, а затем и на одном факультете Петербургского университета. В последующие годы их научные интересы во многом были схожи. Как и В. И. Вернадского, А. Н. Краснова интересовали вопросы ботаники, географии, геологии и почвоведения. В статье «Памяти А. Н. Краснова» (1917) В. И. Вернадский называл своего друга и единомышленника «ученым-натуралистом, художником, глубоко чувствовавшим красоты природы» [10, с. 183].

свидетельству В. И. Вернадского, «такие же художественные очерки природы мы находим и в других работах А. Н. Краснова, и было бы правильно, если бы и они были извлечены из забвения из старых периодических изданий, которых никто не касается на полках библиотек» [10, с. 186]. В наши дни их уже нет и на полках библиотек. Современные ботаники, да и другие специалисты, вообще не знакомы с творчеством А. Н. Краснова.

Ярко и впечатляюще представлял русский натуралист картины природы не только острова Ява, но и Цейлона, Сахалина, гор Южной Японии и других территорий. «Он, – писал В. И. Вернадский, – в блестящих очерках природы и в художественных образах своих впечатлений и переживаний делал их доступными всему русскому обществу» [10, с. 183].

Доступными стали не только красоты исследованных А. Н. Красновым территорий, но и факты их разрушений. Особенно возмущало ученого хищническое отношение европейских колонизаторов к природе Цейлона: «Захваченная, силою отнятая территория Индийского царства, с ее девственными лесами и нетронутою почвою, стала жертвою английского капиталиста. Он бросил на нее свои миллионы, чтобы вернуть десятки миллионов. Лес с его флорой и фауной исчез; его сменили необозримые поля кофе и корицы...» [11, с. 104]. Возделывание этих полей привело к появлению специфических вредителей и болезней данных растений. Опустошения, произведенные англичанами, были «столь велики, что большинству плантаторов грозило полное банкротство» [11, с. 104]. Но этого не случилось, так как они стали выращивать на своих территориях чайные

кусты. В результате Цейлон начал превращаться в «сплошную чайную плантацию», его ландшафт стал «монотонным, скучным, наводящим уныние своим однообразием» [11, с. 103].

Именно так А. Н. Краснов представлял всему русскому обществу природу исследуемых им территорий, восприятие и описание которых являлись принципиальными в его научном творчестве. Эту сторону его деятельности высоко оценил В. И. Вернадский, отметив значимость художественного постижения и освещения природы для развития научного знания. Мыслитель критиковал тех естествоиспытателей, которые не уделяют должного внимания художественной передаче природы: «Нередко в наш век точного знания мы смотрим с излишней небрежностью на художественное творчество в научном искании и в научной литературе. Мы забываем, что это творчество является не только элементом, помогающим открывать научную истину, но и само по себе представляет великую ценность, имеет значение независимо от того, что достигается благодаря ему при решении научной задачи» [10, с. 186–187].

О важности художественного творчества в постижении научных проблем В. И. Вернадский писал в статье «Памяти академика Алексея Петровича Павлова» (1930). С крупным известным геологом А. П. Павловым (1854–1929) В. И. Вернадского связывала не только совместная работа в Московском университете (1890–1911), но и почти 40-летняя дружба. По заключению В. И. Вернадского, А. П. Павлов «представлял собою редкое соединение худож-

ника и ученого» [10, с. 194]. Все это проявлялось и в его научных трудах, особенно картинах ландшафтов нашей планеты. Кроме того, он «любил и знал музыку», «владел исключительным голосом», который постоянно «обрабатывал». Он замечал красоту природы и демонстрировал умение выразить ее в своих научных трудах. Отмеченные стороны личности своего друга В. И. Вернадский раскрывает в упомянутой статье, где фиксируются качества ученых, которыми они должны обладать, пытаясь постичь природу: «В истории естествознания любовь к природе, чувство природы играли и играют огромную роль. В каждой работе всегда есть огромный эстетический элемент, без которого она превращается в сухую схоластику» [10, с. 195].

При этом В. И. Вернадский называл и те объекты природы, в которых наиболее очевидно проявляются их эстетические особенности: «Натуралист-наблюдатель эту эстетическую сторону находит в том общении с красотой космоса, какое он испытывает при работе в поле, вдали от социальных скоплений человечества, вне своего муравейника; гуманист – в воссоздании забытого былого; астроном – в созерцании неба; математик – в стройных идеальных построениях разума» [10, с. 196]. Таким натуралистом-наблюдателем был и А. П. Павлов, который постоянно общался с природой, только «в ней он творчески мыслит» и своими эстетическими чувствами освещал в том числе окружающих его людей. По признанию В. И. Вернадского, он также испытал на себе благотворное влияние эстетических воззрений своего друга на природу.

Творчество И. Гёте и сущность «нового очерка» о природе как биосфере

Одним из тех, кому «художественное творчество помогало открывать научную истину», был И. Гёте (1749–1832). Упоминание о немецком поэте, натуралисте и философе встречается во многих работах В. И. Вернадского. Интерес к его творчеству возник у русского ученого на самых ранних этапах постижения им истории научного знания и представлений о природе. К мировоззрению, художественному и научному творчеству немецкого писателя В. И. Вернадский обратился в статье «Мысли и замечания о Гёте как натуралисте», работать над которой начал в 1930 г., а завершил только в 1944 г. Опубликована же статья была в 1946 г., через год после смерти автора.

Статья начинается с констатации того, что «для Гёте чувство и понимание природы в их художественном выражении и в их научном искании были одинаково делом жизни, были неразделимы» [10, с. 205]. Эту неразделимость творческих сторон И. Гёте В. И. Вернадский выражает при помощи конкретных словосочетаний. Немецкий мыслитель «одновременно великий поэт и крупный натуралист», «натуралист-художник», отражавший свои

научные искания и их результаты в художественном творчестве. Особенно ярко соотношение научного и художественного творчества проявилось в представлениях И. Гёте о природе. Так, В. И. Вернадский писал: «И. Гёте дал яркий, самостоятельно проработанный для своего времени, во многом новый очерк истории развития научного представления о природе» [10, с. 207]. Что же было новым в воззрениях И. Гёте на природу?

Самым принципиальным является понимание природы как целостного образования. Для И. Гёте природа – живое целое, но это целое существует в разнообразии своих частей и форм. В систему природы писатель включил и человека. Именно человек и его переживание природы позволяют не только воспринимать и осмысливать ее как целостность, но и обнаружить в ней некий внутренний порядок и факторы ее эволюции. Подробно данные факты понимания природы И. Гёте раскрыты в нашей работе [12, с. 58–62], где сделан вывод о том, что природа у И. Гёте выступает в форме биосферы. На эту сторону концепции природы особое внимание обращал В. И. Вернадский, который

писал: «Природа Гёте есть только биосфера, имеющая определенное строение, и он был прав, когда стремился, рассматривая любое природное явление, искать проявление целого – природы – строения биосферы – в бесчисленных частных ее проявлениях. В эпоху Гёте такое понимание природных явлений было исключением» [10, с. 260]. Причем это видение природы И. Гёте выразил в своих художественных произведениях: в статье «Природа» (1783), стихотворениях «Метаморфоза растений» (1798) и «Метаморфоза животных» (1820), трагедии «Фауст» (1802–1832) и др. Через все их содержание проводится мысль о красоте природы и ее отдельных частей. При этом подчеркивается роль прекрасного в раскрытии «сокровенных тайн природы» и механизмов ее эволюции.

Последние И. Гёте связывал в том числе с деятельностью человека. Именно человек, вдохновленный идеалами прекрасного, будет стремиться облагораживать природу и способствовать ее переходу в новое состояние, художественный образ которого представлен в трагедии «Фауст». Это состояние В. И. Вернадский назвал ноосферой. Все отмеченные стороны творчества И. Гёте подробнее освещены в нашей работе [13, с. 33–39].

Суждения И. Гёте о природе, ее красоте и переходе в качественно новое состояние способствовали изменению представлений В. И. Вернадского о природе. В годы исследования творчества немецкого писателя ученый писал труд «Научная мысль как планетное явление» (1936–1938), где дал обоснование важности употребления слова «биосфера» вместо слова «природа». Для В. И. Вернадского природа выступала в форме биосферы. «... Биосфера отвечает тому, – писал он, – что в мышлении натуралиста и в большинстве рассуждений философии, в случаях, когда они не касались Космоса в целом, а оставались в пределах Земли, отвечает *Природе* в обычном ее понимании, *Природе* натуралиста в частности» [10, с. 438].

В последующие годы данную трактовку понятий биосферы и природы В. И. Вернадский продолжает развивать и конкретизировать. В незавершенном труде «Химическое строение Земли и ее окружения» (1965) ученый писал: «Биосфера – это среда нашей жизни, это та “природа”, которая нас окружает, та “природа”, о которой мы говорим в разговорном языке. Человек – прежде всего своим дыханием, проявлением всех своих функций – неразрывно связан с этой “природой”, хотя бы он жил в городе или в уединенном домике» [14, с. 75]. Такое

понимание биосферы и ее роли в жизни человека являлось ключевым положением и его последней прижизненной публикации «Несколько слов о ноосфере» (1944).

В настоящее время понятие биосферы используется не только в «разговорном языке». Оно стало достоянием научного знания и объектом постижения им той природы, границы которой были очерчены В. И. Вернадским. Однако все сказанное о связи биосферных идей русского ученого с аналогичными идеями И. Гёте не означает того, что первый некритически воспринял идеи второго. В нашей специальной работе [15] раскрывались место и роль научных положений о природе Ж.-Б. Ламарка, А. Гумбольдта, Э. Зюсса, В. В. Докучаева в формировании идеи биосферы. Эти положения были высоко оценены В. И. Вернадским. Опираясь на них и собственные представления о живом веществе и его роли в бытии природы, ученый сформулировал подлинно научную концепцию биосферы, а затем и ноосферы.

Их обоснованию способствовала и художественная литература. Она стимулировала научные искания В. И. Вернадского. Так, на характер постижения и выражения им биосферных процессов (их взаимосвязь, организованность и направленность) существенное влияние оказывали образы природы в поэзии не только И. Гёте, но и Ф. И. Тютчева, Ф. Шиллера и других авторов. В этом отношении становится понятно, почему в качестве эпиграфа к своему труду «Биосфера» (1926) В. И. Вернадский взял следующие строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865): *Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе...*

Именно созвучье структур и процессов в биосфере было предметом пристального внимания В. И. Вернадского, который раскрыл и описал его языком науки. Между тем мыслитель использовал в том числе образность языка художественной литературы. Уже на первых страницах названного труда мы встречаем такие выражения, как «дали бесконечных небесных пространств», «небесные светила», «космическая среда мира», «люди как дети Солнца» и другие, которые, по сути, являются художественными образами. Их употребление автором позволило не только вызвать интерес читателя к этой работе, но и раскрыть своеобразие биосферы как естественного тела, его красоту и место в «мировой среде». Этому способствовало и то, что автор использовал понятийный аппарат музыки.

Музыка как фактор раскрытия «созвучья» структур и процессов в биосфере

В научном творчестве В. И. Вернадского музыка занимала особое место. О ее значимости в постижении природы он говорил еще на своих лекциях в Московском университете, которые читал

в 1902–1905 гг. Ученый отмечал, что благодаря музыке в процессе познания природы становится возможным раскрытие «числовых отношений» между ее частями, их гармонии. Причем «первые

следы влияния нашей музыкальной гармонии мы видим уже в некоторых гимнах Ригведы, в которых числовые устройства находятся в известной аналогии с музыкой, с песнью» [10, с. 27]. С нахождением числовых отношений между частями целого В. И. Вернадский связывал раскрытие места таких частей в системе целого, его красоты. Музыка помогала ему в постижении места Земли и ее биосферы в Космосе, а затем и красоты биосферы. В дневниковой записи от 13 марта 1932 г., рассуждая о значении музыки в развитии науки, он отмечал: «Музыка – глубочайшее и бессловесное углубление в понимании Космоса» [8, с. 283]. Подтверждением сказанному является его труд «Биосфера».

Анализировать и описывать биосферу и ее место в космосе В. И. Вернадский начал с констатации всех космических излучений, принимаемых нашей планетой как музыкальные звуки. Своеобразие последних ученый выражал числом октав, полагая, что все многообразие этих излучений можно передать с помощью существующих в природе и музыке 40 октав. Например, световые лучи Солнца он принимал за одну октаву, тепловое излучение – за три октавы, ультрафиолетовое – за пол-октавы. Отсутствие остальных октав В. И. Вернадский связывал с тем, что многие космические излучения поглощаются материальной средой высших слоев земной стратосферы.

Так, с помощью языка науки и музыки В. И. Вернадский выразил свое восприятие места Земли

и ее биосферы в космосе. Именно «благодаря космическим излучениям биосфера получает во всем своем строении новые, необычные для земного вещества свойства, и отражающий ее в космической среде лик Земли выявляет в этой среде новую, измененную космическими силами картину земной поверхности» [7, с. 9–10]. Благодаря этим силам оболочка Земли становится биосферой – уникальным явлением в системе космоса. Своеобразие этой оболочки В. И. Вернадский выявлял и раскрывал не только при опоре на данные и язык естествознания, но и под влиянием художественной литературы и музыки, используя их выразительные средства.

О месте музыки в своих духовных исканиях ученый рассуждал во многих других работах, дневниковых записях и письмах. Особенно выразительно он высказался в письме от 30 декабря 1943 г. к внучке Т. Н. Толь, жившей в то время со своими родителями в США: «Я мало понимаю в музыке, но она мне много дала. Я переживал не раз, слушая хорошую музыку, глубокое влияние ее на мою мысль. Некоторые из основных моих идей, как идея о значении жизни в космосе, стали мне ясными во время слушания хорошей музыки. Слушая ее, я переживал глубокое изменение в моем понимании окружающего. И сейчас, в старости, мне очень недостает, что я так редко могу слушать хорошую музыку. Хорошее пение птиц вызывает то же самое; это – другой язык» [3, с. 427].

Симметрия и равновесие структур – основания красоты биосферы

У В. И. Вернадского под влиянием «переживаний» музыки формировались и познавательные интересы к красоте биосферы. Красота была для него фактором сохранения биосферы, ее перехода в ноосферу. При решении этих вопросов русский ученый опирался на научные положения своих именитых предшественников – Л. да Винчи, И. Кеплера, И. Гёте, Э. Г. Геккеля, В. В. Докучаева и др.

Как и они, В. И. Вернадский связывал красоту прежде всего с симметрией в объектах природы и ее процессах. Исследованию этого явления в природе посвящены специальные работы ученого. Так, еще в 1920-х гг. в незавершенной работе «Принцип симметрии в науке и философии» он отмечал значение принципа симметрии в научном познании природы. При этом В. И. Вернадский обращал внимание естествоиспытателей на то, что их интерес не должен ограничиваться только получением научных фактов и их обобщением. «За пределами логических формул лежит огромная область научного творчества», – писал он [16, с. 61]. К ней мыслитель относил интуицию, чувство такта, бессознательный порыв, чувства меры и красоты. Все это он считал важными сторонами научной деятельности и предметом познания ученых и философов.

В последующие годы своей научной деятельности В. И. Вернадский продолжил работать над вопросами соотношения симметрии и красоты природы. Итоги были подведены в труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Здесь симметрия рассматривается в качестве основополагающего принципа организации структур и процессов биосферы. В исследовании подчеркивается то, что «само понятие “симметрия” связано с понятием красоты или гармонии» [14, с. 192]. Ученый обращается к философам с вопросом, почему они, «занимаясь эстетикой», не учитывают роль симметрии в порождении красоты.

Симметрию В. И. Вернадский считал всеобщим свойством «живой и косной природы» и был убежден в том, что она имеет место на всех структурных уровнях их организации. По его мнению, все «физические и химические явления подчинены симметрии, так как симметрия определяет расположение атомов в пространстве» [14, с. 192]. Последнее особенно очевидно проявляется в законах кристаллографии и стереохимии. Убедительное подтверждение сказанного можно найти в работах по симметрии в атомной физике лауреата Нобелевской премии по физике (1963) Э. Вигнера (1902–1995).

Выражение симметрии на атомном уровне организации материи он связывал с особенностями пространства этого уровня. При этом ученый отмечал универсальность симметрии, поскольку она есть проявление законов природы. С симметрией Э. Вигнер связывал красоту объектов природы, полагая, что выявление всеобщности законов природы, их инвариантности будет способствовать и формированию чувства красоты у человека: «Созерцание симметрий могло бы доставить нам удовольствие и позабавить даже в том случае, если бы они и не содержали новой информации» [17, с. 22–23].

Всеобщность и универсальность симметрии признавал и В. И. Вернадский. Ее объективность он связывал с пространственно-временной организацией мира. «В науках о природе, – писал он, – симметрия есть выражение геометрических пространственных правильностей, эмпирически наблюдаемых в природных телах (и явлениях)» [14, с. 190]. Мыслитель подчеркивал, что такие «правильности более глубоки, чем физические и химические явления, в которых они нам проявляются и которые они охватывают». Данное суждение порождает следующий вопрос: в чем же выражается «глубина правильностей»?

На наш взгляд, употребленное В. И. Вернадским понятие правильностей нельзя воспринимать как отражение простого геометрического строения какого-либо материального объекта. Более того, правильность организации объектов и явлений природы является материальной основой их эстетических качеств. Она обуславливает их привлекательность для созерцания и восприятия человеком. А всем «прекрасным вещам свойственны такие особенности, как соразмерная форма, упорядоченность, “истинное изящество” и “изящество сложения”, “точность пропорций” и “гибкость форм”» [18, с. 16]. Все это и следует считать проявлением «глубины правильностей» и основой красоты объектов и явлений природы.

В трудах В. И. Вернадского не только обоснованы объективность и всеобщность принципа симметрии природы. Ученый подчеркивал различие ее проявления в живых и косных телах: «Симметрия тела живых организмов резко отличается от симметрии земных косных природных тел» [14, с. 204]. Это отличие обусловлено прежде всего своеобразием геометрического пространства живых организмов. При жизни В. И. Вернадского особенности этого пространства были изучены еще слабо. На эту сторону проблемы обратил внимание сам мыслитель. «Симметрия живого вещества, – писал В. И. Вернадский, – не изучена достаточно, и ее изучение есть одна из основных задач биолога» [14, с. 205]. Исследование этой симметрии имеет принципиальное значение для выявления своеобразия эстетики живой природы.

Отмеченные вопросы были предметом постоянного внимания В. И. Вернадского. Он подчеркнул и свой вклад в их решение: «То новое, что вносится в мое изложение, – это представление о симметрии как геометрическом проявлении природных (в данном случае земных) состояний пространства. Проверка этого положения для косных природных тел вполне подтвердилась» [14, с. 210].

Конкретные исследования В. И. Вернадским состава газов в нижних слоях атмосферы позволили установить его постоянство. И это при том, что кислород, выделяемый земными растениями, поглощается другими формами живого во время дыхания и косным веществом при окислении его структур. Концентрация азота в атмосфере поддерживается его выделением из подземных газовых источников, а потребляется он теми же земными растениями. Турбулентные потоки воздушных слоев – это обычное явление в атмосфере. Однако, несмотря на отмеченные и другие процессы, в атмосфере сохраняется постоянство состава ее компонентов. Аналогичное соотношение характерно для системы атмосфера – океан. На основании этого В. И. Вернадский сделал следующий вывод: «Постоянство отношений, сохраняющееся в пределах второй десятичной, есть характерное постоянство геологических оболочек, проявление их организованности» [14, с. 223].

Русский ученый обращал внимание на то, что равновесные отношения существуют не только между элементами в основных оболочках Земли, но и между самими оболочками. Причем эти «равновесия» не являются неизменными, а меняются в течение геологического времени. Их В. И. Вернадский называл «подвижными равновесиями». Такие «равновесия» характерны и для биосферы. Они формируются в процессе эволюции и взаимодействия косного, биокосного и живого веществ (совокупности всех форм жизни) биосферы. При этом связующим звеном между отмеченными структурными компонентами биосферы выступает живое вещество. По мнению В. И. Вернадского, оно «является самой огромной силой в биосфере», определяет все идущие в ней процессы. Именно под влиянием живого вещества биосфера становится целостной и организованной системой [10, с. 307].

В Новейшее время равновесие химических элементов в биосфере стал изменять человек. Он, по утверждению В. И. Вернадского, все больше влияет на обмен атомов живого вещества с косной материей биосферы. Человек расширил круг химических элементов неживой природы для использования их в материальном производстве и «создания цивилизационных форм жизни». Более того, он «расширяет свое влияние на все химические элементы» и образует их новые соединения, не существующие в природе. Причем такие, которые

не включаются в биотические процессы биосферы и разбалансируют их протекание.

Еще в 1894 г. В. И. Вернадский писал о том, что человеческая деятельность приводит к разрушению сложившейся красоты природы. Именно человек стал подрывать «устоявшиеся известное равновесие, известную гармонию» [19, с. 99] между структурными компонентами природы. Это естествоиспытатель видел и в начавшемся разрушении культурных агроценозов России. Складывающаяся в земледелии «неверная обработка, дурная обработка» почв приводит к понижению их плодородия, усилению эрозионных процессов и т. д. В XX в. такие процессы только возрастали. В нашей работе [13, с. 197–200] раскрывается их проявление в том числе в современной Республике Беларусь. Примером другой формы отношения людей к пахотным землям В. И. Вернадский называл западные страны: «Почвы культурных стран Запада выше наших. Они несут в себе след разумной, строго выдержанной работы многих поколений, и его надо поддерживать и передавать дальше» [19, с. 99].

С разумной деятельностью человека, уровнем его культуры и знаний В. И. Вернадский связывал не просто сохранение биосферы и ее красоты, а переход в качественно новое состояние. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера, – писал он, – переходит в новое состояние – *ноосферу*» [7, с. 185]. В ней будут сохраняться не только естественные основы красоты. Человек станет вносить в ее организацию и свой идеал красоты: расширять территории парков и скверов, заповедных лесов, окультуривать многие типы почв и т. д.

Как видим, В. И. Вернадский выявил универсальные характеристики биосферы, присущие всем объектам и явлениям природы: симметрию, гармонию и равновесие структур и процессов, их упорядоченность и организованность. Все это составляет основу их красоты. Таким образом, можно сделать вывод о том, что биосфера, как естественное тело, обладает красотой. А призыв к представителям искусства заниматься «художественным описанием природы» и «воссозданием ее процессов» является еще одним свидетельством признания В. И. Вернадским красоты биосферы. Мыслитель отмечал и то, что «мир художественных построений <...> биосферы – и еще более ноосферы – оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [10, с. 187, 465].

В настоящее время при научном анализе биосферы следует учитывать ее эстетическую сторону. Реализация идей В. И. Вернадского, касающихся оснований красоты, ее роли в сохранении биосферы и переходе в ноосферу, привела к появлению новой учебной и научной дисциплины – *экологической эстетики*. Она есть *совокупность развивающихся идей и представлений о красоте живого всех уровней его организации, создающихся благодаря гармоничному сочетанию элементов внутри живых систем в определенных условиях среды их обитания и ориентирующих человека на их сохранение и повышение разнообразия*. При наличии у человека эколого-эстетического сознания он будет строить и разумные формы своего отношения с природой. Подробнее становление и состояние экологической эстетики освещаются в нашей специальной работе [13].

Вопросы красоты природы, ее сохранения и обогащения являлись предметом внимания В. И. Вернадского на протяжении всей его жизни. Их постановку и обсуждение стимулировали чтение произведений художественной литературы, прослушивание хорошей музыки, освоение эстетического и научного наследия ученых и видных представителей искусства. Да и сам В. И. Вернадский осознавал значимость эстетического отношения к природе как фактора ее постижения и сохранения. Содержание его научных трудов свидетельствует об умении автора сочетать научные и художественные стороны в постижении природы. Ученый раскрыл красоту многих структурных компонентов биосферы и ее самой как целостного образования. Существенным моментом его творческой деятельности было то, что он всегда обращал внимание на важность сохранения человеком окружающей его природы.

Освоение научного и эстетического наследия русского ученого и мыслителя будет содействовать формированию современной философской концепции природы и определению разумных стратегий отношения человека к ней. Безусловно, наследие выдающегося естествоиспытателя должно занять определенное место в учебной работе. До настоящего времени оно не находило отражения в учебной литературе и методике преподавания биологии, географии и других дисциплин. С этим нельзя согласиться. Освоение наследия В. И. Вернадского – необходимое условие формирования мировоззрения современного специалиста.

Библиографические ссылки

1. Историческая анкета В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 9. С. 95–97.
2. Из дневников В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 12. С. 55–60.
3. *Вернадский В. И.* Мысли и замечания о литературе и искусстве // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. М., 1966. С. 411–430.
4. *Вернадский В. И.* История природных вод. М., 2003.
5. *Вернадский В. И.* Письма Н. Е. Вернадской (1889–1892). М., 1991.

6. Вернадский В. И. Дневники: март 1921 – август 1925. М., 1989.
7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
8. Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001.
9. Вернадский В. И. Дневники: 1917–1921. Киев, 1994.
10. Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997. Т. 1.
11. Краснов А. Н. Под тропиками Азии. М., 1956.
12. Карako П. С. Природа в художественной литературе. Минск, 2009.
13. Карako П. С. Эстетика природы. Минск, 2012.
14. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001.
15. Карako П. С. Философия природы: прошлое, настоящее, будущее. Минск, 2016.
16. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000.
17. Вигнер Э. Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии. М., 2002.
18. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики / под ред. И. Ренчлера [и др.]. М., 1995.
19. Вернадский В. И. «Я не могу уйти в одну науку...» // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 86–111.

References

1. Istoricheskaya anketa V. I. Vernadskogo. *Priroda*. 1967. No. 9. P. 95–97 (in Russ.).
2. Iz dnevnikov V. I. Vernadskogo. *Priroda*. 1967. No. 12. P. 55–60 (in Russ.).
3. Vernadskii V. I. Mysli i zamechaniya o literature i iskusstve. *Puti v neznaemoe. Pisateli rasskazyvayut o nauke*. Moscow, 1966. P. 411–430 (in Russ.).
4. Vernadskii V. I. *Istoriya prirodnykh vod*. Moscow, 2003 (in Russ.).
5. Vernadskii V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoi (1889–1892). Moscow, 1991 (in Russ.).
6. Vernadskii V. I. Dnevnik: mart 1921 – avgust 1925. Moscow, 1989 (in Russ.).
7. Vernadskii V. I. *Biosfera i noosfera*. Moscow, 1989 (in Russ.).
8. Vernadskii V. I. *Dnevnik: 1926–1934*. Moscow, 2001 (in Russ.).
9. Vernadskii V. I. *Dnevnik: 1917–1921*. Kyiv, 1994 (in Russ.).
10. Vernadskii V. I. *O nauke*. Dubna, 1997. Vol. 1 (in Russ.).
11. Krasnov A. N. *Pod tropikami Azii*. Moscow, 1956 (in Russ.).
12. Karako P. S. *Priroda v khudozhestvennoi literature*. Minsk, 2009 (in Russ.).
13. Karako P. S. *Estetika prirody*. Minsk, 2012 (in Russ.).
14. Vernadskii V. I. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya*. Moscow, 2001 (in Russ.).
15. Karako P. S. *Filosofiya prirody: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Minsk, 2016 (in Russ.).
16. Vernadskii V. I. *Trudy po filosofii estestvoznaniya*. Moscow, 2000 (in Russ.).
17. Vigner E. *Invariantnost' i zakony sokhraneniya. Etyudy o simmetrii*. Moscow, 2002 (in Russ.).
18. Renchler I., Khertsberger B., Epstaina D. (eds). *Krasota i mozg. Biologicheskie aspekty estetiki*. Moscow, 1995 (in Russ.).
19. Vernadskii V. I. «Ya ne mogu uiti v odnu nauku...». *Prometei*. Moscow, 1988. Vol. 15. P. 86–111 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.12.2016.
Received by editorial board 14.12.2016.

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ

Х. С. ГАФАРОВ¹⁾, Ю. Ю. ГАФАРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается проблема дисциплинарного самоопределения социальной философии. Выявлены основные этапы этого процесса. Показана реактуализация проблематики социального в конце XIX в. в полемике неокантианства, марксизма и неогегельянства. Описано, как в 1920–30-х гг. социальное становится полем исследования, обладающим собственной значимостью. Сделан вывод о том, что, акцентируя аксиологическую проблематику «благой жизни», современная социальная философия проводит устойчивое разделение с социологией по линиям эмпирического и метатеоретического, сущего и должного, дескриптивного и нормативного.

Ключевые слова: социальная философия; социология; социальное; самоопределение; дисциплинарное разделение; эмпирическое; теоретическое; дескриптивное; нормативное; «благая жизнь».

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY: THE PROBLEM OF DISCIPLINARY BOUNDARIES

H. S. GAFAROV^a, J. J. GAFAROVA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: gafarova@tut.by

The article is devoted to the problem of disciplinary self-determination in social philosophy. The main stages of the process of self-determination are shown discretely. The authors demonstrate as the problematic of the social becomes actual

---

Образец цитирования:

Гафаров Х. С., Гафарова Ю. Ю. Социальная философия и социология: проблема дисциплинарных границ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 29–36.

For citation:

Gafarov H. S., Gafarova J. J. Social philosophy and sociology: the problem of disciplinary boundaries. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 29–36 (in Russ.).

Авторы:

Хасан Сабирович Гафаров – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Юлия Юрьевна Гафарова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Authors:

Hassan Gafarov, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of design, faculty of social and cultural communication.

hassangafarov@gmail.com

Julia Gafarova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social science.

gafarova@tut.by

---

again in the end of the XIX century in the polemics of neo-Kantianism, Marxism and neo-Hegelianism. They describe as in 1920–1930s the social becomes at last an independent field of research. The authors conclude that, underlining the axiological problematic of «good life», social philosophy comes in the opposition with sociology on the field of the dichotomies like empirical and metatheoretical, is and ought, descriptive and normative.

Key words: social philosophy; sociology; social; self-determination; disciplinary self-determination; empirical; theoretical; descriptive; normative; «good life».

Проблема проведения четких дисциплинарных границ между социологией и социальной философией является, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных в современном дискурсе о социальном. Возникнув сравнительно недавно и практически синхронно, имея одно и то же проблемное поле и один объект, социология и социальная философия зачастую сливаются как теоретически, так и организационно. Между тем это субдисциплины различных областей знания с разными исследовательскими целями и задачами. Демаркации препятствуют трудности с дистинкцией самой социальной философии.

Как подчеркивает известный немецкий исследователь социальной философии Д. Хорстер [1], это понятие используется по меньшей мере в семи значениях. Во-первых, социальную философию описывают как частную дисциплину практической философии; во-вторых, на нее возлагается функция нормативного ограничения дескриптивной социологии; в-третьих, она понимается как научная дисциплина, ответственная за «диагностику времени» (*Zeitdiagnosen*); в-четвертых, смешивается с политической философией (это происходит преимущественно в англосаксонской традиции); в-пятых, рассматривается как дисциплина, призванная разъяснить патологии развития общества; в-шестых, исследуется как диалектическое взаимодействие философской теории и частнонаучной практики; в-седьмых, выступает как дисциплина, которая пытается постичь отношения индивида и общества и вытекающие из этого проблемы.

Кроме того, на постсоветском пространстве размытость трактовок социальной философии усугубляется неполным отказом от парадигмы советского марксизма. Для замены термина «исторический материализм» («истмат») вводится понятие социальной философии, которое покрывает отчасти трансформированную истматовскую проблематику – вопросы закономерностей исторического процесса, социальной динамики, социальной стратификации, морали, культуры и т. д. Это приводит к частичной подмене предмета социальной философии и невозможности ее полноценного сотрудничества с социологией.

Многообразии трактовок социальной философии требует обращения к историческому анализу становления дисциплины. В качестве методологического принципа предлагается разработанный

в рамках широко понимаемой герменевтической традиции анализ истории понятий (*Begriffsgeschichte*), который представляет собой немецкую версию исторической семантики. Немецкий исследователь истории социальной философии К. Рёттгерс в ряде работ проанализировал это понятие. На некоторые положения его анализа [2; 3] мы опираемся в настоящем исследовании.

Проблема дисциплинарного самоопределения социальной философии обусловлена ее достаточно поздней институализацией. Она не относится к числу так называемых аристотелевских дисциплин (логика, метафизика, этика и политика), не связана и с эпистемологическим поворотом Нового времени. Формирование социальной философии как самостоятельной перспективы философствования или философской субдисциплины зависит от ряда условий. Во-первых, философия должна быть способна сформировать адекватное понятие общества при его дифференциации от новоевропейского государства, не говоря уже о таких домодерных формаобразованиях, как античная политическая общность типа полиса или Римской империи либо сословные династические государства Средневековья. Такая рефлексия в европейской мысли отсутствовала до философии Г. Гегеля. Во-вторых, философия должна выступить как момент самого общества, т. е. общество должно помыслить себя как социальное. Такая форма рефлексии отсутствовала в европейской мысли вплоть до романтиков. В-третьих, сама философия должна задать исторический контекст социальной саморефлексии и образовать связанную с ним самоидентификацию с помощью понятия социальной философии.

Вплоть до XVIII в. философы рассуждают об обществе, не используя понятие социального вне политического, нечетко различая общество и государство. Начало рефлексии об обществе в традиции европейского философствования положил Г. Гегель, у которого впервые происходит строгое деление гражданского/буржуазного общества и государства. Несмотря на то что у Г. Гегеля оба этих формаобразования вместе с институцией семьи относятся к тому, что он называет нравственностью (*Sittlichkeit*), – в отличие от права, с одной стороны, и моральности, с другой, – общество, как система потребностей, выступает у него опосредованием индивидуальных и поэтому необходимо абстрактных, субъективных

потребностей. Кроме того, оно с самого начала связано с государством и зависит от него.

Для того чтобы философия стала частью осознающего себя общества, оно должно прийти к рефлексии о самом себе. Первая форма такой рефлексии отсылает нас к романтикам, осваивающим понятия истории, языка, культуры, религии, мифа. Эти понятия, связанные с самоосознанием общности, вводятся для ее противопоставления формирующейся государственной бюрократии.

Романтики, осознавая социальную проблематику, не имеют, однако, понятия (технического термина) для ее обозначения. Они используют, в частности, предложенный Ф. Шлегелем термин *Lebensphilosophie* (философия жизни), который в дальнейшем перешел к другой философской традиции. Для существования же социальной философии философия как таковая должна была выделить субдисциплину, т. е. не только осознать необходимость в ней, но и получить соответствующий категориальный аппарат.

Впервые термин «социальное» в 1693 г. употребил Дж. Локк. В качестве различных концептов понятия «социальное» и «политическое» начинают имплицитно функционировать в XVIII в., однако до Ж.-Ж. Руссо они использовались как синонимы. В 1755 г. Ж.-Ж. Руссо – по аналогии с понятием *corps politique* (государство) – вводит понятие *corps social* (общество). Мыслитель применяет его для анализа естественного права, при этом политическое рассматривается как моральное единство, движимое «всеобщей волей». В концепции Ж.-Ж. Руссо социальное еще слишком тесно связано с политическим, тем не менее, определяя целью общественного договора конструирование «политического тела», философ проводит идею о том, что политическое конструируется только через социальное.

Понятие социальной философии впервые появляется в 1793 г. в сочинении М. Добрушки «Социальная философия, посвященная французскому народу одним из граждан Французской Республики» [2, S. 7–16]. Автор говорит еще не о социальной философии в собственном смысле слова. Он вводит это понятие в контексте старой, доруссоистской традиции, обосновывая необходимость новой версии теории естественного права на пересечении собственно естественного права, теории конституции и теории государственного права.

Всеобщее осознание различия между социальным и политическим происходит лишь в 1840-х гг. в силу разграничения прошедших политических революций и грядущей социальной.

Отделяясь от политической, социальная философия наследует аристотелевскую традицию не столько эмпирического изучения социума, сколько проблематизации «благой жизни» человека. Со времен Аристотеля политика (политическая фило-

софия) и этика подчиняются предметному канону практической философии. Как известно, классическими трудами Аристотеля, в которых обосновывается это деление, являются «Топика» (кн. 6, гл. 6), «Метафизика» (Е 1) и «Никомахова этика» (кн. 6, гл. 2). В них Аристотель различает практическую и теоретическую философию по степени точности достижимого знания и вовлеченности познающего, а также цели. Цель практического знания – *phronesis*, практическая истина. Связанные с ней знания существуют не для себя самих, но направлены, по мнению Аристотеля, на упорядочение действий и ведение «благой жизни».

Проблема добродетельной, или благой, жизни и практическая философия как способ ее решения неслучайно возникли в изоморфном социальном пространстве античного полиса, где отсутствовало то, что Ю. Хабермас определяет как общие фоновые знания, т. е. дорефлексивные соглашения о признании значимости, истинности и нормативности [4]. Рефлексия об условиях добродетельной жизни возникает как результат необходимости осознанного соглашения по данным вопросам.

Именно вопросы «благой жизни» вновь становятся значимыми в 1840-х гг., в ситуации, когда возникающему гражданскому обществу необходимо было противостоять нарождающейся бюрократии национальных государств и нарастающей эксплуатации промышленного капитализма. Однако ориентация на проблематизацию «благой жизни» человека в определенной степени препятствует развитию проекта социальной философии во второй половине XIX в., поскольку в это время всеобщее внимание привлекает проект эмпирической позитивистской социологии. Позитивизм развивает альтернативный социальной философии проект исследования общества – социологию, сводя этим изучение социального к эмпирике. Достаточно показательным в этом смысле является выбор самого О. Конта, который некоторое время использует оба понятия – социальной философии и социологии.

Вторым значимым течением, дискредитирующим понятие социального, является марксизм. Если в сочинениях, опубликованных в 1841 и 1843 гг., один из первых немецких социалистов М. Гесс [5; 6] говорит о триаде французской политической, немецкой интеллектуальной и английской экономической революций, описывая теоретические разработки французской мысли как социальную философию, то К. Маркс, заимствуя у него эту триаду, изменяет ее. Для него Французская революция является не социальной, а политической, и, кроме того, в работах 1843–1844 гг. он описывает французскую социальную философию как утопическую. Для К. Маркса социальная революция – дело далекого будущего. Соответственно, марксизм вновь возвращает социальное к политическому, претендуя

в своем утопическом учении на решение всех социальных проблем путем политической революции и экономических изменений.

Итак, после К. Маркса понятие социальной философии некоторое время не употребляется, ее проблематика не разрабатывается.

Социальное начинает вновь тематизироваться лишь в конце XIX в. в ряде дискуссий «об оценочных суждениях»¹ философов, социологов, экономистов и историков. Их объективным основанием является тот факт, что академическая общественность начинает осваивать так называемый социальный вопрос, который в течение XIX в. приобретал все большую остроту. Неокантианство, как «ученая» философия, ангажированная в пользу бедных и рабочих, критически обращается к идеям социализма. Социальная ангажированность становится для неокантианцев основанием для прояснения принципиальных вопросов, касающихся общественной жизни человека.

В конце XIX – начале XX в. в немецкоязычном культурном пространстве прошли хорошо задокументированные дискуссии, до сих пор не утратившие научной ценности. Это так называемые спор об историзме, спор о методе и спор об оценочных суждениях.

Спор об оценочных суждениях, произошедший в период с 1990-х по 1930-е гг., значим для нашей проблематики по двум причинам. Во-первых, в его рамках осуществляются окончательная институализация социологии (непосредственным результатом дискуссии было учреждение в 1909 г. Общества социологии) и решительное теоретическое самоотделение последней от социальной философии. Во-вторых, философы-неокантианцы развивают самопонимание социальной философии.

Три автора-неокантианца практически одновременно актуализируют понятие социальной философии: Г. Зиммель (1894), Р. Штаммлер (1896), И. Л. Штейн (1897).

В 1894 г. Г. Зиммель опубликовал «Дополнения к социальной философии» [7], где охарактеризовал это понятие как дальнейшую разработку моральных наук. Для автора социальная философия включена в науку о морали, однако он эксплицирует ряд проблем, которые внутри морального знания воспринимаются как специфически социально-философские: отношения обладания и владения, свободы и детерминированности, наказания, социализма как рационализации жизни. Позднее для обобщения этой проблематики Г. Зиммель использовал термин «социальная этика».

Кроме того, для Г. Зиммеля значим методологический аспект социальной философии, которую он трактует как методологию социологического знания. Говоря о необходимой критике оснований социологического познания, он имплицитно ставит проблему разграничения социологии и социальной философии. Подобно тому, как И. Кант при разработке критики познания ориентировался на естествознание, современным философам, по мнению Г. Зиммеля, при разработке проблематики философии истории следует ориентироваться на историческую науку, а при разработке философии общества – на социальные науки. Однако социальная философия не должна быть нормативной. Разграничивая социологию и социальную философию, Г. Зиммель отмечает, что предметом социологического познания является общество, т. е. весь аспект взаимодействий индивидов, предметом же социальной философии становится «всеобщий контекст», в котором существует социальное. Если социология, к примеру, занимается конфликтами между индивидами, а конфликты «внутри» индивида относятся к области психологии, то социальной философии в силу ее специфики можно преодолевать границы как индивида, так и общества, рассматривать и распознавать конфликты «в» индивиде и «между» индивидами, конструирующие как общества, так и индивидов. Поскольку структурная аналогия между индивидом и обществом для Г. Зиммеля неслучайна, но указывает на единство обоих, это единство имеет философский характер.

Таким образом, для Г. Зиммеля социальная философия шире, чем любые эмпирические исследования. Являясь метатеорией и эпистемологией социологического познания, она предстает и как метафизика социального, предметом изучения которой является взаимосвязь внутреннего и внешнего.

Занимаясь социологией, философией культуры и философией истории, сам Г. Зиммель избегает понятия социальной философии, однако многое делает для ее отделения от других дисциплин. Кроме этого принципиального разграничения социальная философия обязана Г. Зиммелю методической радикальностью в различении аналитического и синтетического мышления, переходом от субстанционального к функциональному способу рассмотрения материала, образцами как возвышения эмпирического материала до уровня философского обобщения, так и соединения нескольких уровней анализа и опций видения социальных феноменов.

---

¹ В рамках этого спора утверждения Г. фон Шмоллера о том, что научное познание должно служить руководством для прогрессивного развития, выдвигать идеалы и решать практические и политические задачи, опровергаются М. Вебером, В. Зомбартом и Э. Яффе, которые защищают положение, касающееся того, что наука подчиняется лишь собственным критериям и собственной рациональности. Развивая свои аргументы, М. Вебер внес важнейший вклад в разработку методологии социальных наук и решение вопроса об их объективности. Констатируя ценностную обоснованность и укорененность социальных наук, он выступил против политической ангажированности выводов социального знания.

Более строгую дефиницию понятий «социология» и «социальная философия» удается провести Р. Штаммлеру. В своей работе 1896 г. автор тематизирует идею социальной философии, которая в отличие от методически сомнительных и частных исследований социальных наук должна быть организована сообразно представлению о существовании общезначимых (в логическом смысле) закономерностей социальной жизни, исчисление которых необходимо в силу остроты социального вопроса. Социальная философия обладает эпистемологическими претензиями на прояснение условий возможного (научного) познания. Философ вопрошает в кантовском духе: как возможно общество в качестве единого, цельного предмета социологического познания? Другими словами, в каком смысле вообще возможны закономерности социальной жизни? Социальная философия требует, следовательно, строгой необходимости и общезначимости. Таким образом, для Р. Штаммлера важным является теоретико-познавательный аспект социальной философии. Он предпринимает попытку обращения к ней как дисциплине, которая может выявить всеобщие закономерности социальной жизни.

Вторым существенным моментом для Р. Штаммлера становится измерение праксиса, присущее социальной философии. Он задается вопросом о том, как возможно общество в качестве сферы свободного социального действия.

Для самого И. Канта вопросы познания и праксиса относятся к различным сферам философии – областям теоретического и практического разума. Тем не менее Р. Штаммлер ставит перед социальной философией интегрированные задачи как теоретического, так и практического познания. Социальная философия, полагает он, это исследование, призванное выяснить, каким основополагающим формальным закономерностям подчиняется социальная жизнь человека. Для Р. Штаммлера «социальная жизнь» – это не изолированное существование человека, а внешнее регулирование отношений между людьми, удовлетворяющее критериям справедливости и тем самым – общезначимым закономерностям. В этом регулировании социальная справедливость, по его мнению, должна преобладать над моральным самоопределением человека, и осуществляться это доминирование может даже путем принуждения. Все это придает понятию социального у Р. Штаммлера несколько социалистический оттенок.

В отличие от Г. Зиммеля у Р. Штаммлера понятие *социальной жизни* вновь приобретает нормативный смысл, т. е. подобно праву подлежит изучению практической философией¹.

Свою версию социальной философии в работе «О социальном вопросе в свете философии» (1897) предлагает неокантианец Л. Штейн, который тематизирует демаркацию социальной философии, философии истории, философии государства и философии права. В этом разграничении он достигает как экспликации специфики каждой из субдисциплин, так и выделения того общего для них, что делает их в его глазах практическими. Однако сам Л. Штейн определяет практическую (а следовательно, и социальную) философию как донаучный по сравнению с социологией феномен. По его мнению, социальная философия относится к социологии, как алхимия к химии. В полемике с ним эту идею усваивают представители немецкого марксизма, рассматривавшие впоследствии социальную философию в качестве бессмысленного доведка к социологии как эмпирической науке. Кроме того, позиция Л. Штейна в определенной мере компрометирует социальную философию в глазах социологов.

В своей речи на открытии Первого съезда немецких социологов в 1910 г. Ф. Тённис обращается к проблеме демаркации социологии и социальной философии. Для него социология сама является философской дисциплиной. Теоретическая социология (или, как он ее еще называет, используя термин Г. Зиммеля, «философская социология») в этом смысле и есть социальная философия. Она исторически связана с такими практическими философскими дисциплинами, как философия права, философия государства, философия хозяйства, но становится наукой тогда, когда ей удается освободиться как от непосредственных практических жизненных интересов, так и от нормативности практической философии. Обращение к науке осуществляется одновременно как поворот к объективности и свободе научного познания от ценностных суждений и как отказ от этики, целеполаганий человеческих чаяний и порывов воли. Ни социология, ни социальная философия не должны быть не только политизированными, но и нормативными или морализирующими.

Такое понимание социальной философии прямо противоположно неокантианскому, для которого нормативный элемент социальной философии являлся ее существенным отличием от социальных наук, фиксирующих факты. Однако важным для конституирования социальной философии было внимание, уделяемое Ф. Тённисом работе с понятиями, с помощью которых можно адекватно описать реальность. Эти понятия должны обеспечить дескриптивную адекватность, междисциплинарность познания и содействовать философскому

¹ Вслед за Р. Штаммлером к проблематике социальной философии обращаются такие неокантианцы, как К. Форлендер (1897), Ф. Хайманн (1898), О. Герлах (1899), П. Натторп (1899) и Р. Эйслер (1905). К началу XX в. термин «социальная философия» окончательно утверждается в немецкоязычном пространстве.

единству всякого знания. Таким образом, социально-философская работа – это работа с понятиями. Она должна прояснить и уточнить, к примеру, следующие категории: «социальная жизнь», «социальные отношения», «формы социальной воли», «социальные ценности», «социальные связи», «обычай» и «право», «религия» и «общественное мнение», «церковь» и «государство». Философская работа по прояснению понятий отличается от деятельности эмпирической социологии и других социальных наук.

В своей версии социальной философии Ф. Тённис отказывает ей и в ориентации на праксис. В ответ неокантианство, напоминая о том, что толкование общества и социальности человека относится к области практической философии, сознательно отмежевывается от принципов социологии, которая, как эмпирическая наука, ориентируется скорее на экономическую теорию, давно освобожденную от нормативности, чем на традицию практического философствования.

После того как самостоятельная и непрерывная философская рефлексия над социальной философией была начата в 1894–1896 гг. и в дальнейшем последняя смогла добиться признания в рамках неокантианства, намеренно смешивавшего эпистемологические и практически философские вопросы, после основания Немецкого общества социологии, утверждавшего значимость для социологии научной объективности и свободы от ценностных суждений, понимаемых как отказ от морализации и политизации, происходит окончательная демаркация социологии и социальной философии. Социальное становится полем исследования, обладающим собственной значимостью, а различие социологии и социальной философии происходит по водоразделу эмпирического и мета-теоретического, сущего и должного (ценностного), дескриптивного и нормативного.

Институциональной констатацией этого факта становится публикация в 1923 г. работы О. Вихмана, которая представляет собой систематическую разработку проблематики социальной философии [8]. В настоящее время этот текст интересен лишь в историко-философском аспекте, поскольку содержит апологию социализма и немецкого культурного империализма. Тем не менее он считается рубежным для демаркации и институализации социологии и социальной философии, так как после его рецепции начинают публиковаться учебники по социологии и социальной философии, ставшим отдельными академическими дисциплинами¹.

¹В немецкоязычной академической традиции социология и социальная философия, осознавая свои различия, до сих пор существуют как связанные и комплиментарные дисциплины. Это позволяет полноценно и репрезентативно освещать социально-философские проблемы, например в учебниках и учебных материалах различного уровня. Связывание же социальной философии с философией политической, как это зачастую происходит в англосаксонской традиции, препятствует полному выражению социально-философской проблематики, которая остается в тени проблематики философско-политической.

Новая фаза отношений социальной философии и социологии начинается в 1930–40-х гг. и связана с необходимостью – на базе состоявшегося дисциплинарного разделения – соединения усилий для построения согласованной теории социальной жизни. Для социологии важным представляется преодоление собственного партикуляризма, для философии – рационализация ее методов и синтез эмпирического материала.

Франкфуртская школа социальных исследований отстаивает идею союза философии с эмпирическими социальными дисциплинами при интегрирующей роли философской рефлексии. Эту роль ранние франкфуртцы связывают не только с методологическим аспектом социальной философии, но и – в их специфическом постмарксистском духе – с ее критическим и эмансипирующим потенциалом.

Франкфуртцы четко выявляют историческую связь социальной философии и социальной критики. Проблематизация социального порядка относится к историческим предпосылкам генезиса обоих феноменов. Так, М. Хоркхаймер и Т. Адорно тематизируют идею критики как одну из сущностных характеристик социальной философии. Социальная философия и социальная критика не развиваются во времена недифференцированного культурного сознания домодерных обществ, философская же критика патологий модерна является необходимой для самоосознания и освобождения современного человека из «порабощающих отношений».

Отмечая принципиальную важность социальной философии для построения критической теории социальной жизни, М. Хоркхаймер делает акцент на том, что для согласованности теории необходимо отказаться от «спекулятивной самодостаточности» философии и обратиться к обобщениям результатов эмпирических исследований [9, S. 233–263].

В послевоенный период существенные коррективы в осмысление взаимодействия социологии и социальной философии вносит Ю. Хабермас, подвергший критике как социальную философию в целом, так и частичную несостоятельность попытки кооперации социологии и социальной философии в рамках критической теории.

Социальная философия, историю которой Ю. Хабермас начинает с Т. Гоббса, в Новое время, когда выживание требует технических решений, по его мнению, утрачивает связь с вопросами классической этики и политики о «благой жизни», в ней преобладает технологическое самосознание, а не самопонимание практической философии. Уста-

новка Ю. Хабермаса на социально действенные формы знания ведет к вновь выдвинутому требованию интегрировать притязания социальной философии и эмпирических социальных наук [10]. По Хабермасу, эта интеграция, начатая франкфуртцами, не доведена ими до конца. Во-первых, сами они, перейдя к эссеистическому письму, не смогли осуществить кооперацию с эмпирическим знанием; во-вторых, непроясненность нормативных оснований социальной критики обусловила серьезные проблемы критической теории как интеллектуального предприятия.

Версия критической науки об обществе, обосновываемая Ю. Хабермасом, выступает способом рационализации социальной философии, которая должна усвоить методическую, или процедурную, рациональность современных опытных наук и стремиться к рационализации социального действия путем поступательного преодоления систематических нарушений коммуникации. Критика патологий модерна должна оставаться устойчивой темой критической науки об обществе, однако само современное общество порождает социальные структуры, задающие критике нормативный стандарт – общественность, ориентированную на рациональное обсуждение проблем с участием всех заинтересованных лиц [11, с. 3–17].

Сегодня снятие демаркации школ и направлений и преодоление методологических ограничений, характерные для философского дискурса в целом, обогащают как социальную философию, так и социальную теорию. Первая интегрирует философию языка, ставшую общей перспективой развития философии после «лингвистического поворота», феноменологию, аналитику, структурно-семиотический анализ. Ведущими темами теории социальной жизни становятся жизненный мир и повседневность, типология восприятия и действия, интеракция и коммуникация, дескрипция и критика.

В настоящее время междисциплинарная кооперация эмпирических исследований социологии и не только (а) теоретического, но и (b) морализирующего и (c) смыслообразующего дискурса социальной философии становится все актуальнее.

Обращение к философии как особой форме рефлексии снимает частный характер проблем, мето-

дов и предметности социологии. В то время как социология стремится к научной объективности, высказывания философии «персонально связаны», она всегда касается существования философствующего. Везде, где речь идет о «местоположении» и «экзистенции» познающего субъекта, где невозможно предписанное социологией освобождение от ценностей, там социология отсылает к социальной философии. Если же социологи отвергают социально-философский дискурс, это неизбежно отзывается узостью сознания. Кроме того, философия дает социологии возможность осознать собственные предпосылки и проблематику, вписывая социологический опыт в контекст человеческой деятельности, поскольку если предметом социологии является вопрос о бытии социального, то предметом социальной философии – вопрос о смысле социального.

Между тем значимость социологических исследований для социальной философии, отмеченная франкфуртцами, в настоящее время только возрастает. Усиление количественных характеристик современности, ее исчисляемость и информационная прозрачность увеличиваются. Это требует все более решительного отказа философии от чистой спекулятивности и постоянного обращения к эмпирическим данным социологии.

При этом необходимость перманентной кооперации социологии и социальной философии в рамках создания цельной теории общества не означает их полного синтеза, слияния и упразднения дисциплинарных границ. Напротив, междисциплинарное сотрудничество, в том числе в самом простом организационном смысле, требует самоосознания, осознания «другого», понимания специфики, дисциплинарных возможностей, дисциплинарных пределов и ограничений.

Таким образом, оставляя за собой аксиологическую проблематику «благой жизни», социальная философия проводит устойчивое разделение (и одновременно объединение) с социологией по линиям эмпирического и метатеоретического, сущего и должного, дескриптивного и нормативного. При этом социальная философия, отказываясь от марксистского редукционизма, заимствует критический пафос марксизма, определяя в качестве одной из своих основных тем критику патологий модерна.

Библиографические ссылки

1. Horster D. Sozialphilosophie // Philos. Disziplinen / A. Pieper (Hg.). Leipzig, 1998. S. 368–391.
2. Röttgers K. Philosophische Begriffsgeschichte und der Begriff der Sozialphilosophie. Kurseinheit 2 : Geschichte des Begriffs «Sozialphilosophie». Hagen, 1995.
3. Röttgers K. Sozialphilosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / J. Ritter, K. Gründer (Hg.). Basel, 1995. B. 9. S. 1217–1227.
4. Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, 1985.
5. Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig, 1841.
6. Hess M. Philosophie der Tat. Zürich, 1843.

7. Simmel G. Parerga zur Socialphilosophie // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich 18. Leipzig, 1894. S. 257–265.
8. Wichmann O. Sozialphilosophie. München, 1923.
9. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie : fünf Aufsätze. Frankfurt am Main, 1992.
10. Habermas J. Die klassischen Lehren von der Politik in ihrem Verhältnis zur Sozialphilosophie // J. Habermas. Theorie und Praxis. Frankfurt am Main, 1971. S. 48–88.
11. Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

References

1. Horster D. Sozialphilosophie. *Philos. Disziplinen*. Leipzig, 1998. S. 368–391 (in Ger.).
2. Röttgers K. Philosophische Begriffsgeschichte und der Begriff der Sozialphilosophie. Kurseinheit 2 : Geschichte des Begriffs «Sozialphilosophie». Hagen, 1995 (in Ger.).
3. Röttgers K. Sozialphilosophie. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel, 1995. B. 9. S. 1217–1227 (in Ger.).
4. Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, 1985 (in Ger.).
5. Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig, 1841 (in Ger.).
6. Hess M. Philosophie der Tat. Zürich, 1843 (in Ger.).
7. Simmel G. Parerga zur Socialphilosophie. *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich* 18. Leipzig, 1894. S. 257–265 (in Ger.).
8. Wichmann O. Sozialphilosophie. Munich, 1923 (in Ger.).
9. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie : fünf Aufsätze. Frankfurt am Main, 1992 (in Ger.).
10. Habermas J. Die klassischen Lehren von der Politik in ihrem Verhältnis zur Sozialphilosophie. In: J. Habermas. *Theorie und Praxis*. Frankfurt am Main, 1971. S. 48–88 (in Ger.).
11. Furs V. N. Filosofija nezavershennogo moderna Jurgena Habermasa. Minsk, 2000 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 15.02.2017.
Received by editorial board 15.02.2017.

УДК 101.1+930.1

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуются концептуально-методологические основания философско-исторического познания и особенностей рассмотрения человека в системе философского знания. Анализируются главные подходы к пониманию общества (универсализм, индивидуализм и партикуляризм) и соответствующие им программы изучения социально-исторической реальности. В качестве методологического основания для выделения этих подходов представлены проекции философских категорий «единичное – общее – особенное» на интерпретации социодинамики. Рассматривается статус человека в историческом развитии общества, определяются особенности социально-исторического бытия, пространства и времени.

Ключевые слова: философия истории; методология; социодинамика; человек; методологический универсализм; методологический индивидуализм; методологический партикуляризм; единичное; общее; особенное; хронотоп.

TO THE PROBLEM OF THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

O. V. NOVIKOVA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The issue focuses on explication of the conceptual and methodological foundations of the philosophy of history such as the special aspects of how man is examined in philosophical science. The author takes under consideration the main approaches to the comprehension of society which are universalism, individualism, particularism and analyzes relevant programmes of the socio-historical reality exploration. The methodological foundation of these approaches concerns to the extrapolation of the philosophical notions «singular – general – particular» to the interpretations of social dynamics. Besides, the article is devoted to the explication of status of man in history and to the specification of the socio-historical entity, space and time.

Key words: philosophy of history; methodology; social dynamics; man; methodological universalism; methodological individualism; methodological particularism; singular; general; particular; chronotopos.

Проблема взаимосвязи человека и истории является сквозной для философско-исторической мысли и обуславливается, во-первых, историческим развитием философско-антропологических идей как процессом самоопределения человека и динамики его образа в культуре и, во-вторых, драматизмом развертывания истории, ее внутрен-

ней противоречивостью. Как отмечал Н. А. Бердяев, «человек вкладывает в историю свою творческую силу и делает это с энтузиазмом. История же не хочет знать человека, пользуется им как материалом для нечеловеческого строительства, имеет свою нечеловеческую и античеловеческую мораль» [1, с. 264].

Образец цитирования:

Новикова О. В. К проблеме методологических оснований философско-исторического познания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 37–43.

For citation:

Novikova O. V. To the problem of the methodological foundations of the philosophy of history. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 37–43 (in Russ.).

Автор:

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga Novikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. *mod@tut.by*

Эта тема драматизма истории и человеческого бытия в ней задает динамику самой философии истории и канву ее развития, а также обуславливает путь ее перманентного самоопределения. Однако философское осмысление исторического развития общества сталкивается с серьезными проблемами методологии исследования, поиска теоретико-методологических оснований классификации и систематизации обширного материала, относящегося к философии истории.

Что может быть взято в качестве таких оснований философско-исторического познания, на какие критерии они опираются? Охарактеризуем два из них. Для определения первого необходимо обратиться к теоретико-методологическим основаниям исследования самого общества, составляющим предмет социальной метафизики. От выбора исходного понятия – краеугольного камня социальной аналитики – зависит интерпретация термина «общество», его сущности и собственно человека как члена этого общества. В качестве исходных элементов анализа общества в социальной философии чаще всего выделяются социальные действие, общественные отношения, социальные функции, структуры и т. д. По сути, это феномены человеческого существования. А поскольку человек является деятельным существом, то это сами действия людей, формирующие субъективный фактор истории, и их результаты. Вопрос заключается в том, как понимать роль этого фактора и как интерпретировать статус человека в системе социальной целостности.

Основные интерпретации феномена человека в жизни общества и главные традиции исследования самого общества можно свести к теоретико-методологическому универсализму и индивидуализму, исходящим из двух диаметрально противоположных антропологических концепций. Эти традиции берут начало в древнегреческой философии у софистов, считавших, что отдельный человек есть «мера всех вещей» (Протагор), и у Платона, наоборот, отмечавшего, что только в обществе – идеальном государстве – индивид может избавиться от природного эгоизма, а их суть сводится к следующим посылам: общество для человека (индивидуализм) и человек для общества (универсализм).

Таким образом, еще в древности была поставлена проблема диалектики «общество – человек» и осознано, что раскрыть сущность общества, отразив ее в системе социально-философского знания, минуя феномен человека, невозможно. Иной вопрос, как рассматривается феномен человека при осмыслении сущности самого общества. Это первое, что характеризует методологические основания философско-исторического познания и включает в себе выбор стратегии в раскрытии диалектики «общество – человек» в диахронической проекции.

Второе методологическое основание связано с рассмотрением статуса человека в историческом развитии общества, определением особенностей его исторического бытия в зависимости от топологических, качественных характеристик социально-исторического времени. Поэтому изучение феномена времени истории также значимо для анализа исследуемой темы.

Однако вначале обратим внимание на интерпретацию феномена человека в философии и существующие в ней основные методологические стратегии исторического познания.

Методология универсализма и индивидуализма может быть конкретизирована как своего рода проекция философских категорий *единичное – особенное – общее* на интерпретацию общества и его явлений (предмет социальной философии в узком смысле). Общей для данной триады будет выступать категория отдельного, которой в субстанциальной философии истории соответствует человек как субъект исторического процесса. Однако в этой роли он может интерпретироваться по-разному. В методологическом индивидуализме человек выступает как *единичное* – автономный, движимый конкретными личными интересами деятель (актор), чьи социально-исторические действия определяют общественную жизнь. Можно сказать, что общество в данном случае выступает не более чем системой циркуляции этих «социальных атомов», для которых типичным является выделенное М. Вебером в качестве «идеального типа» целерациональное действие [2, с. 629]. Отсюда вытекает приоритет интереса над ценностями общества, характерный, к примеру, для западного либерализма.

Индивидуализм представлен теоретико-методологическими программами социального атомизма в концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Смита, Дж. Мида или социологического номинализма М. Вебера, философского и экономического либерализма, сингуляризма (в терминологии С. Л. Франка и П. Б. Струве) и некоторыми другими. Кредо индивидуализма четко обозначил Г. Спенсер, отметив: «Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначения известного числа индивидов. Перенос спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что <...> существуют одни только общественные единицы, т. е. люди; существование же самого общества есть лишь чисто словесное» [3, с. 155]. В свою очередь, в XX в. Р. Арон предлагает три тезиса, к которым могут быть сведены характеристики методологического индивидуализма:

- 1) реальность, как объект гуманитарных наук, состоит из мнений или индивидуальных позиций;
- 2) социальные целостности являются не реальностями, а конструкциями;
- 3) окончательное объяснение всегда происходит посредством индивидуального поведения [4, с. 336].

В традиции универсализма *отдельным* выступает общество в целом, в котором растворяется уникальность человека и в качестве мотивов исторического действия господствуют некие общечеловеческие ценности и надындивидуальные смыслы. Универсализм, безусловно, не отрицает человека как действующее лицо истории, но социологизирует его, рассматривая как *общее* (то же происходит в традициях позитивизма и классического марксизма). Для него человек интересен в его универсально-всеобщих характеристиках, а статус человека как неповторимой индивидуальности нивелирован; одновременно человек лишается права быть субъектом истории, подчиняющейся собственным закономерностям, смысл которых имеет надличностный характер.

В качестве основных универсалистских программ выделяются программы коммунизма, тотализма, социального реализма, апробированные в концепциях общества К. Маркса, Т. Парсонса, М. Фуко и др. В основе методологического универсализма лежит представление об обществе как самодостаточной целостности, системе отношений между социальными группами или функциональными подсистемами. Центром оппозиции универсализма индивидуализму являются исходные антропологические предпосылки этих подходов. С точки зрения сторонников универсализма, если человек, по сути, социальное существо и его индивидуальность – продукт сложившихся в обществе традиций культуры, то его свобода должна носить не произвольно-личный, а социальный характер, она должна мыслиться укорененной в структуре социальной целостности.

Универсализм возник как антитеза индивидуализму, превозносившему индивида и личные интересы. В частности, у Ж.-Ж. Руссо на их место заступают сообщество и общая воля, а идее прогресса противопоставляется лозунг «Назад к природе!». Заметим, что именно общая воля, но не воля всех предстает у французского философа подлинно народной волей, волеизъявлением общества, которое рассматривается как органическое целое.

Теоретическое обоснование и идеологическое применение методологический универсализм нашел в возникшем в качестве реакции на события Великой французской революции консерватизме, у истоков которого стоял британский философ Э. Бёрк. Считая либералов предшественниками и проводниками идеологии Французской революции, Э. Бёрк, Ж. де Местр и Л. де Бональд выступили против либерализма эпохи Просвещения с характерной для него триадой «индивидуализм, рационализм, прогрессизм», подчеркивая приоритет традиции по отношению к разуму, ценностей сообщества по отношению к личным интересам. С их точки зрения, «общество похоже на сложный расту-

щий организм, а не на механизм, который можно быстро переделать с помощью простых действий. <...> Общество и история более мудры, чем индивиды и их предполагаемый разум» [5, с. 420, 424].

Таким образом, эти два принципиальных теоретико-методологических подхода в социальной философии предстают в оппозиции. Попытки совместить их предпринимают в XX в. Р. Бхаскар и Ю. Хабермас, сохраняя, однако, значение этих подходов как традиций. Так, в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара ставится цель доказать несводимость общества к людям и утверждается, что «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды (и группы) находятся друг к другу» [6, с. 219–220].

Автор полагает, что «люди не творят общество. Ибо оно всегда предшествует им и составляет необходимое условие для их деятельности» [6, с. 229], предостерегая при этом от двух наиболее типичных ошибок в трактовке социальной реальности: реификации (тезис: общество существует независимо от человеческой деятельности) и волюнтаризма (тезис: общество является продуктом человеческой деятельности). По мнению британского социолога, люди в своей деятельности бессознательно воспроизводят и преобразуют некие социальные структуры, направляющие и корректирующие их действия, структуры, которые не могут существовать в отрыве от видов деятельности, направляемых ими, равно как и от идей и представлений субъектов об этих видах деятельности.

Методологический индивидуализм и универсализм находятся в состоянии бинарной оппозиции и противостоят друг другу в качестве исследовательских стратегий. Поэтому неоднократно предпринимался поиск синтетической исследовательской стратегии познания социума. Он был характерен для таких немецких мыслителей, как И. Г. Гердер, И. Г. Фихте, Г. Гегель, а также свойствен многим русским философам, в числе которых В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев. В современном общественном сознании этот поиск продолжили Ю. Хабермас, П. Бурдьё, Э. Гидденс и др.

В качестве категориальной основы синтетической стратегии выступила философская категория *особенного*, которой соответствует методология партикуляризма. В ней субъектом исторического процесса становятся отдельные социально-культурные общности – от этнических групп до цивилизационных образований. Истоки партикуляризма можно встретить у Аристотеля, который писал: «Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множественством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи –

отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек – нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство» [7, с. 404]. То есть вопреки взглядам своего учителя и при этом идейного оппонента Платона, который фактически растворял человека в обществе, Аристотель признавал его ценность как основы семьи. Семью он понимает как коллектив, обладающий групповой спецификой, и от состояния этого коллектива зависит благополучие общества в целом.

Такой спецификой *особенно* обладает использованная в немецкой философско-исторической мысли категория индивидуальной тотальности, или тотальной индивидуальности, введенная в философскую лексику Э. Трельчем [8, с. 31–33]. Партикуляризм, с одной стороны, редуцирует индивида к коллективу (нации, социальному классу, страте), признавая в качестве объединяющего фактора влияние групповых традиций и значений (дух эпохи, народный дух, национальное самосознание), а с другой – наделяет эту общность целостностью человеческого «Я». Как связующее звено между единичным и всеобщим (общим), *особенное* в методологии партикуляризма неслучайно вытекает из стремления совместить индивидуальный интерес и универсальные ценности.

Что же общего в интерпретации общества для столь различных подходов универсализма, индивидуализма и партикуляризма? Это общее – феномен человека, специфика его трактовки и, исходя из этого, ключ к пониманию общества. Под феноменом человека подразумевается его бытие как субъекта, одновременно являющегося восприимчивником и хранителем существующих в обществе культурно-исторических традиций, а также творцом, который посредством активной социальной деятельности конструктивно влияет как на бытие общества в его историческом развитии, так и на бытие самого человека в обществе. Поэтому можно сказать, что человек не только созидает социально-историческую реальность, которая является по своей сути объективно-субъективной реальностью, но и творит себя, реализуя свои потенциальные возможности и утверждая себя как личность.

Поэтому подобно тому как история немислима без человека, так и философская картина исторического процесса не может быть выстроена без учета человеческого фактора. Осмысление феномена человека присутствует во всех философско-исторических концепциях, но понимается по-разному: либо это человек как автономное существо, «социальный атом», либо он нивелирован в структуре социума, является лишь носителем социального и компонентом социальной системы, либо высту-

пает как деятельное существо, определяемое социально-историческим развитием общества и обуславливающее своеобразие последнего.

Второе методологическое основание философско-исторического познания связано с рассмотрением статуса человека в историческом развитии общества, определением особенностей его исторического бытия и в целом с исследованием феномена времени истории. Вопрос о том, что такое время, очень непростой, о чем говорят слова Августина Блаженного: «Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [9, с. 33]. Тем не менее без ответа на этот вопрос невозможна философия истории, для которой понятие времени является центральным и без которого в принципе невозможно существование системы знаний о развитии общества. Таким образом, в философии истории речь идет не просто о концепте времени как таковом, а о социальном времени как форме исторического бытия человека. В связи с этим естественной является постановка вопроса о специфике антропологического компонента в структуре философско-исторического знания.

Социальное бытие характеризуется рядом атрибутивных, неотъемлемых свойств. Среди них – социально-историческое развитие, которое проявляется в разнообразных формах его качественно изменения: социальной эволюции, революции, прогрессе, регрессе и др. Особое значение среди атрибутов социального бытия отводится социальным пространству и времени. Что они собой представляют? Для ответа на этот вопрос обратимся к атрибутивной (реляционной) концепции пространства и времени, которая характерна для современной науки.

В этой концепции пространство и время рассматриваются как неотъемлемые свойства бытия, зависящие от его вида и специфики, в отличие от конкурирующей с ней субстанциальной концепции, в которой данные категории исследуются как самостоятельные сущности. В рамках атрибутивной концепции становится понятным, что, поскольку присутствует множество форм бытия, можно говорить о своеобразии астрономического (календарного), биологического и социально-исторического пространства и времени. Очевидно и то, что их параметры являются дополнительными в характеристике объектов. Такое понимание диалектики этих двух категорий нашло отражение в примененном в начале XX в. немецким математиком Г. Минковски понятии пространственно-временного континуума. Его суть заключается в том, что при рассмотрении положения объекта используются как необходимые и дополнительные три пространственные координаты (длина, ширина и высота) и одна временная координата, отмечающая

его положение в настоящем. В итоге объект характеризуется комплексно, как находящийся «здесь» и «теперь», т. е. обладающий измерениями единого пространства-времени.

Понятию пространственно-временного континуума в философии и социально-гуманитарных науках соответствует термин «хронотоп» (от др.-греч. χρόνος – время и τόπος – место), фиксирующий существование единого времени-пространства. Данный концепт, введенный в научный оборот М. М. Бахтиным, использовался для характеристики действия в художественном произведении, однако в дальнейшем вышел за пределы понятийного аппарата литературоведения и приобрел статус философской категории. При рассмотрении явлений социального бытия она отражает их существование одновременно как в социальном пространстве, так и во времени. Истоки представлений о хронотопе – в мифологических сюжетах древности, в которых круг очерчивал жизненное пространство человека в природном космосе, выступая символом возвращающегося времени.

В рамках атрибутивной концепции социальное пространство можно рассматривать как форму существования социального бытия, характеризующую взаимное расположение социальных объектов, их протяженность, структурность и специфику связей. В частности, пространственные параметры присущи всем взаимодействующим элементам социальной структуры общества – демографическим, этническим, территориальным и другим общностям. При этом необходимым онтологическим условием пространственной координации является иерархическое строение общества, существование верхних, средних и нижних слоев, вертикальных и горизонтальных каналов социодинамики.

Социальное время, в свою очередь, выступает как форма социального бытия, характеризующая его динамику и процессуальность, последовательность смены состояний и разнообразие ритмов изменений в различных сферах жизни общества. Учитывая, что социальное время способно становиться достоянием исторической памяти человечества, его можно квалифицировать как социально-историческую категорию. А поскольку в истории события всегда происходят в определенном месте и в соответствующее время, то можно говорить о картине исторического развития общества как динамике социально-исторических хронотопов. Но при этом событийную специфику и динамику развитию общества придает прежде всего фактор времени.

Характеризуя историческую динамику человечества как смену хронотопов, отметим, что в мифологическом сознании древнего человека, воспринимавшего окружающий мир как пространство, где сосуществуют и взаимодействуют одновременно и природные, и высшие (сакральные) силы, мир

рассматривался как единая синкретичная мифореальность, для которой было свойственно особое состояние социально-исторического времени.

Во-первых, это время имело локальный характер, описывая особенности существования относительно автономных общностей людей – патриархальной семьи, рода, племени со своим укладом, системой хозяйствования, тотемной религией, ритуалами, задающими определенный ритм жизни. Во-вторых, ритмы социальных процессов на ранних стадиях развития человечества были замедленными, что типично для традиционных обществ, отличающихся воспроизводством уклада совместной жизни. В-третьих, социально-историческому времени той эпохи были свойственны повторяемость и возвратность, соответствующие циклической динамике и повторяемости природно-космических процессов. Эти атрибуты социально-исторического времени нашли отражение в сезонных ритуальных праздниках. В-четвертых, это время носило не кумулятивный, а прерывный характер, выражающийся в относительно кратковременном существовании племен, этносов, государств, царств, что обуславливалось периодическими войнами, кризисами, природными и социальными катаклизмами. В частности, согласно А. Тойнби, Л. Н. Гумилеву и некоторым другим исследователям, длительность такого этапа составляла 12–14 столетий.

Подобные особенности характерны и для воззрений на общества Древнего Востока и античного мира. Натуралистическая интерпретация исторических событий не позволила мыслителям древности выйти на уровень метаистории и выработать содержательную философскую конструкцию исторического процесса.

Прорыв в понимании времени истории произошел позже и был связан с разработкой христианской идеи истории, которая делала акцент на том, что время истории – это время существования людей. В философии истории глубинная связь бытия человека как личности и исторического бытия общества, наличие у них общего и специфического, означающего, что человек, как существо социальное, все же обладает индивидуальностью, проявляются в различении исторического и экзистенциального времени.

Так, Н. А. Бердяев говорил о существовании космического, исторического и экзистенциального времени. По его словам, первое из них исчисляется математически по движению вокруг Солнца, с ним связаны календари и часы; оно символизируется круговоротом. Время историческое вставлено во время космическое, оно может исчисляться математически по десятилетиям, столетиям, тысячелетиям, в нем каждое событие неповторимо; оно символизируется линией, устремленной вперед, к грядущему. Как отмечает философ, «время

экзистенциальное не исчисляется математически, его течение зависит от напряженности переживаний, от страдания и радости, в нем происходит творческий подъем и бывают экстазы, оно более всего символизируется точкой, говорящей о движении вглубь. История происходит в своем историческом времени, но она не может ни в нем состояться, ни в нем кончиться. История выходит или во время космическое, это утверждает натурализм, и он соглашается на окончательную объективацию человеческого существования, человек оказывается лишь подчиненной частью мирового природного целого, или во время экзистенциальное, и это означает выход из царства объективации в духовный план. Экзистенциальное время, известное по опыту всякому человеку («частливые часов не наблюдают»), свидетельствует о том, что время – в человеке, а не человек во времени и что время зависит от изменений в человеке» [1, с. 263].

Отличие социально-исторического времени от времени астрономического как методологический принцип глубинного анализа развития общества положил в основу своей концепции «короткого XX века» британский историк Э. Хобсбаум. Согласно его концепции XX в. длился с 1914 г. (с начала Первой мировой войны) до 1989 г. (падение Берлинской стены) [10]. Однако этот «короткий век» включил в себя много эпохальных и последовательно связанных между собой событий. Это социалистические революции и фашистские режимы, холодная война и надежды на демократическое будущее общества, попытки глобализации и период разочарования в универсальной демократии, время упования на рынок как панацею от всех бед и ответного подъема национализма, крушения социалистической системы и нового торжества либерализма и капитализма.

Что касается XXI в., то, согласно Э. Хобсбауму, мировое сообщество вступило в него еще в 1990 г.,

однако пока его перспективы весьма туманны, хотя происходящие на наших глазах события и процессы вызывают опасения по поводу благоприятного для мира стабильного и сбалансированного развития. По мнению мыслителя, такой сценарий связан не только с экономическим кризисом, но и, шире, с тотальным кризисом западной цивилизации, и прежде всего с проблемами ее самоидентификации.

Пафос размышлений Э. Хобсбаума в целом заключается в том, что историческое время определяется не хронологической последовательностью безразличных и непонятных человеку событий, а значимыми для него процессами, составляющими содержание эпохи, в которой живут и действуют люди. Это время, обусловленное осмысленной и целенаправленной деятельностью людей, творящих историю. Его можно охарактеризовать словами выдающегося датского физика Н. Бора, сказанными, правда, применительно к научному творчеству: «Это не драма идей, это – драма людей».

В настоящей работе мы обратили внимание на концептуально-методологические основания философско-исторического познания и особенности рассмотрения человека в системе философского знания. Тем не менее, если использовать терминологию О. Конта, это пока подход в рамках социальной статистики. Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы взглянуть на феномен человека в социальной динамике, т. е. экстраполировать его на философское рассмотрение истории общества, и ответить на вопрос, как влияет та или иная интерпретация феномена человека на систему философско-исторического знания и решение фундаментальных проблем субстанциальной философии истории. Анализ этой проблемы составляет предмет специального исследования, результаты которого описаны в нашей книге «Философия истории в антропологической перспективе», изданной в электронном виде в БГУ в 2016 г.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. Семенов Е. В. Антропо- и социоцентризм в социальном познании // Теория познания : в 4 т. М., 1995. Т. 4 : Познание социальной реальности. С. 154–184.
4. Арон Р. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004.
5. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. М., 2000.
6. Бхаскар Р. Общества // Социо-логос : пер. с англ., нем., фр. М., 1991. Вып. 1. С. 219–240.
7. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.
8. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.
9. Августин Аврелий. Исповедь // Лабиринты души : сборник. Симферополь, 1998. С. 5–206.
10. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

References

1. Berdyaev N. A. [The kingdom of God and the kingdom of Caesar]. Moscow, 1995 (in Russ.).
2. Weber M. [Selected works]. Moscow, 1990 (in Russ.).

3. Semenov E. V. [Anthropo- and sociocentrism in social studies]. *Epistemology* : in 4 vol. Moscow, 1995. Vol. 4 : [Cognition of social reality]. P. 154–184 (in Russ.).
4. Aron R. [Selections: dimensions of the historical conscience]. Moscow, 2004 (in Russ.).
5. Skirbekk G., Gilje N. [A history of Western thought]. Moscow, 2000 (in Russ.).
6. Bhaskar R. [Societies]. *Socio-logos*. Transl. from Engl., Ger., Fr. Moscow, 1991. Issue 1. P. 219–240 (in Russ.).
7. Aristotel'. [Politics]. *Sochineniya* : in 4 vol. Moscow, 1983. Vol. 4. P. 376–644 (in Russ.).
8. Troeltsch E. [Historicism and its problems]. Moscow, 1994 (in Russ.).
9. Augustin Aurelius. [Confessions]. *Labirinty dushi*. Symferopol, 1998. P. 5–206 (in Russ.).
10. Hobsbaum E. [The age of extremes: the short twentieth century (1914–1991)]. Moscow, 2004 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 16.02.2017.
Received by editorial board 16.02.2017.

УДК 330.567.4

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

С. В. МАКСИМЕНКО¹⁾

¹⁾ООО «Трайб стоун», ул. Кульман, 9–15, 220100, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется генезис представлений о феномене общества потребления. Раскрываются различные особенности его социальной структуры. Исследуются истоки феномена в целях определения сущностных черт категории конюмеризма. Рассматривается становление основных концепций данного социального явления как в западной философской традиции (в частности, критическая постмодернистская теория Ж. Бодрийяра, теория потребительской революции Н. МакКендрика), так и в отечественной (теория человека-потребителя Е. А. Батюты, трансформационный подход Е. А. Самарской, моделирование В. И. Ильина). Фиксируются методологические особенности и эвристические возможности данных подходов.

Ключевые слова: общество потребления; конюмеризм; потребительская революция; товарный фетишизм.

SOCIETY OF CONSUMPTION: PROBLEM OF GENESIS AND METHODOLOGY OF SOCIAL-PHILOSOPHY ANALYZE

S. V. MAKSIMENKO^a

^aTraib Stone, Kul'man street, 9–15, 220100, Minsk, Republic of Belarus

The author analyzes the genesis of ideas about the phenomenon of the consumer society. Various features of the social structure of the consumer society are revealed. The origins of the phenomenon for determining the essential features of the category of consumerism are explored. The formation of the basic concepts of this social phenomenon as in the Western tradition, in particular the critical, postmodern theory of J. Baudrillard, the theory of the «Consumer revolution» of N. McKendrick, and in the domestic philosophical tradition: the theory of the human-consumer by E. A. Batyuta, the transformation approach of E. A. Samarina, modeling of V. I. Ilyin. Fixed methodological features and heuristic capabilities of these approaches.

Key words: society of consumption; consumerism; consumer revolution; commodity fetishism.

В современных условиях социально-экономического и духовного развития общества многие философы, социологи и экономисты все чаще говорят о различных кризисах, характерных для настоящего времени. Особое внимание в этих исследованиях отводится так называемому антропологическому кризису. Под ним, как правило, понимают систему нарастающих негативных тенденций в развитии,

ведущих к деградации личностного потенциала человека. На наш взгляд, важными характеристиками антропологического кризиса являются деформация базовых ценностей, переосмысление идей гуманизма и трансформация поведенческих ориентаций личности. Многие из проявлений данных аспектов исследуются в рамках концепции общества потребления.

Образец цитирования:

Максименко С. В. Общество потребления: проблема генезиса и методологии социально-философского анализа // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 44–48.

For citation:

Maksimenko S. V. Society of consumption: problem of genesis and methodology of social-philosophy analyze. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 44–48 (in Russ.).

Автор:

Сергей Владимирович Максименко – аналитик.

Author:

Sergey Maksimenko, analyst.
maximenko@tribe.by; smzerozero@gmail.com

В настоящее время общество потребления – популярнейшая категория, используемая и в общественно-политическом, и в философско-гуманитарном дискурсах. При этом дефиниция данного феномена меняется, поскольку зачастую зависит от контекста.

Анализ представлений о феномене общества потребления позволяет выделить несколько определений этого понятия, в наибольшей степени описывающих его существенные черты. В социологическом словаре категория общества потребления трактуется как одна из граней общества модерна, или современного общества, находящегося на такой стадии функционирования, когда принцип потребления становится главенствующим [1, с. 344]. При этом общество потребления характеризуется как общество индустриально развитых стран, где потребление материальных благ и формирование соответствующей системы ценностных ориентаций и установок стали массовыми.

Французский философ Ж. Бодрийяр пишет о том, что общество потребления – это система отношений в социуме, при которой ключевая функция принадлежит обособленному потреблению каждого индивидуума, опосредованному рынком [2, с. 54]. Здесь мы можем проследить рождение нового отношения к «человеческим ресурсам» – общество потребления навязывает его членам роль потребителей. Такое общество – закономерный результат рыночного уклада экономики.

В других дефинициях общества потребления акцент делается на экономическом, политическом и иных аспектах функционирования данного феномена. Простое перечисление и пересказ часто используемых определений, на наш взгляд, непродуктивны. Требуется поиск инвариантных смыслов, фиксирующих основные содержательные моменты этого явления, необходим анализ главных этапов его становления, а также возникновения нынешних парадигм трактовки.

Исследование проблемного поля жизни и функционирования человека в потребительском социуме имеет два истока. Первый относится к концепциям философии структурализма. Здесь в первую очередь стоит упомянуть известную работу К. Леви-Стросса «Структурная антропология», в которой французский исследователь пишет об эффектах влияния коллективных структур на характер отношений в социуме, проводя параллели между племенами из различных регионов планеты. «Мы должны представлять себе социальные структуры прежде всего как объекты, не зависящие от того, как они осознаются людьми (хотя люди и управляют самим их существованием), причем они так же могут отличаться от представлений о них, как физическая реальность отличается от наших чувственных впечатлений от нее и от создаваемых

нами по поводу нее гипотез. И у каждого объекта есть элемент, которому объект подчиняется. Так, в различных племенах Северной и Южной Бразилии вне зависимости от структурного состава никто не может заниматься регулированием браков» [3, с. 126]. Автор подразумевает особые надындивидуальные обязательства каждой личности, регулирующие ее социальную жизнь. Даже в неразвитых социальных системах существует определенный тренд к функциональной оптимизации в обществе. Так, например, только дядя невесты по материнской линии имеет право защищать свою племянницу от насилия со стороны ее мужа [3, с. 129]. Данную оптимизацию можно трактовать как способ повышения эффективности семейного института, желание достигнуть более высокого уровня комфорта. Это обстоятельство К. Леви-Стросс рассматривает в качестве глубинного потребительского мотива личности, который является корнем консюмеристских ориентаций современного человека.

В 1970-х гг. Ж. Бодрийяр подробно переосмысливал эти идеи, создавая развитую систему теоретического знания о западном обществе потребления. Используя эссеистическую манеру письма и яркий метафоричный язык, в своих известных работах «Общество потребления», «Символический обмен и смерть», «Прозрачность зла» социолог соединяет структурализм и критический марксизм, фиксируя феномен потребления как принцип развития с начала 50-х гг. XX в.

Так, Ж. Бодрийяр пишет, что «с 1950 по 1967 г. средний уровень жизни французов, измеряемый в плане индивидуального потребления, больше чем удвоился в реальном выражении» [2, с. 13]. При этом отмечаются снижение домашних продовольственных расходов и рост внешних, что характеризует переход потребления от стадии средства для комфортной жизни к стадии самоцели. Кроме того, Ж. Бодрийяр активно рассуждает о наделянии экономического процесса потребления «волшебными» свойствами: «...На этом довольно поверхностном уровне можно рискнуть сделать сравнение: именно магическая мысль управляет потреблением, именно ментальность чуда управляет повседневной жизнью; это ментальность примитивных народов в том смысле, что ее основой является вера во всемогущество мыслей: здесь это вера во всемогущество знаков. Богатство, изобилие являются в действительности только накоплением знаков счастья» [2, с. 9].

Уделяя внимание мифологическому характеру воздействия элитарной верхушки на широкого обывателя, массового человека, Ж. Бодрийяр проводит множество параллелей с первобытными, неразвитыми социумами. Критический посыл рассуждений французского философа позволяет фокусировать внимание на острейших проблемах

современной реальности. При этом Ж. Бодрийяр не использует четкой периодизации в исторической ретроспективе потребления.

Следующий подход, в противовес позиции французского философа, подразумевает преодоление в некотором роде онтологической проблемы. Речь идет о концепции консюмеристской революции, которая связана с именами Н. МакКендрика, Дж. Брювера и Дж. Г. Пламба. Временем становления общества потребления специалисты называют в своих исследованиях XVIII в., географически локализуя его в Англии. Данное постулирование меняет отношение к проблеме, выводя ее за границы только лишь полувекового отрезка (с 1950-х гг., как отмечал Ж. Бодрийяр). Фундаментом этой теории является веберовский подход, связанный с рефлексией над процессами модернизации западных обществ. Так, Н. МакКендрик объясняет стремительное нарастание потребления бурным развитием буржуазного общества, вследствие чего были разрушены иерархические структуры в социуме, невербальные барьеры, по сути, регламентирующие жизнь и досуг обывателя, который становится важным экономическим субъектом – потребителем. А потребительский спрос превращается в активную составляющую развития промышленного капитализма.

Данные исследования были поддержаны двумя группами философов. Первая сконцентрировала свое внимание на истории становления потребления. Исследователи К. Кэмпбелл, П. Стирнс и Д. Роше писали об идее соревновательного потребления. Вторая группа авторов (Р. Бокок, Д. Миллер, Дж. Ритцер) делала акцент на важности процесса модернизации, регулярных прогрессивных изменений и концентрировалась на последствиях роста потребления для социума и человека.

Современный этап развития парадигмы общества потребления связан с появлением теории мирового консюмеризма [4], которая рассматривает изменения потребительских стандартов в ретроспективе: от традиционных социумов до нынешнего общества конца XX – начала XXI в. Английский философ и социолог польского происхождения З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество» пишет: «Мы путешествуем ныне без всякого представления о пункте назначения, на который можно было бы ориентироваться, не пытаясь найти “справедливое общество” и даже не надеясь, что оно встретится нам по пути» [5, с. 141]. Автор делает вывод о том, что в XXI в. консюмеризм занимает преобладающую над моралью, этикой и духовными ценностями позицию, затрудняя тем самым дальнейший путь развития человечества. Такой подход, учитывая процессы глобализации, практически прекращает обсуждение феномена консюмеризма в рамках исключительно западного

общества, и проблемы, описанные Ж. Бодрийяром, могут транслироваться на все мировое сообщество.

В последней трети XX в. существенное влияние на рефлексию над проблематикой общества потребления оказывают теории постмодернизма и постструктурализма. Многие исследователи (Э. Гидденс, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фезерстоун, У. Бек, Д. Миллер, П. Стирнс, Ф. Джеймсон, С. Жижек, С. Лэш и др.) рассматривают структуры повседневности и потребительский образ жизни человека. Некоторые авторы (Р. Бокок, Ж. Бодрийяр, П. Стирнс и др.) говорят о растущем желании обладать предметами, а также о символизации потребления. Например, американский историк и социолог П. Стирнс разделяет социальную историю на «историю событий» и «историю структур». Он пишет о том, что «история структур» чрезвычайно важна для понимания многообразия, которым детерминируется ход событий, углубляясь при этом в идею потребления мифа как в идею новой потребительской структуры [6, с. 6].

В данном контексте интересной выглядит интерпретация словенским социологом и философом С. Жижеком понятия «товарный фетишизм» К. Маркса. Исследуя критические воззрения немецкого философа, он замечает, что фетишистская материализация удваивается. Отношения людей не просто приравниваются к отношению вещей, а встраиваются в символическую структуру высшего порядка. Исследователь пишет о том, что, «к примеру, деньги – это не только символ межличностных отношений, но и воплощение социального института» [7, с. 182]. По мнению С. Жижека, фетишизация развивается благодаря абсолютной прозрачности процесса создания того или иного продукта потребительской культуры. «...Случаем этого, – продолжает он, – может служить пример недавних выпусков серий “Как снимали...”, которые непременно сопровождают все кинокартины с большим бюджетом. Возможность взглянуть на создание фильма не только не разрушает иллюзию фетишизма, но даже усиливает ее, поскольку делает различие между физическими причинами и их внешним эффектом более ощутимым...» [7, с. 183].

Идея философского осмысления процесса потребления была довольно развита и в Советском Союзе. Систематизация воззрений советских специалистов, исследовавших феномен потребления, позволяет разделить их на две большие ветви, которые можно охарактеризовать как ангажированную и неангажированную. К первой могут быть отнесены такие философы, экономисты и социологи социалистического периода, как Н. М. Кейзеров, Г. Е. Глезерман, О. П. Зубец, А. И. Арнольдов, В. П. Мотяшов, М. В. Тараткевич, С. Г. Спасибенко и др. Взгляды большинства из них были обусловлены политическим диктатом идеологии социализма. Примером такой ангажированности служат рассуждения

о необходимости формирования в социалистическом обществе «разумных потребностей», воспитания нового отношения к процессу потребления. В связи с этим приводились многочисленные эпизоды, раскрывающие пороки западного образа жизни, противопоставлялись различные ориентации и отношение к феномену потребления в западном и советском обществах. Ангажированность некоторых авторов обуславливается вынужденностью умалчивать о минусах командно-административной экономической системы, фундаментальном противоречии политики социалистического государства и рыночных механизмов.

Вторая группа связана с изменившимися геополитическими условиями и появлением постсоветских, не ангажированных советской идеологией, исследователей. Среди социально-политических предпосылок данных трансформаций следует отметить смену государственного и политического устройства постсоветского пространства, формирование рыночных отношений хозяйствования, независимую национальную политику стран бывшего СССР, возможность свободного выезда, кризис старой идеологии и отсутствие новой, политику гласности во второй половине 1980-х. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется острой потребностью в переосмыслении идеологических основ общества, в том числе возникает необходимость по-новому посмотреть и на процессы потребления, их роль как в жизни социума, так и отдельного человека.

Из всего многообразия трактовок общества потребления, данных неангажированными исследователями, выделяются четыре подхода:

- поведенческий;
- антропологический;
- трансформационный;
- экономико-культурный.

Поведенческий подход основывается на изучении поведения потребителя. Его особенностью является высокая степень прикладной значимости, возможность практического использования в маркетинге и рекламной деятельности. На этот подход в своих исследованиях опирались О. М. Меликян, Г. А. Васильев, Н. И. Лыгина, А. Н. Саевец, Т. Н. Макарова и другие авторы. Среди них особое место занимают разработки В. И. Ильина, который, подчеркивая значимость модернизации процесса потребления, фокусирует внимание на человеке-потребителе, связывая новации в различных аспектах потребления и прогресс социальных институтов в целом. Социолог пытается выстроить теоретическую модель общества потребления, выделяя список эмпирических индикаторов: организацию свободной торговли, маркетинговую ориентацию субъектов хозяйствования, массовую потребность в индивидуализации, возможность кредитования,

развитую систему развлекательных заведений и др. В статье «Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность» В. И. Ильин приводит их как конкретные социальные феномены, которые являются, на его взгляд, маркерами постсоветского общества потребления [8]. Неоспоримыми достоинствами данного подхода стали упорядочивание потребительских практик и систематизация капиталистических механизмов работы экономики в контексте потребления.

В центре *антропологического* подхода находится так называемый человек потребляющий. Смысл данного подхода заключается в рассмотрении глубинных пластов человеческих качеств, изменяющихся в рамках потребительских практик. Человек потребляющий – это всего лишь сравнение, относящее нас к утверждению о том, что потребление является важным элементом жизненного мира современного человека. В этом направлении активно работали Е. А. Батюта и В. П. Веряскина. Так, например, Е. А. Батюта в своих трудах, используя теорию коммуникаций, интегрирует потребительскую социологию и социальную психологию. По мнению исследовательницы, сложность феномена заставляет объединить методологические приемы и теоретические закономерности – от эмпирической психологии до философии культуры. В современности, полагает Е. А. Батюта, происходит антропологический сдвиг в анализе потребления, характеризующийся смещением исследовательского интереса от общественных параметров потребления как фактора материального производства к особым свойствам человека-потребителя. При этом Е. А. Батюта пытается включить понятия «потребитель» и «потребление» в контекст философско-антропологического знания, что позволит понять истоки человеческого желания потреблять [9, с. 3]. Достоинствами данного подхода являются интегральный характер направления, желание соединить различные концепции философии культуры, социальной философии, психологии для осознания глубинного потребительского мотива человека.

В рамках *трансформационного* подхода сам феномен потребления выступает лишь вспомогательным элементом системы при переходе от одного уклада к другому. Так, Е. А. Самарская использует термин «общество потребления», осмысляя понятия социализма и индустриального общества и отмечая при этом, что потребление может заменить собой социально-политические и идеологические механизмы и способствовать интеграции нового общества. По мнению российской исследовательницы, Советский Союз пережил особую форму консюмеризма в эпоху брежневского застоя, когда определенные вещи были знаком счастья и целью жизни, в производстве присутствовал экстенсивный рост, а идеология коммунистического будущего

превратилась в симулякр убеждений [10, с. 195]. Данный подход является попыткой переосмысления распада СССР и критики концепции потребительского общества.

Наконец, *экономико-культурный* подход фокусирует внимание исследователей на темпах и динамике развития капитализма, а также на общественно-культурных изменениях в западных обществах. Термин «потребление» рассматривается здесь скорее функционально, как эффективное средство распространения капитала, часть капиталистического хозяйственного уклада. Потребление в рамках данного подхода – это фактор, влияющий на состояние экономики. В этом направлении исследования проводят В. А. Колпаков, Г. А. Хакимов, А. С. Панарин, В. Л. Иноземцев, А. И. Колганов. Потребительский социум выступает в роли закономерного итога развития капиталистической системы. Современный этап существования технологий и прогресса становится залогом создания гигантской добавочной стоимости, погружая рядового индивида в мир благ, давая ему средства на развет-

вленную систему потребления. Проблемы при этом являются соотношения функционирования потребительского социума в рамках развития таких феноменов, как глобализация, постиндустриальный уклад, экономика знаний. Данный подход тесно связан с экономической наукой, опирается на статистические данные и дистанцируется от достаточно сложных рассуждений об этом феномене некоторых исследователей (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Р. Барт).

Проведенный анализ показывает, что при всем разнообразии трактовок общества потребления представленные выше методологические подходы имеют выраженный эвристический потенциал. Каждый из них фиксирует особые черты общества потребления и выделяет характерные закономерности его становления и развития. Дальнейшее исследование современного состояния концепций общества потребления будет базироваться на перечисленных подходах, учитывая постоянно меняющиеся реалии политической, экономической и духовной жизни социума.

Библиографические ссылки

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / пер. с англ. И. Г. Ясавеева ; под ред. С. А. Ерофеева. М., 2004.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
4. Гопкало О. О. Британская школа исследований потребительской революции // ЖССА. 2006. Т. IX. № 3. С. 158–164.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
6. Кузнецов Д. А. Человек в обществе потребления : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М., 2010.
7. Жижек С. Чума фантазий. Харьков, 2014.
8. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. 14. № 2. С. 3–40.
9. Батюта Е. А. Трансформация «человека потребляющего» при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2008.
10. Самарская Е. А. Подъем и упадок индустриального социализма. М., 2007.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. [Sociological dictionary]. Moscow, 2004 (in Russ.).
2. Baudrillard J. Obschestvo potrebleniya. Moscow, 2006 (in Russ.).
3. Levi-Stross C. [Structural anthropology]. Moscow, 2001 (in Russ.).
4. Gopkalo O. O. Britanskaya shkola issledovaniy potrebitel'skoi revolutsii. *J. Sociol. Soc. Antropol.* 2006. Vol. IX, No. 3. P. 158–164 (in Russ.).
5. Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo. Moscow, 2002 (in Russ.).
6. Kuznetsov D. A. Chelovek v obshchestve potrebleniya : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filos. nauk : 09.00.11. Moscow, 2010 (in Russ.).
7. Zhizhek S. Chuma fantasii. Kharkiv, 2014 (in Russ.).
8. Il'in V. I. Obschestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossiiskaya real'nost'. *Universe Russia.* 2005. Vol. 14, No. 2. P. 3–40 (in Russ.).
9. Batyuta E. A. Transformatsiya «cheloveka potrebyayushchego» pri perekhode ot industrial'nogo k postindustrial'nomu obshchestvu : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filos. nauk : 09.00.13. Ekaterinburg, 2008 (in Russ.).
10. Samarskaya E. A. [The rise and decline of industrial socialism]. Moscow, 2007 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.02.2017.
Received by editorial board 27.02.2017.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассмотрены традиционные подходы к изучению проблемы социального развития – эволюционистский и цивилизационный (идея исторических циклов). Раскрыты общие черты эволюционистской традиции. Большое внимание уделено формационному подходу. Описана сущность идей – антиподов эволюционизма, в частности К. Поппера и Р. Будона. Проанализированы особенности теории исторических циклов. Показано, что рубеж XX–XXI вв. характеризуется активным поиском новых исследовательских парадигм. Отмечается, что в настоящее время акцент делается на особой социально-преобразующей роли человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающей деятельности. Подчеркивается множественность путей развития различных человеческих сообществ.

Ключевые слова: социальное развитие; социальный эволюционизм; цивилизационный подход; идея исторических циклов; формационный подход; человек действующий; креативное действие; мир-системный подход; культуральная социология.

SOCIAL DEVELOPMENT: TRADITIONS AND CONTEMPORARY APPROACHES TO STUDY

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes traditional approaches to social development research: evolutionary and civilizational (idea of history circles). The main features of evolutionary tradition are explicated. Special attention is given to formational approach. Essence of antipodes (K. Popper, R. Budon) is presented. Peculiarities of history circles are analyzed. It is shown that the

---

Образец цитирования:

Рубанов А. В. Социальное развитие: традиции и современные подходы к изучению // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 49–59.

For citation:

Rubanau A. V. Social development: traditions and contemporary approaches to study. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 49–59 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Rubanau Anatoly, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
sociology@bsu.by

beginning of the 21st century is the period of active search for new paradigms. The main conclusion is that the main tendencies are the following: attention to special role of individuals, social groups and movements in social changes; principal plurality of ways of communities' development.

Key words: social development; social evolutionism; civilizational approach; idea of history circles; formational approach; acting human; creative action; world-system approach; cultural sociology.

В социальной науке сложились два традиционных теоретико-методологических подхода к объяснению развития общества (по терминологии

О. Конта – социальной динамики): эволюционистский и цивилизационный (идея исторических циклов).

Эволюционистская традиция объяснения общественного развития

К первой социальной эволюционистской теории можно отнести теорию прогресса Ж.-А. Кондорсе, который суть своей главной идеи выразил словами: «Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но он никогда не пойдет вспять» [1, с. 5–6].

В истории человечества Ж.-А. Кондорсе выделяет десять эпох:

- образование племенных сообществ;
- переход к оседлому образу жизни, пастушесству и земледелию;
- развитие оседлого земледелия и изобретение письменности;
- расцвет науки и искусства в Древней Греции;
- развитие наук в Греции и Риме до их упадка и утверждения христианства;
- от упадка просвещения в позднем Риме до его возрождения во времена крестовых походов;
- начало возрождения наук в Европе, завершающееся изобретением книгопечатания;
- духовный переворот, обусловленный изобретением книгопечатания, но подготовленный постепенно в течение многих столетий;
- от Р. Декарта до образования Французской республики;
- эпоха будущего, когда благодаря развитию науки и просвещения в умах людей утвердится идея естественного права, будут достигнуты равенство, справедливость и гуманизм в отношениях между людьми, начнется действительное совершенствование человека и т. п.

Основой общественного прогресса Ж.-А. Кондорсе считал прогресс разума, творческие акты которого, такие как переход к земледелию, изобретение письменности, книгопечатания и т. п., определяли возникновение новой исторической эпохи. Неслучайно свой основной труд, в котором изложены идеи, касающиеся социального прогресса, французский философ назвал «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». «Природа, – пишет он в нем, – неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека» [1, с. 12].

Историю человеческого рода О. Конт пытался объяснить с помощью «закона трех стадий». «Со-

гласно моей основной доктрине, – раскрывает он суть этого закона в книге «Дух позитивной философии», – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями: теологическая, метафизическая и научная. <...> Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая – представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение: постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным» [2].

Интеллектуальная эволюция человечества влечет за собой изменения организации общественной жизни. Теологическая стадия отличается верой в действие сверхъестественных сил и проходит через четыре периода:

- фетишизм;
- анимизм (вера в духов или души, имеющиеся у вещей, растений и животных);
- политеизм (многобожие);
- монотеизм (вера в единого Бога).

В исторической хронологии теологическая стадия охватывает древность и раннее Средневековье. На метафизической стадии ссылки на сверхъестественные силы заменяются абстракциями, по своей природе способными, как полагал О. Конт, «лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов» [2]. В истории эта стадия характеризовалась разрушением старых верований и авторитетов во времена Реформации, Просвещения, социальных революций. Позитивная стадия развития, по мнению философа, начинается тогда, когда наш ум «отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры

и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям» [2]. Наступает эпоха науки и промышленности.

Социальную динамику О. Конт рассматривает в тесной взаимосвязи с социальной статикой. «Социальная статика, – пишет по этому поводу Р. Арон, – поставила в повестку дня основной порядок любого общества, социальная же динамика воспроизводит метаморфозы, которые испытал этот фундаментальный порядок, прежде чем он вышел на конечную стадию позитивизма. Динамика подчинена статике. Ведь понимание того, что есть история, начинается с постижения порядка любого общества. Статика и динамика соотносятся с терминами порядка и прогресса» [3, с. 100]. По словам самого О. Конта, прогресс есть только развитие порядка [4, с. 122].

Согласно Г. Спенсеру, в основе механизма социальной эволюции, как и в основе эволюции природы, лежит принцип структурной и функциональной дифференциации. В развитии общества он проявляется тройственным образом. Во-первых, однообразному, гомогенному населению присуща нестабильность, люди не равны с точки зрения наследственности, индивидуального опыта, условий, в которых они живут, случайностей, лишений, с которыми сталкиваются. В результате непременно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности. Во-вторых, существует тенденция к углублению специализации ролей, росту неравенства власти и достатка. В-третьих, поскольку люди, занимающие одинаковое положение (относительно ролей, функций, престижа, достатка), как правило, стремятся объединиться, общество начинает делиться на фракции, классы, группы по классовым, национальным или профессиональным признакам. Появляются границы, охраняющие эти объединения, поэтому сегрегация населения усиливается и возвращение к гомогенности становится невозможным [5, с. 100].

Обозначая направленность социальной эволюции, Г. Спенсер на основе дихотомического подхода противопоставил военное и промышленное общества. «Характерной чертой военных обществ является принуждение. <...> Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным...»¹ [6, р. 58–59]. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется индивидуальной свободой. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным [7].

Немецкий социолог Ф. Тённис, не отождествлявший эволюцию с прогрессом, видел механизм социального развития в том, что рассудочная, рациональная воля, составляющая фундамент общественных отношений, стала преобладать над есте-

ственной, инстинктивной волей, лежащей в основе общинных связей. «Становление рациональности, – писал он, – есть становление общества, которое развивается в согласии с общиной как изначальной, или, по крайней мере, более старой, формой совместного жительства, частично в вопиющем противоречии с ней» [8, S. 465].

Социальную эволюцию Э. Дюркгейм рассматривал как переход от «механической солидарности» к «органической». Его основу составляет углубляющееся общественное разделение труда. В свою очередь, «причину, объясняющую прогресс разделения труда, следует искать в определенных изменениях социальной среды» [9, с. 262]. Раскрывая эти изменения, Э. Дюркгейм поясняет, что прогресс разделения труда прямо пропорционален моральной или динамической плотности общества, заключающейся в том, что становится «больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга». Моральная плотность увеличивается на основе роста материальной плотности, «когда действительное расстояние между индивидами каким-то образом уменьшилось» [9, с. 263]. Это уменьшение расстояния происходит вследствие территориальной концентрации населения, образования и развития городов, появления быстрых путей сообщения и связи [9, с. 264–266].

В эволюционистской традиции особо следует выделить формационный подход, связанный с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Как известно, его системообразующими элементами являются понятия общественно-экономической формации, способа производства, производительных сил, производственных отношений, экономического базиса, политико-правовой и идеологической надстройки. Развитие и смена общественно-экономических формаций объясняются действием закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Развитие общества оценивается как идущее по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация считается прогрессивнее предыдущей. Ключевая роль в определении траектории общественного развития отводится объективным социальным законам, в рамках которых действуют большие социальные группы, прежде всего классы. Посредством их действий, в первую очередь классовой борьбы, на практике реализуются исторические закономерности. В качестве силы, побуждающей к социальному действию, рассматриваются интересы людей. Они берутся как производные от социального положения индивидов, прежде всего отношения к собственности и уровня жизни, и выражают их стремление

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Р.

к сохранению или изменению этого положения, а в итоге – всего социального строя.

Критика формационного подхода сосредоточена главным образом в трех тематических полях. Она касается, во-первых, чрезмерного акцента на доминировании в общественном развитии объективных законов в противовес роли человеческого фактора; во-вторых, преувеличенного значения экономической доминанты функционирования и развития общества; в-третьих, недостаточного отражения всего многообразия реальной социокультурной динамики исторического развития. Как известно, сам К. Маркс для корректировки пятичленной теории общественно-экономических формаций был вынужден ввести понятие азиатского способа производства.

Общие черты эволюционной традиции кратко можно описать следующим образом. Человеческая история имеет единую форму и направленность развития, которая отождествляется с прогрессом. Различия отдельных сообществ связаны с неодинаковой скоростью их развития. Эволюционные изменения являются строго линейными, носят предопределенный характер и развиваются от простых состояний к более сложным, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. В основе эволюции общества лежит универсальный и единообразный причинный механизм, выражающий потребность социума в самотрансформации и действующий независимо от сознания и воли людей.

Переоценка идей эволюционизма, включая концепцию общественно-экономических формаций, стала отправным пунктом дальнейшего развития теории социальных изменений. Оппоненты классического эволюционизма прежде всего поставили под сомнение существование единой формы и направленности исторического процесса. Концепции о строго линейном, однообразном характере социального развития было противопоставлено положение о многообразии мира, уникальности исторического пути различных сообществ людей. Распространение получила точка зрения, согласно которой причины социальных изменений нельзя

свести к действию какого-то одного, пусть и очень важного, фактора. Обычно эти изменения – итог взаимодействия группы факторов. Наконец, постепенно усиливалось убеждение в том, что многие социальные изменения являются результатом вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей. Ответом эволюционизму стала разработка альтернативных объяснений общественного развития. Однако прежде всего под вопрос была поставлена сама правомерность поиска каких-либо закономерностей этого процесса.

Так, К. Поппер исходил из того, что «вера в историческую необходимость (которую он называл «историцизмом». – А. Р.) является явным предрассудком и что невозможно предсказывать ход человеческой истории научными или какими-либо другими рациональными методами». В доказательство своей позиции философ приводил пять основных принципов опровержения историцизма: значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания; рациональные или научные способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания; таким образом, ход человеческой истории предсказать невозможно; это означает, что теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальная наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием; таким образом, свою главную задачу историцизм формулирует неправильно и поэтому он несостоятелен [10]. Историцизму К. Поппер противопоставил поэтапную социальную инженерию (*the piecemeal social engineering*), т. е. постепенное применение научных методов к проблемам социальных реформ.

Руководствуясь тезисом о том, что «законы изменения – абсолютные, универсальные или причинно-следственные – представляют собой практически пустую конструкцию» [11, с. 218], Р. Будон приходит к следующему выводу: «Единственное, что имеет место быть, – это историческое становление во всей его сложности» [11, с. 274].

Теория исторических циклов

Наиболее успешной альтернативой социального эволюционизма стала теория исторических циклов, или круговоротов, включая цивилизационную теоретико-методологическую традицию объяснения исторического развития.

Впервые идея исторического круговорота, или циклического развития, согласно которой каждая нация в своей истории проходит через три этапа: от зарождения через расцвет к упадку, была выдвинута в XVIII в. в труде Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций». Каждая нация проходит, по мнению автора, «через три Века:

Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением <...> и что все решительно им приказывается <...> оракулами; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических Републиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; и наконец, Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе» [12, с. 31].

Особо Дж. Вико выделяет социально-культурные признаки, которые присущи всем нациям и поэтому позволяют говорить о них как таковых.

По этому поводу он пишет: «Наблюдая все нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующих человеческих обычая: <...> имеют какую-нибудь религию <...> заключают торжественные браки <...> погребают своих покойников. <...> У всех наций именно с этих трех вещей должна была начаться культура. <...> Поэтому мы и приняли эти три вечных и всеобщих обычая за три основания нашей нации» [12, с. 37]. Что касается происхождения наций, то, будучи человеком религиозным и отдавая должное божественному провидению, Дж. Вико тем не менее заявляет, что мир наций был сделан, безусловно, людьми и поэтому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного человеческого сознания.

Оценивая дальнейшее развитие цивилизационной традиции, следует исходить из того, что она включает в себя целый ряд оригинальных объяснительных конструкций, часто существенно различающихся между собой. С известной долей условности их можно объединить в две группы, первой из которых является теория локальных цивилизаций.

Родоначальником теории локальных цивилизаций можно считать русского социолога и культуролога Н. Я. Данилевского, который исходил из того, что история человечества не имеет единой линии развития. По его утверждению, «деление истории на Древнюю, Среднюю и Новую, хотя бы и с прибавлением Древнейшей и Новейшей, или вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания ее» [13, с. 106]. «Естественная система истории, – продолжает он, – должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений» [13, с. 109].

К культурно-историческим типам (самобытным цивилизациям), располагая их в хронологическом порядке, Н. Я. Данилевский относил следующие:

- египетский;
- китайский;
- ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический;
- индийский;
- иранский;
- еврейский;
- греческий;
- римский;
- новосемитический, или арабийский;
- германо-романский, или европейский.

«Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, – писал автор, – были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной

природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены» [13, с. 110]. Особое место философ отводил славянскому культурно-историческому типу, с которым связывал перспективы социального прогресса.

Характеризуя культурно-исторические типы, Н. Я. Данилевский говорил о них как о самостоятельных, своеобразных планах религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного – одним словом, исторического развития. Каждый культурно-исторический тип проходит, по его мнению, стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление и смерть. Социолог соотносит их с четырьмя периодами в развитии каждого культурно-исторического типа: этнографическим, государственным, цивилизационным и периодом конца культуры. Во время первого из них создается запас сил для будущей активной деятельности народа, складывается национальный характер. Второй период приходится на строительство сильного государства как условие независимого самобытного развития. Третий – самый короткий – период заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый этап означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Другим представителем теории локальных цивилизаций является О. Шпенглер, который линейной (линейной) картине всемирной истории противопоставил настоящий спектакль множества мощных культур, «чеканящих каждая на своем материале – человечестве – собственную форму и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, воления, чувствования, собственную смерть» [14, с. 151]. Философ выделил восемь «высших культур»:

- египетскую;
- вавилонскую;
- индийскую;
- китайскую;
- классическую (греко-римскую);
- арабскую;
- мексиканскую;
- западную (возникла примерно в 1000 г. н. э.).

Основу культуры, по его мнению, составляет «идея души». Историю культур нельзя объяснить каузально, т. е. с точки зрения причинности. У каждой души культуры есть своя «идея судьбы». «Культура рождается в тот миг, – пишет О. Шпенглер, – когда из прадушевного состояния вечно младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа. <...> Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, верований, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась

в прадушевную стихию» [14, с. 264]. Говоря об отдельных культурах, автор отмечает, что, например, душе античной культуры присущ «покой в сиюминутности, замыкающейся перед всем далеким и грядущим»; фаустовской свойственна «энергия направления, взор которой устремлен лишь в отдаленнейшие горизонты»; для китайской характерно «самоуглубленное скитание, приводящее-таки однажды к цели»; египетская отличается «полной решимости поступью по однажды выбранному пути» [14, с. 336].

Культуры представляют собой организмы. Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У нее есть свое детство, юность, возмужалость и старость. «Я отличаю, – писал Шпенглер, – идею культуры, совокупность ее внутренних возможностей от ее чувственного проявления в картине истории как достигнутого уже осуществления. <...> История культуры есть поступательное осуществление ее возможностей. Завершение равносильно концу» [14, с. 262]. Завершение и исход культуры философ называет цивилизацией – это «неизбежная судьба культуры» [14, с. 163]. Ее отличительным признаком становится замена местной перспективы космополитизмом; кровных уз – городскими связями; естественной религиозной чувственности – научным и абстрактным подходом; народных ценностей – массовыми; истинных ценностей – деньгами; материнства – сексом; консенсуса – политикой грубой силы. В итоге всемирная история превращается в общую биографию культур. «В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории» [14, с. 262].

Наиболее совершенный вариант теории локальных цивилизаций представлен идеями А. Дж. Тойнби, который считал цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими и историческими рамками. В 20-томном труде «Постижение истории» он выделил 21 цивилизацию. Его список во многом совпадает со списками Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, хотя и является более широким.

Британский философ называет следующие цивилизации:

- египетскую;
- андскую (инки);
- древнекитайскую;
- минойскую;
- шумерскую;
- майяскую (уровень каменного века, в VII в. распадается на юкатанскую и мексиканскую цивилизации);
- сирийскую;

- индскую;
- хеттскую;
- эллинскую (греко-римская культура);
- западную;
- дальневосточную (в Корее и Японии);
- православную христианскую (в Византии и на Балканах);
- православную христианскую (в России);
- дальневосточную основную (в Китае);
- иранскую;
- арабскую;
- индуистскую;
- мексиканскую (тольтеки и ацтеки);
- юкатанскую (поздняя цивилизация майя);
- вавилонскую.

Кроме того, А. Дж. Тойнби выделяет «неродившиеся» цивилизации (дальнезападную христианскую, дальневосточную христианскую, скандинавскую, сирийскую эпохи гиксосов – середины II тыс. до н. э.), а также особый класс «задержанных цивилизаций», которые родились, но были остановлены в своем развитии (эскимосы, кочевники Великой степи, османы, спартанцы, полинезийцы).

Успешно развивающиеся цивилизации проходят, по мнению британского философа, стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Механизм развития цивилизаций А. Дж. Тойнби основывал на действии закона вызова-и-ответа. «Общество, – писал он, – в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов» [15, с. 108]. «Вызов, – продолжает философ, – побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [15, с. 119–120].

Вызовы данному обществу А. Дж. Тойнби связывал с действием внешних по отношению к нему факторов – природной среды (климатические и географические условия) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Выработка адекватного ответа на вызовы – дело всей человеческой общности, но самая ответственная роль выпадает на долю творческих личностей и групп. «Творческие личности, – отмечал А. Дж. Тойнби, – при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь» [15, с. 260]. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису (подражанию). Вариативный характер возможных ответов на разного рода внешние и внутренние вызовы – одна из базовых причин социокультурного своеобразия различных регионов, формирования локальных культур и цивилизаций.

Вторая разновидность цивилизационной исследовательской традиции рассматривает цивилизацию как единый процесс развития человеческого сообщества, в основе которого преимущественно лежит изменение комплекса социально-культурных факторов. Такой подход характерен прежде всего для циклической теории динамики культурных суперсистем П. А. Сорокина.

Русский социолог выделяет три типа культурных суперсистем, которые, циклически сменяя друг друга, в разные периоды доминируют в общечеловеческой истории. Двумя противоположными типами культурных суперсистем являются идеациональная и чувственная, промежуточной между ними становится идеалистическая. Своеобразие культурных суперсистем основывается на различии представлений о природе реальности.

Идеациональная суперсистема имеет сверхчувственную природу, божественное начало. «Унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности, – писал он, – может быть названа идеациональной» [16, с. 430]. Высшей идеациональной истиной является «истина веры», которая «непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях» [16, с. 463]. Такая истина постигается с помощью мистического опыта, божественной интуиции и вдохновения. Черты идеациональной культуры отчетливо проявляются в Брахманской Индии, Древнем Китае (VIII–VI вв. до н. э.), Древней Греции (IX–VI вв. до н. э.) и в западноевропейском Средневековье V–XII вв.

Чувственная (сенситивная) суперсистема культуры основывается на том, что объективная действительность реальна и может адекватно восприниматься нашими органами чувств. «Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспри-

нимаем через наши органы чувств, реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это – эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь» [16, с. 430]. Так определял суть этой социокультурной суперсистемы П. А. Сорокин.

Данная культурная суперсистема существовала во времена палеолита, в Древней Ассирии, античной Греции и Риме. Начиная с XV в. этот тип культуры стал доминирующим в Западной Европе. «В период своего восхождения и расцвета, – отмечал П. А. Сорокин, – она создала наиболее великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры. В течение этих веков она вписала наиболее яркие страницы человеческой истории. Однако ни одна из конечных форм, ни чувственная, ни идеациональная, не вечна. Рано или поздно ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей нынче в период своего заката» [16, с. 435].

Промежуточной между сверхчувственной и сверхрациональной суперсистемами является идеалистическая культура. Она, по мнению П. А. Сорокина, «частично сверхчувственна и частично чувственна; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа идеалистической» [16, с. 431]. Ее расцвет приходится на золотой век античной культуры (V–IV вв. до н. э.) и раннее европейское Возрождение (XII–XIV вв.).

Современные объяснения социального развития

Обобщая современные подходы к объяснению тенденций и механизмов развития общества, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории. Этот парадигматический сдвиг состоит в переходе от образа эволюции, или социального развития, к социальному становлению (*social becoming*), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [17, с. 69].

Перенос акцента на активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и тем самым влияющих на ее протекание и развитие, прежде всего связан с представителями теории социальных агентов (А. Турен, Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.).

Так, А. Турен, говоря в своей одноименной книге о «возвращении человека действующего», исходит из того, что классическая социология «оставляет очень мало места для идеи социального действия». «Общественная жизнь, – развивает он свою мысль, – вовсе не управляется естественными или историческими законами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурным ориентациям» [18, с. 22]. Культура, являющаяся «смыслом, совокупностью средств и моделей», образует зону центрального общественного конфликта, который «разделяет сообщество на тех, кто является агентом и хозяином этих культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие и стремится освободить их от влияния общественной власти» [18, с. 14–15].

Идею социального действия А. Турен связывает с образом общественного движения как коллективного действующего лица, включенного в борьбу за общественное управление главными культурными ресурсами. «Общественное движение, – пишет автор, – это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства» [18, с. 58]. «Общественное движение, коллективное поведение, включенные в конфликт в целях управления историчностью, – развивает философ свою мысль, – существуют лишь в том случае, если действующее лицо обладает способностью подняться выше простых требований и даже политических переговоров, чтобы осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно быть способно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей. Социальная жизнь может быть прежде всего охарактеризована как деятельность самопроизводства и самотрансформации, которые она осуществляет посредством своих инвестиций, если дать этому понятию более широкий, а не чисто экономический смысл» [18, с. 17].

С позиции креативной контингентности (творческой ситуативности) социальные изменения рассматривает Х. Йоас. Его концепция заключается в том, что люди принимают социально значимые решения и совершают социально ответственные действия в зависимости от условий конкретной ситуации, каждый раз осмысливая и оценивая их. «В результате упразднения метасоциальных гарантий при создании социального порядка, – пишет он, – мы приходим к пониманию креативности самого человеческого действия» [19, с. 288]. Исследуя креативность как «измерение всего человеческого действия», социальные последствия ее проявления Х. Йоас оценивает неоднозначно. Креативность как таковая, по его мнению, «не является чем-то хорошим (или плохим); существует много причин для похвалы в адрес рутины, а картины перманентной эстетической или политической креативности порой являются картинами ужаса и превышения человеческих возможностей. Является ли определенное креативное действие хорошим или плохим, может быть решено только в рамках дискурса» [19, с. 288].

Своеобразным современным вариантом цивилизационного подхода к объяснению истории стал мир-системный подход, который рассматривает развитие не отдельных обществ и цивилизаций, а их групп, точнее (в формулировке авторов) систем. Пожалуй, наиболее известным представителем мир-системного подхода является И. Валлерстайн.

Американский социолог исходит из того, что определяющей характеристикой социальной си-

стемы является «существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны. Ясно, что такой экономический обмен может существовать без общей политической структуры и даже, что еще более очевидно, без общей разделяемой всеми культуры» [20, с. 23].

Социальные (исторические) системы И. Валлерстайн подразделяет на два типа: мини-системы и миры-системы (миры-экономики и миры-империи). Мини-система, по его определению, это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах. Миросистема – это общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Из этого, продолжает автор, логически следует, что могут существовать две разновидности такой миросистемы – с общей политической системой и без нее. Их социолог описывает как мир-империю и мир-экономику соответственно [20, с. 24].

Миры-экономики исторически были нестабильными структурами, которые приходили либо к дезинтеграции, либо к завоеванию одной группой и тем самым трансформации в мир-империю. Примерами таких миров-империй, возникших из миров-экономики, являются, по его мнению, великие цивилизации в период до Нового времени: Китай, Египет и Рим. В свою очередь, так называемые империи XIX в. (Великобритания или Франция) были вовсе не мирами-империями, а являлись национальными государствами с колониальными придатками и действовали в рамках единой мироэкономики.

Миры-империи по своей экономической форме были перераспределительными. Они, по выражению И. Валлерстайна, «питали группы купцов, вовлеченных в экономический обмен (прежде всего в торговлю на большие расстояния), но такие группы, пусть и значительные, составляли лишь небольшую часть всей экономики и не играли определяющей роли в ее судьбе». Такая торговля на большие расстояния имела тенденцию быть не рыночной, а «администрируемой торговлей», использующей «вольные торговые города». «Лишь с возникновением современного мира-экономики в Европе XVI в. произошло полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мироэкономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии), – подводит автор итог, – являются двумя сторонами монеты» [20, с. 24–25].

Современный мир представляет собой мир-систему, которая состоит из ядра, полупериферии и периферии. Ядро в настоящее время сформировано наиболее высокоразвитыми странами Запада,

состав полупериферии текуч, поскольку одни страны переходят в состав ядра, другие – уходят в периферию. Периферия – это географический сектор, который отличается низкокачественной и менее оплачиваемой продукцией и является главным образом источником сырьевых и энергетических ресурсов. В силу неэквивалентного характера обмена периферия теряет в той мере, в какой ядро приобретает. Изменения, происходящие на периферии, вызваны не их собственной историей, а развитием мира-системы в целом.

Фактически параллельно Ш. Н. Эйзенштадт разработал теорию множественности форм модерна (*multiple modernities*), сформулировав тезис, согласно которому модерн первоначально появился на Западе, но далее распространился по всему миру сначала путем экономического империализма и колониализма, затем – в результате глобализации. Расширяющаяся модернизация в отдельных областях подвергается определенным модификациям, которые автор объясняет результатами взаимопроникновения и комбинирования универсальных трендов модернизации, традиций, разных ценностных систем, культурных предпосылок и исторического опыта. Дивергентные формы модерна, возникшие за пределами Запада на базе иных глубинных цивилизационных структур, Ш. Н. Эйзенштадт находит прежде всего в России, Китае и Индии [21, с. 13–20].

В молодых социумах, отмечает Ш. Н. Эйзенштадт, фиксируется изменение ключевых социально-экономических индексов, свидетельствующих о процессе модернизации. Среди них показатели урбанизации, грамотности, развития средств массовой информации, диверсификации занятости. В том же русле меняются и структурные индексы, говорящие об ослаблении традиционных общественных связей, углублении социальной дифференциации, становлении некоторых современных форм политической организации – таких, например, как партии и группы интересов. Вместе с тем, несмотря на перечисленные сдвиги, во многих развивающихся странах так и не сложились (особенно в политической области) устойчивые современные институциональные системы, способные справиться с постоянно меняющимся и расширяющимся спектром общественных проблем и запросов.

Ключевая проблема молодых наций, делает вывод Ш. Н. Эйзенштадт, всегда заключалась не в узком диапазоне модернизационных усилий, а в медленном становлении новых институтов и нехватке регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры и позволяли бы справляться с различными вызовами, возникающими в них. Используя терминологию Э. Дюркгейма, Ш. Н. Эйзенштадт приходит к заключению о том, что во всех этих случаях присутствовала неспособность

утвердить новые уровни солидарности, т. е. совершить переход от солидарности механической к солидарности органической или от слаборазвитой органической солидарности к более укорененным ее формам [22].

Другой современный представитель сравнительных исследований цивилизаций Й. Арнасон объясняет развитие общества на основе двух важных противоречивых измерений – случайности/детерминированности и культурного разнообразия/универсальности человеческой истории. История, по его мнению, не может быть полностью детерминирована, она складывается из множества случайностей, поэтому невозможно выделить один универсальный, общий для всех образец модерна. Случайность означает, что рациональной логикой невозможно объяснить, почему в той или иной стране сложились факторы, которые привели к формированию определенного типа модерна, хотя в каждом его варианте просматриваются некоторые инвариантные черты, характеризующие взаимодействие власти и общества, а также культуру [23, с. 187].

Говоря о «культуральном и плюралистическом повороте» в изучении модерна, Й. Арнасон исследует особенности его китайского, японского и других восточноазиатских типов, а также советского проекта модерна. В данном контексте философ обсуждает феномен коммунизма, чему посвящена его статья «Коммунизм и модерн» [24].

О том, что в будущем развитие различных регионов и стран станет многообразнее, чем сейчас, рассуждает и К. Калхун [25].

Культуральный поворот в социологической теории не ограничился изучением модерна. В начале XXI в. он привел к возникновению культуральной социологии (культурсоциологии), в значительной степени связанной с именем Дж. Александера, который позиционирует себя в качестве сторонника «сильной программы» в социологии культуры. Ее суть состоит в том, что культура рассматривается не как производная от каких-либо внешних детерминант («слабая программа»), а в качестве «независимой переменной», которая порождает смыслы человеческой деятельности и тем самым оказывает решающее воздействие на ход социальных процессов. Задача культуральной социологии состоит в раскрытии этих часто неосознаваемых смыслов деятельности. «Мы утверждаем, – пишет Дж. Александер, – что сильная программа пытается укоренить причинность в непосредственных акторах и способах действия (*agencies*) и детально устанавливает, как именно культура влияет на то, что реально происходит» [26, с. 64].

Таким образом, в развитии социальной мысли рубеж XX–XXI вв. характеризуется активным поиском новых исследовательских парадигм

объяснения механизмов и тенденций развития общества. Становится все очевиднее, что доминирующими в настоящее время являются два подхода. Во-первых, акцент на особой социально-преобразующей роли человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающей деятельности.

Во-вторых, подчеркивание множественности, своеобразия путей развития различных человеческих сообществ. В определенной степени новые исследовательские конструкции возникли как развитие прежних объяснительных парадигм, отчасти же – в противовес им.

Библиографические ссылки

1. Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
2. Конт О. Дух позитивной философии [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/kont_ogyust/duh_pozitivnoy_filosofii.html (дата обращения: 15.01.2017).
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
4. Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
6. Spencer H. First principles. New York, 1896.
7. Spencer H. The principles of ethics. New York, 1904. Vol. I.
8. Tönnies F. Soziologische Studien und Kritiken. Jena, 1923.
9. Дюркгейм Э. Об общественном разделении труда. М., 1996.
10. Поппер К. Нищета историзма [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/popper_karl/nishcheta_istoritsizma.html (дата обращения: 12.01.2017).
11. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998.
12. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций // Философия истории : антология / сост. Ю. А. Кимелев. М., 1995. С. 31–37.
13. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2008.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М., 1993. Т. 1 : Гештальт и действительность.
15. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
17. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории / пер. Н. В. Романовского // Соц. исслед. 2005. № 10. С. 64–72.
18. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
19. Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005.
20. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
21. Шубрт И. Историческая социология Ш. Эйзенштадта – завершённый труд, открытый для вдохновения // Соц. исслед. 2014. № 6. С. 13–20.
22. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкоснов. запас. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 10.01.2017).
23. Титаренко Л. Г. Концепция множественности форм модернов в исторической социологии Й. П. Арнасона // Соц. исслед. 2016. № 1. С. 186–190.
24. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Соц. журн. 2011. № 1. С. 10–36.
25. Рьлько Е. Каким будет капитализм XXI века? : лекция директора Лондонской школы экономики К. Калхуна в Международном институте экономики и финансов Высшей школы экономики (г. Москва) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Direktor_londonskoj_SHkoly_Ekonomiki_-_sociolog_Krejg_Kalhun_vystupil_s_lekciej (дата обращения: 12.01.2017).
26. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.

References

1. Condorcet J.-A. [Sketch for a historical picture of the progress of the human spirit]. Moscow, 1936 (in Russ.).
2. Comte O. [The spirit of positive philosophy]. URL: http://royallib.com/book/kont_ogyust/duh_pozitivnoy_filosofii.html (date of access: 15.01.2017) (in Russ.).
3. Aron R. [Stages of development of sociological thought]. Moscow, 1993 (in Russ.).
4. Comte O. [Overview of positivism]. Moscow, 2011 (in Russ.).
5. Sztompka P. [The sociology of social change]. Moscow, 1996 (in Russ.).
6. Spencer H. First principles. New York, 1896.
7. Spencer H. The principles of ethics. New York, 1904. Vol. I.
8. Tönnies F. Soziologische Studien und Kritiken. Jena, 1923 (in Ger.).
9. Durkheim E. [On the division of social labour]. Moscow, 1996 (in Russ.).
10. Popper K. [The poverty of historicism]. URL: http://royallib.com/book/popper_karl/nishcheta_istoritsizma.html (date of access: 12.01.2017) (in Russ.).
11. Boudon R. [Place of disorder. Criticism of social change theories]. Moscow, 1998 (in Russ.).
12. Vico G. [Principles of new science about the common nature of nations]. *Filosofiya istorii* : antol. Moscow, 1995. P. 31–37 (in Russ.).
13. Danilevskii N. Y. [Russia and Europe]. Moscow, 2008 (in Russ.).
14. Shpengler O. [The decline of the West. Perspectives of world history] : in 2 vol. Moscow, 1993. Vol. 1 : [Gestalt and reality] (in Russ.).

15. Toynbee A. G. [A study of history]. Moscow, 1991 (in Russ.).
16. Sorokin P. A. [Personality. Culture. Society]. Moscow, 1992 (in Russ.).
17. Sztompka P. [Shaping sociological imagination. The importance of theory]. Transl. by N. V. Romanovskii. *Soc. Stud.* 2005. No. 10. P. 64–72 (in Russ.).
18. Touraine A. [Return of the actor: social theory in postindustrial society]. Moscow, 1998 (in Russ.).
19. Joas H. Kreativnost' deistviya. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).
20. Wallerstein I. [World-systems analysis and the modern world]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
21. Shubrt I. [Historical sociology of Sh. Eisenstadt – an accomplished work, open for inspiration]. *Soc. Stud.* 2014. No. 6. P. 13–20 (in Russ.).
22. Eisenstadt Sh. [Disruptions of modernization]. *Neprikosnovenniy zapas.* 2010. No. 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (date of access: 10.01.2017) (in Russ.).
23. Titarenko L. G. [The concept of the multiplicity of forms modernities in historical sociology J. P. Arnason]. *Soc. Stud.* 2016. No. 1. P. 186–190 (in Russ.).
24. Arnason J. [Communism and modern]. *Soc. J.* 2011. No. 1. P. 10–36 (in Russ.).
25. Ryl'ko E. Kakim budet kapitalizm XXI veka? : lecture by the director of the School of Economics (London) C. Calhoun in ICEF Higher School of Economics (Moscow). URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Direktor_londonskoj_SHkoly_Ekonomiki_-_sociolog_Krejg_Kalhun_vystupil_s_lekciej (date of access: 12.01.2017) (in Russ.).
26. Alexander J. [The meanings of social life: a cultural sociology]. Moscow, 2013 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 03.02.2017.
Received by editorial board 03.02.2017.

УДК 327+303

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ НОВОЙ РОЛИ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ

В. Ф. ГИГИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Изложены предпосылки формирования новой геополитической роли России. Предпринята попытка выработать методологию анализа данного процесса как этапа перехода мирового устройства от однополярного мира к многополярному. Дается определение доктрине Путина как стратегии действий России в мире. Анализируются сильные и слабые ее стороны.

Ключевые слова: геополитика; Россия; мировое устройство; одно- и многополярный мир; доктрина Путина.

THE PROBLEM OF THE METHODOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE NEW ROLE OF RUSSIA: REASONS, PROSPECTS, RISKS

V. F. GIGIN^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the prerequisites for the formation of a new geopolitical role of Russia. The author makes an attempt to develop a methodology for the analysis of the process as a phase transition of the world order from a unipolar to a multipolar world. The definition of the Putin doctrine as the strategy of Russia's actions in the world. Also, the author analyzes the strengths and weaknesses of this strategy.

Key words: geopolitic; Russia; world order; unipolar and multipolar world; Putin doctrine.

Последние события в Украине и Сирии заставили общество говорить о новой геополитической роли России и ее вкладе в формирование будущего миропорядка на планете. По сути, мы имеем дело с одним из этапов перехода системы международных отношений от однополярного устройства, сложившегося после окончания холодной войны, к многополярному. Подобная динамика требует серьезного анализа с учетом всех возможных вызовов и рисков, а также исследования причин, приведших к такому положению вещей. В настоящей работе излагаются некоторые методологические подходы к изучению эволюции роли России в мире и возникающие при этом перспективы и сложности.

К началу президентства В. В. Путина многие, в том числе и в России, вычеркивали эту страну

из числа великих держав. В 1998 г. известный политический аналитик, а ныне академик РАН А. Г. Арбатов писал: «Российская Федерация не будет играть в XXI веке какой-либо существенной роли. Россия должна вернуться в Европу неотъемлемой частью, которой она была тысячу лет назад». [1, с. 609]. Однако уже в 2001 г. Ю. Хабермас, в целом достаточно скептически настроенный по отношению к потенциалу России как великой державы, все же предсказывал, что она не станет мириться с планетарной гегемонией США [2, с. 11].

Не является большим секретом тот факт, что В. В. Путин, став лидером России, поначалу пытался выстраивать дружественные, партнерские отношения с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами. Об этом свидетельствовала решительная

Образец цитирования:

Гигин В. Ф. Проблема методологического осмысления новой роли России: причины, перспективы, риски // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 60–63.

For citation:

Gigin V. F. The problem of the methodological understanding of the new role of Russia: reasons, prospects, risks. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 60–63 (in Russ.).

Автор:

Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Author:

Vadim Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social science.
v.f.gigin@gmail.com

и безоговорочная поддержка США сразу после событий 11 сентября 2001 г. Недвусмысленную трактовку можно дать таким фактам, как вывод российского миротворческого контингента из Косово и отказ от размещения военных баз на Кубе и во Вьетнаме. Как отмечал близкий в то время к Кремлю политтехнолог Г. О. Павловский, «Путин то навязывал России Европе в роли эксклюзивной сырьевой базы, то предлагал Бушу военный союз с объединением энергосистем» [3, с. 33]. Иными словами, российский лидер поначалу был настроен достаточно лояльно по отношению к так называемому Большому Западу (США и ЕС). Не было сколько-нибудь существенных предпосылок, говоривших о том, что В. В. Путин намерен кардинально изменить тот внешнеполитический курс, которым шла его страна во время президентства Б. Н. Ельцина.

По сути, была предпринята попытка произвести эволюционную вестернизацию России, инкорпорировать ее в состав западного политического, экономического и, шире, цивилизационного сообщества [1, с. 609]. Однако Россия собиралась вступить в западный мир не как второстепенная держава. Даже роль просто равного партнера была для нее слишком мала. В Москве видели себя в качестве одного из лидеров западного мира. И только в такой форме этот проект имел шансы на успех.

Между тем на Западе, прежде всего в США, эту модель партнерства воспринимали весьма своеобразно. Там готовы были видеть Россию как часть своего мира при условии практически полного идеологического и политического консенсуса. Фактически это означало бы, что Российская Федерация должна принять послевоенную модель отношений между США и континентальной Европой, исключавшую вероятность внутренней конкуренции во взаимодействии между партнерами. Вот как подобную модель описал Л. Зидентоп в своей работе «Демократия в Европе». Возможность того, что объединенная Европа начнет видеть в США конкурента, представлялась автору подлинной угрозой. «Лучшим средством борьбы с этой опасностью, – пишет Л. Зидентоп, – угрожающей стабильности отношений между Европой и Соединенными Штатами, является приверженность политическому идеализму. Обе стороны должны иметь более ясное представление об их едином нравственном наследии, о фундаментальных этических принципах, лежащих в основе либеральной демократии. Ведь сегодня единственной имеющей право на существование формой западного империализма является империализм идеологический» [4, с. 234–235]. Очевидно, что при таком «постмодернистском империализме» России отводилась роль отнюдь не одной из метрополий, а всего лишь провинции, которая должна была потреблять навязанные извне концепты. Подобное распределение полномочий явно не устра-

ивало российское руководство, а тем более граждан этой страны, привыкших видеть свою Родину в качестве одного из мировых лидеров.

Российской политической элите и В. В. Путину пришлось пройти весьма существенную стадию эволюционного роста, прежде чем наметился тот активный курс на международной арене, который стал реальностью в настоящее время. Как представляется, главной причиной, подвигнувшей к подобной эволюции, была крайне недалёковидная политика самого Запада, прежде всего Соединенных Штатов. Запад не пошел навстречу России ни по одному ключевому вопросу, а лишь требовал от нее и в дальнейшем односторонних уступок. Более того, стала расти активность США на постсоветском пространстве, у самых российских границ – в Украине, Закавказье и Центральной Азии. Череда цветных революций, означавших приход к власти прозападных режимов, вызывала открытое раздражение и неприятие не только в Кремле, но и в российском обществе в целом.

В России напряженно трудились над выработкой концепции по восстановлению утраченных геополитических позиций. Известный российский политолог, президент фонда «Политика» В. А. Никонов в интервью украинскому еженедельнику «Киевский телеграф» еще в январе 2008 г. заявил о необходимости создания четкой внешнеполитической стратегии своей страны: «США заинтересованы в сотрудничестве с Россией. От нас они могут получить больше, чем от других своих союзников, прежде всего потому, что РФ остается государством с глобальными интересами. <...> Американцы могут идти нам навстречу в определенных вопросах, но для этого мы должны сформулировать свою позицию».

Следует сразу оговориться, что, затрагивая доктрину внешней политики современной России, мы подразумеваем не какой-то особый документ, а скорее систему взглядов, высказываний, конкретных действий, которые укладываются в довольно нестройную, но последовательную линию на международной арене. То есть речь идет об идеологии в самом прямом и изначальном смысле этого слова.

Впервые о доктрине Путина заговорили после его знаменитой мюнхенской речи – выступления на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. Очевидно, ключевой фразой в этой речи, которой, безусловно, суждено войти в историю мировой политики, является следующее высказывание: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [5]. Иными словами, В. В. Путин не восставал против несправедливого мироустройства, не требовал равноправия для всех государств, а предъявлял США свои претензии на равнозначную роль России в мире.

Переломным событием в современной системе международных отношений стала война в Южной Осетии в августе 2008 г. Впервые за последние по крайней мере 20 лет прямому союзнику США было нанесено военное поражение, от него отторгнута часть территории. При этом американцы не только не сумели предоставить своему союзнику эффективную военную помощь, но и не смогли каким-либо образом наказать «обидчика». Все попытки Вашингтона провести антироссийские резолюции в ООН и других международных организациях, ввести санкции в отношении России, организовать ее изоляцию провалились. В Белом доме царил явная растерянность. Руководители американской внешней политики демонстрировали неготовность реагировать на новый вызов их гегемонии, а европейские столицы тогда лишь пожарили Москву за чрезмерное применение силы.

За военной победой на Кавказе последовало и концептуальное оформление нового жесткого внешнеполитического курса Кремля. Так, 31 августа 2008 г. Д. А. Медведев сформулировал пять основополагающих принципов внешней политики Российской Федерации. Во-первых, Россия выступает за верховенство международного права; во-вторых, за многополярный мир; в-третьих, российское руководство против конфронтации и самоизоляции; в-четвертых, интересы российского государства, граждан и бизнеса являются приоритетом внешней политики. Но самое главное, новое и откровенное было высказано Д. А. Медведевым в пятом пункте его тезисов: «У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские, добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах и развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями» [6].

Несмотря на то что эти взгляды были изложены «младшим партнером» правящего российского тандема, их с большой долей вероятности поддерживает и В. В. Путин. Что же российское руководство понимает под «сферой привилегированных интересов»? Выводы об этом можно сделать на основе анализа внешнеполитических акций России последнего времени. Сфера особых российских интересов должна соответствовать нескольким требованиям.

Во-первых, страны, входящие в эту сферу, не должны присоединяться к каким-либо военно-политическим и экономическим союзам, в которых не состоит Российская Федерация. Отсюда и столь решительная позиция против расширения НАТО и ЕС. В России угрозу своей безопасности видят в том, что членство в НАТО и ЕС означает уход того или иного государства из сферы влияния России

и присоединение к лагерю внешнеполитических конкурентов. Кроме того, членство в НАТО серьезно сужает рынок продажи оружия для российского военно-промышленного комплекса.

Во-вторых, государства, рассматриваемые Москвой как часть сферы ее влияния, должны присоединиться к системе интеграционных союзов и сообществ, в которых Россия играет ключевую роль. Имеются в виду прежде всего ОДКБ как военно-политическая организация и ЕАЭС как организация экономическая.

В-третьих, для российского бизнеса и экономических интересов Российской Федерации на территории этих стран должны быть созданы привилегированные условия. Российские компании должны получить первоочередной доступ к собственности и природным ресурсам.

В-четвертых, на территории этих стран не должны быть размещены военные базы других государств. В связи с последним условием становится понятной конфликтная ситуация, сложившаяся вокруг размещения американской базы в киргизском аэропорту Манас и последовавшей за этим очередной цветной революции в 2010 г.

В-пятых, государства, входящие в «сферу привилегированных интересов», должны быть объединены некоей идейно-культурной общностью, цементирующей основой которой является русский язык.

Какие же государства Москва хотела бы видеть в сфере своего влияния? Вероятно, в нее включается практически все постсоветское пространство, а также некоторые прилегающие территории (Балканы, часть Ближнего Востока, Монголия). Крайне осторожно Россия обозначает свои интересы в более удаленных регионах мира, ограничиваясь пока лишь демонстрацией флага. Российская Федерация практически полностью ушла из тропической Африки, фрагментарным является ее присутствие в Латинской Америке.

Особый вопрос представляет влияние Москвы на отдельные государства ЕС. В перспективе в ЕС наряду с проамериканским может появиться и достаточно сильное пророссийское лобби. Россия исторически имела вес в Центральной и Западной Европе. В настоящее время осязаемая разделительная черта внутри самого ЕС по отношению к Российской Федерации пролегает по вопросу о продлении или ужесточении санкций, введенных в 2014 г. в связи с украинскими событиями. Последовательными критиками антироссийских санкций выступают (с разной долей настойчивости) Австрия, Венгрия, Греция, Италия, Словакия и Словения. Складывающаяся электоральная ситуация в странах ЕС дает основания утверждать, что этот список может расширяться.

И все же описанная выше доктрина носит скорее методологический характер, отвечает на вопрос:

какое место видит для себя Россия в мире? По-прежнему нет ответа на другой, не менее существенный, вопрос: какое место российское руководство отводит своим нынешним и потенциальным союзникам? Уже есть некая стратегия российской дипломатии на международной арене, но отсутствует ее завершенная идеологическая концепция, приемлемая для союзников. Каким образом Россия хочет обустроить пространство своих привилегированных интересов? Какую форму государственного устройства считает предпочтительной? Какие гарантии стабильности и безопасности дает своим союзникам? Без ясного ответа на эти вопросы говорить о серьезном укреплении позиций Российской Федерации на международной арене не приходится.

Определенную тревогу при оценке внешней политики России вызывает ее гипертрофированная персонификация. Существенные проблемы для ее эффективности создает и неумное желание отставать бизнес-интересы крупных корпораций, что приводит к постоянным конфликтам (порой перерастающим в торговые войны) с соседями.

Однако самой большой проблемой, причем не только внешней политики, является то, что в России пока не сформирована привлекательная модель политического и экономического развития. То есть официальная Москва предъявляет некие претензии на лидерство, но при этом не предлагает сколько-нибудь внятной и последовательной повестки дня, соответствующей ее амбициям на международной арене.

Все возможные идеи вращаются вокруг трех таких проектов, как:

1) неосоветский, основанный на ностальгии по СССР. Во многом на базе этой идеологии велось государственное строительство в Республике Беларусь

начиная с 1994 г. Данный проект не слишком популярен в правящих кругах России. Фактически его разделяют только Коммунистическая партия и близкие к ней группы, порой довольно маргинальные;

2) «Русский мир» – представление о существовании единой культурно-цивилизационной общности народов, основанной на использовании русского языка в качестве главного для целей коммуникации. Сегодня это наиболее популярная концепция, которая, однако, была изрядно «демонизирована» западной пропагандой после событий в Украине в 2014 г.;

3) теория евразийства, базирующаяся на утверждении общности большого количества народов, объединенных не столько этнической близостью, сколько ареалом проживания, что и предопределило схожесть их исторических судеб. Эта концепция уходит корнями к российским евразийцам первой трети XX в. и знаменитой теории Л. Н. Гумилева. Именно она легла в основу официальной идеологии Казахстана, провозглашенной президентом Н. А. Назарбаевым еще в 1994 г.

Все перечисленные концепты внутренне довольно дискретны и откровенно противоречат друг другу. Пока совершенно не ясно, удастся ли осуществить их конвергенцию.

В любом случае мир вступил в эпоху многоуровневых межгосударственных конфликтов. Как отмечал И. М. Валлерстайн, «на протяжении следующих пятидесяти лет мир обещает быть намного более жестоким, чем во времена холодной войны, из которых мы вышли» [7, с. 25]. Очевидно, что Россия будет играть в этом весьма существенную роль. Что касается ее успешности, то это будет зависеть от степени определенности целей и задач, которые ставят перед собой российское общество и руководство.

Библиографические ссылки

1. Медведев Р. А. Владимир Путин. М., 2008.
2. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
3. Павловский Г. О. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М., 2012.
4. Зидентоп Л. Демократия в Европе. М., 2004.
5. Путин В. Мюнхенская речь [Электронный ресурс]. URL: http://www.nakanune.ru/articles/vladimir_putin_rossija_strana_s (дата обращения: 02.05.2016).
6. Интервью Дмитрия Медведева российским телеканалам, 31 августа 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/1276> (дата обращения: 02.05.2016).
7. Валлерстайн И. М. Конец знакомого мира. М., 2003.

References

1. Medvedev R. A. [Vladimir Putin]. Moscow, 2008 (in Russ.).
2. Habermas J. [The divided West]. Moscow, 2008 (in Russ.).
3. Pawlowski G. O. [Brilliant power! Dictionary of Kremlin abstractions]. Moscow, 2012 (in Russ.).
4. Siedentop L. [Democracy in Europe]. Moscow, 2004 (in Russ.).
5. Putin V. [Munich speech]. URL: http://www.nakanune.ru/articles/vladimir_putin_rossijastrana_s (date of access: 02.05.2016) (in Russ.).
6. Interv'yu Dmitriya Medvedeva rossiiskim telekanalam, 31 Aug., 2008. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/1276> (date of access: 02.05.2016) (in Russ.).
7. Wallerstein I. M. [The end of the world as we know it]. Moscow, 2003 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.10.2016.
Received by editorial board 27.10.2016.

УДК 316.356.2

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. КУРИЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса в 2016 г. Анализируется отношение студентов Белорусского государственного университета к официальной регистрации брака и сожительству, изучается мнение студенческой молодежи о наиболее благоприятном возрасте вступления в брак и важных качествах спутника жизни. Особое внимание уделено представлениям молодежи о моделях семейных взаимоотношений – распределении обязанностей между супругами, совмещении семьи и карьеры, принятии важных для семьи решений. Рассматриваются репродуктивные установки юношей и девушек. Исследуется отношение студентов к родительству, включая знания об осознанном родительстве, наиболее интересные для респондентов вопросы, связанные с этой темой, предпочитаемые модели воспитания детей.

Ключевые слова: брак; семья; родительство; установки студенческой молодежи; анкетный опрос; Белорусский государственный университет.

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY STUDENTS' MARRIAGE AND FAMILY ATTITUDES

N. V. KURILOVICH^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the results of sociological research conducted by the method of questionnaire in 2016. The author examines the attitude of students of the Belarusian state university to the official registration of marriage and cohabitation; the opinion of the students' youth on the most favorable age for marriage, and important for them qualities of a life partner. Special attention is paid to the views of young people about models of family relationships (distribution of responsibilities between spouses, the combination of family and career, making important family decisions). The article is devoted to the reproductive attitudes of students. The author shows the students' attitude towards parenthood (presence of knowledge about conscious parenthood, the most interesting issues related to parenthood, preferred models of parenting).

Key words: marriage; family; parenthood; attitudes of the students' youth; method of questionnaire; Belarusian State University.

Социальная значимость брака, семьи и родительства настолько велика, что нет ничего удивительного в стремлении специалистов проанализировать эти феномены с позиций самых разных областей соци-

ально-гуманитарного знания. Экономисты и демографы, правоведы и историки, политологи и философы, а также представители других смежных научных дисциплин активно исследуют семейную

Образец цитирования:

Курилович Н. В. Брачно-семейные установки студентов Белорусского государственного университета // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 64–72.

For citation:

Kurilovich N. V. Belarusian State University students' marriage and family attitudes. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 64–72 (in Russ.).

Автор:

Наталья Вячеславовна Курилович – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natalia Kurilovich, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
nv_kurilovich@mail.ru

сферу. Признавая очевидную правомерность и естественную необходимость многостороннего изучения рассматриваемых нами социальных образований, подчеркнем несомненные актуальность и востребованность социологического анализа указанных институтов. При этом особого внимания, на наш взгляд, заслуживает выявление брачно-семейных установок студенческой молодежи.

Обратимся к результатам социологического исследования, которое было проведено под науч-

ным руководством автора в 2016 г. Цель настоящей работы заключалась в изучении отношения студенческой молодежи Белорусского государственного университета (БГУ) к семейной жизни и родительству. Методом сбора информации являлся анкетный опрос. Объем выборочной совокупности составил 420 студентов, из них 144 юноши и 276 девушек. При этом 98,1 % респондентов на момент исследования не состояли в браке и только 0,5 % ответивших воспитывают детей.

Отношение студенческой молодежи БГУ к официальной регистрации брака и фактическому сожительству мужчины и женщины

В большинстве случаев именно заключение брака между мужчиной и женщиной становится основой появления новой семьи.

Как видно из табл. 1, менее трети респондентов считают официальную регистрацию брака необходимой и почти половина опрошенных выступают

скорее за государственную регистрацию отношений, чем против нее. Следовательно, большинство опрошенных студентов и студенток (77,2%) высказались за государственную регистрацию брака, а негативное отношение к данной процедуре характерно только для 12,6 % респондентов.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к официальной (государственной) регистрации брака между мужчиной и женщиной?», %

Table 1

Distribution of answers to the question: «How do you feel about the official (state) registration of marriage between a man and a woman?», %

Вариант ответа	В целом по массиву
Считаю официальную регистрацию брака необходимой	28,9
Выступаю скорее за официальную регистрацию брака, чем против нее	48,3
Выступаю скорее против официальной регистрации отношений	4,1
Считаю официальную регистрацию брака совершенно бессмысленной процедурой	8,5
Затрудняюсь ответить	10,2

Вместе с тем опрос показал, что, выступая в основном за официальную регистрацию брака, юноши и девушки демонстрируют достаточно лояльное отношение к фактическому сожитель-

ству, т. е. к не зарегистрированным с точки зрения закона брачным отношениям между мужчиной и женщиной. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к фактическому сожительству (незарегистрированной форме отношений между мужчиной и женщиной)?», %

Table 2

Distribution of answers to the question: «How do you feel about the actual cohabitation (unregistered form of relationship between a man and a woman)?», %

Вариант ответа	В целом по массиву
Положительно	25,7
Скорее положительно	35,2
Скорее отрицательно	21,6
Отрицательно	3,9
Затрудняюсь ответить	13,6

Положительное и скорее положительное отношение к фактическому сожительству характерно для 60,9 % респондентов. Противоположную позицию разделили 25,5 % опрошенных студентов БГУ.

В последующих вопросах анкеты студенческой молодежи предлагалось выбрать не более двух вариантов ответов, позволяющих объяснить их положительное или отрицательное отношение к фактическому сожительству.

В результате исследования выяснилось, что почти две трети одобряющих фактическое соительство респондентов считают, что до брака мужчина и женщина должны пожить вместе, чтобы пройти проверку на совместимость (табл. 3). Такой вариант ответа чаще выбирали девушки, чем юноши (70,4 % девушек против 51,7 % юношей). С тем, что нет

разницы между официальным браком и сожительством, чаще соглашались юноши (45,5 % юношей против 38,2 % девушек). Каждый пятый опрошенный, в числе которых также больше юношей, считает, что в случае незарегистрированного брака нет искусственных препятствий к разрыву отношений. При этом каждый десятый респондент одобряет фактическое соительство, так как полагает, что личным отношениям не нужен посредник, тем более в лице государства. Этой позиции также чаще придерживаются юноши, нежели девушки (18,8 % юношей против 5,9 % девушек). Таким образом, чаще всего фактическое соительство одобряется лишь в качестве промежуточной стадии отношений, предполагающей их дальнейшую официальную регистрацию.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на предложение продолжить фразу:
«Вы одобряете фактическое соительство, так как считаете, что...», %**

Table 3

Distribution of answers to the question: «Do you approve the actual cohabitation, because you think that...», %

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Перед официальным вступлением в брак люди должны пожить вместе в целях проверки на совместимость	63,7	51,7	70,4
Нет никакой принципиальной разницы между официальной регистрацией брака и фактическим сожительством	41,4	45,5	38,2
Незарегистрированный брак предполагает абсолютную свободу партнеров, нет искусственных препятствий к разрыву отношений	20,7	25,7	17,1
Не стоит в личные отношения допускать посредника, тем более государство	11,2	18,8	5,9
Другое	0,9	5,0	2,6

Как показали полученные данные, среди одобряющих фактическое соительство респондентов свыше половины (58,9 %) согласны с тем, что «соительство предполагает некоторую несерьезность отношений». Более трети опрошенных с отрицательным отношением к сожительству (39,5 %) считают, что «люди, официально не зарегистрировавшие свои отношения, часто расходятся из-за пустяков». По мнению 22,5 % студентов, не одобряю-

щих фактическое соительство, «возникает много трудностей с разделом имущества при расставании». Почти одна пятая часть юношей и девушек (17,8 %) согласны с тем, что «не стоит нарушать хорошую традицию свадеб и официальной регистрации брака». Столько же респондентов полагают, что «совместное проживание до вступления в брак является негативным фактором для дальнейших отношений».

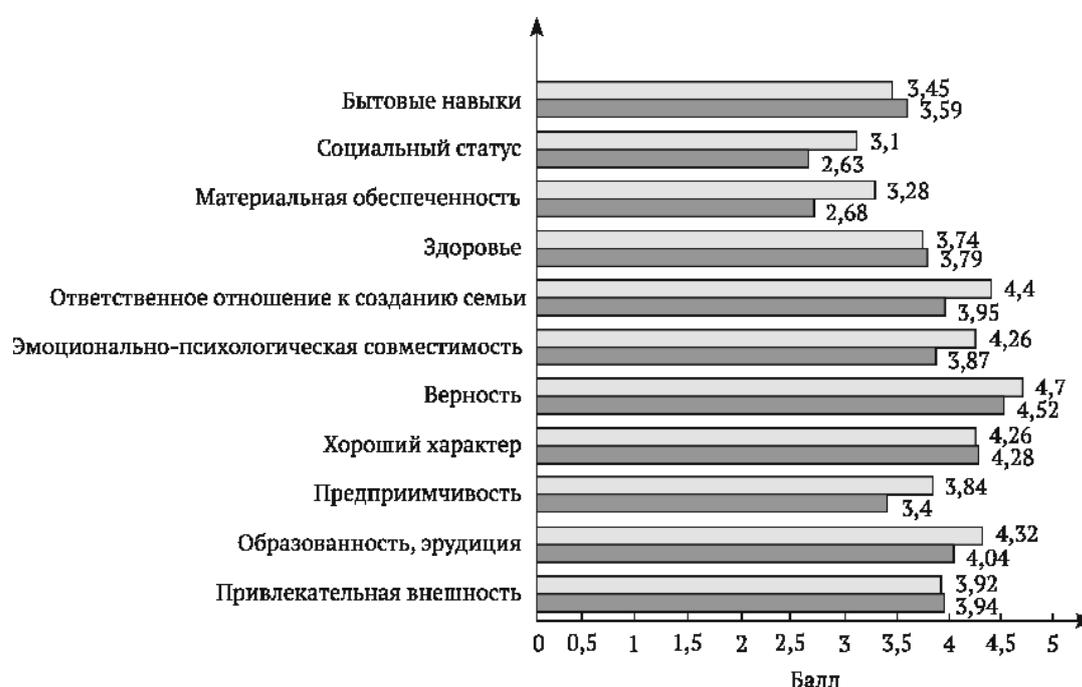
Мнение студенческой молодежи БГУ о наиболее благоприятном возрасте вступления в брак и качествах спутника жизни

Принципиально значимых различий во мнениях опрошенных юношей и девушек по поводу наиболее благоприятного возраста вступления в брак для мужчин и женщин выявлено не было. Так, представители мужского пола считают, что наиболее благоприятный возраст вступления женщин в первый брак в среднем составляет 23,6 года. Близкого мнения придерживаются и девушки, называя в качестве такового 24 года. С точки зрения опрошенных юношей, наиболее благо-

приятным моментом для вступления мужчины в первый брак является достижение им возраста 26,3 года. В свою очередь девушки считают таковым 26,5 года. Вместе с тем очевидны гендерные различия в распределении ответов на данные вопросы. Так, по мнению студенческой молодежи БГУ, для представительниц женского пола наиболее благоприятный возраст заключения брака наступает в среднем на два года раньше, чем для представителей мужского пола. В данном случае

срабатывают традиционные гендерные стереотипы, согласно которым шансы девушки выйти замуж напрямую определяются ее возрастом, т. е. чем она старше, тем меньше вероятность вступления в брак. Анализ полученных результатов показал, что, по мнению юношей, возраст, по достижении которого вероятность вступления женщины в брак уменьшается, составляет в среднем 41 год, а по мнению девушек, эта возрастная граница еще ниже – 38,5 года. Юноши полагают, что для мужчин этот возраст наступает в среднем в 47,8 года, девушки называют в качестве такового 45,6 года. Как видим, в отличие от юношей представительницы женского пола и в этом вопросе в большей степени подвержены влиянию традиционных гендерных стереотипов.

Респондентам предлагалось оценить важность определенных качеств/особенностей своих избранников или избранниц по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – «совсем не важно», а 5 – «очень важно». Как видно на рисунке, верность является наиболее важным качеством для опрошенных девушек и юношей. В тройку лидеров также вошли эмоционально-психологическая совместимость, хороший характер и образованность. Большое значение для представителей обоих полов имеет привлекательная внешность избранника или избранницы. А такие качества, как материальная обеспеченность, социальный статус, предприимчивость и ответственное отношение к созданию семьи, выше оценили девушки. Это позволяет сделать вывод о наличии некоторых гендерных различий в распределении ответов на данный вопрос.

Важность качеств (особенностей) избранника/избранницы, по мнению студентов БГУ:
□ – девушки; ■ – юноши
The importance of the life partner' qualities/characteristics, according to the students of BSU:
□ – women; ■ – men

В рамках исследования также изучались мнения респондентов о том, что должен делать спутник жизни для того, чтобы оставаться интересным и привлекательным для своего партнера длительное время (табл. 4).

Согласно полученным данным, свыше половины опрошенных студентов БГУ считают, что для поддержания интереса к себе их избранник или избранница должны участвовать в семейной жизни, интеллектуально развиваться и уметь уступать. Кроме того, более трети студентов отметили, что немаловажным является сохранение хорошей физической формы и здоровья (см. табл. 4).

При этом в ответах на данный вопрос были выявлены различия по признаку пола. Так, боль-

шинство девушек считают, что их партнер должен принимать участие в жизни семьи, в то время как менее половины юношей уверены в том, что их избранница должна делать это для того, чтобы оставаться интересной и привлекательной для них в долгосрочной перспективе. Более половины девушек отмечают, что их спутник жизни должен уметь уступать. Между тем только немногим более трети юношей полагают, что таким умением должна обладать их избранница. Девушкам также в большей степени важно, чтобы их молодой человек имел постоянную и перспективную работу (24,3 % девушек против 5,6 % юношей) и предоставлял им личное пространство (25,0 % девушек против 14,8 % юношей). Около половины юношей

убеждены в том, что гарантом сохранения интереса к их избраннице является умение поддерживать хорошую физическую форму, но только немногим более трети опрошенных девушек предъявляют та-

кое требование к своим возлюбленным. Различия между полами наблюдаются и в требовании бороться с возрастными изменениями (19,7 % юношей против 5,1 % девушек).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что должен делать Ваш избранник/избранница, чтобы оставаться интересным и привлекательным для Вас в долгосрочной перспективе?», %

Table 4

Distribution of answers to the question: «What should your life partner do to be interesting and attractive for you in the long term?», %

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Принимать участие в жизни семьи	61,2	43,0	70,6
Поддерживать и развивать свой интеллектуальный уровень	59,9	53,5	58,5
Уметь находить компромиссы и уступать	50,6	37,3	57,4
Поддерживать хорошую физическую форму	41,7	52,8	36,0
Следить за состоянием своего здоровья	41,0	46,5	38,2
Сохранять основные черты характера	40,7	47,2	37,1
Предоставлять партнеру личное пространство	21,4	14,8	25,0
Вести активную половую жизнь	20,0	25,4	17,3
Иметь постоянную и перспективную работу	17,8	5,6	24,3
Бороться с возрастными изменениями своего тела и внешности	10,1	19,7	5,1
Другое	1,9	3,5	1,1
Затрудняюсь ответить	1,4	2,1	1,1

Мнение студенческой молодежи БГУ о распределении обязанностей в семье и взаимоотношениях супругов

Рассмотрим, как в семье, с точки зрения студентов, должны распределяться обязанности и складываться взаимоотношения между супругами, а также каковы роли мужчины и женщины в принятии важных для семьи решений (табл. 5).

Большинство опрошенных студентов БГУ высказались за равное распределение обязанностей в семье, т. е. предпочтительной для них является современная эгалитарная модель семьи. Менее одной пятой респондентов считают, что

обязанности по ведению хозяйства и воспитанию детей должны лежать на женщине, а ответственность, касающаяся финансового обеспечения семьи, – на мужчине. Важно обратить внимание на различие позиций по данному вопросу у девушек и юношей. Так, девушки чаще, чем юноши, придерживаются мнения о том, что обязанности в семье должны быть распределены в равной степени между женщиной и мужчиной (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, должны складываться отношения в семье?», %

Table 5

Distribution of answers to the question: «How, in your opinion, should develop relations in the family?», %

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Равное распределение обязанностей в семье (по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства)	81,8	71,3	87,1
Закрепление за женщиной обязанностей по ведению хозяйства и воспитанию детей, а за мужчиной – финансового обеспечения семьи	18,2	28,7	12,9

Преобладающее большинство студентов БГУ высказались за то, что оба супруга должны иметь возможность строить карьеру (табл. 6). В то же время каждый десятый придерживается позиции, согласно которой построение карьеры – это приоритет номер один только для мужчины, а задача женщины – поддерживать его в этом. Отмечается

существенное расхождение во мнениях по данному вопросу среди юношей и девушек. Так, практически все девушки считают, что женщина должна иметь равные с мужчиной возможности при построении карьеры, в то время как 20,6 % юношей полагают, что эта сфера не является призванием женщины.

Таблица 6

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как, по Вашему мнению, должны складываться отношения в семье?», %**

Table 6

**Distribution of answers to the question:
«How, in your opinion, should develop relations in the family?», %**

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Оба супруга должны иметь возможность делать карьеру	89,4	79,4	94,4
Карьеру должен делать мужчина, а женщина должна его в этом поддерживать	10,6	20,6	5,6

Хотя большинство студентов БГУ и считают, что важные для семьи решения должны приниматься совместно мужчиной и женщиной, вместе с тем почти каждый десятый опрошенный полагает, что мужчине принадлежит в этом главная роль (табл. 7). За ведущую роль женщин в данном вопросе высту-

пают лишь 1,9 % респондентов. При этом в ответах заметны гендерные различия. Так, девушки чаще юношей высказывают мнение о том, что важные для семьи решения должны приниматься совместно мужчиной и женщиной (87,5 % девушек против 81 % юношей).

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кем, на Ваш взгляд, должны приниматься важные для семьи решения?», %**

Table 7

**Distribution of answers to the question:
«Who must take important decisions for the family?», %**

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Мужчиной	12,0	16,2	9,6
Женщиной	1,9	1,4	2,2
Совместно мужчиной и женщиной	85,1	81,0	87,5
Затрудняюсь ответить	1,0	1,4	0,7

Особый интерес представляет определение места семьи в классической для современных мужчин и женщин диаде «работа – семья». Индикатором, позволившим выявить его в установках студенче-

ской молодежи БГУ, стал вопрос о том, согласились ли бы респонденты отказаться от высокооплачиваемой работы ради семьи (табл. 8). Отметим, что более одной пятой студентов затруднились с ответом.

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Смогли бы Вы отказаться от высокооплачиваемой работы ради создания семьи или ее сохранения?», %

Table 8

**Distribution of answers to the question:
«Would you give up the high-paying jobs in order to create a family or saving it?», %**

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Да	14,7	14,2	14,7
Скорее да	35,8	26,2	40,8

Окончание табл. 8
Ending table 8

Вариант ответа	В целом по массиву	Юноши	Девушки
Скорее нет	16,2	19,9	14,3
Нет	10,6	17,7	7,0
Затрудняюсь ответить	22,7	22,0	23,2

Согласно данным, полученным в ходе анкетного опроса, половина опрошенных студентов БГУ смогли бы отказаться от высокооплачиваемой работы ради создания семьи или ее сохранения (50,5 %). Значительно чаще такие варианты ответов выби-

рали представительницы прекрасного пола (55,5 % девушек против 40,4 % юношей). Последних оказалось гораздо больше среди тех, кто однозначно ответил «нет» на данный вопрос (17,7 % юношей против 7,0 % девушек).

Отношение студенческой молодежи БГУ к родительству

Одной из важнейших традиционных задач семьи является репродуктивная функция, цель которой – деторождение. Появление в семье одного или нескольких детей, как правило, возлагает на супругов миссию родительства. В идеале родительство каждого человека должно быть осознанным. Однако не все знают и понимают, что представляет собой осознанное родительство. Согласно полученным нами данным, на вопрос: «Знаете ли Вы, что такое осознанное родительство?» ответы студентов БГУ разделились примерно поровну, но все же с небольшим перевесом в пользу тех, кто признался, что не знаком с этим понятием. Так, доля ответивших «нет» на этот вопрос составила 52,5 %, в то время как 47,5 % респондентов известно, что такое осознанное родительство. Девушки чаще юношей отвечали, что знакомы с понятием осознанного родительства (51,1 % девушек против 40,1 % юношей). Наиболее популярными трактовками термина «осознанное родительство» у студентов БГУ являются два его определения: «запланированное создание семьи и запланированная беременность» (33,9 %) и «ответственный подход к детям и созданию семьи» (29,9 %).

По результатам исследования можно выделить наиболее интересные для молодежи вопросы, связанные с родительством. Так, почти для половины студентов (45,7 %) интересным является вопрос о современных методах воспитания детей, более трети респондентов (37,6%) интересуются эмоциональными переживаниями супругов перед рождением ребенка, почти четверть опрошенных (24,8 %) проявили интерес к возрасту, в котором стоит планировать детей. В меньшей степени студенты хотят знать об ответственном родительстве (19,0 %), правах детей и родителей (17,1 %) и обязанностях матери (16,2 %). При этом 17,6 % всех опрошенных студентов БГУ отметили, что данные вопросы их вообще не интересуют.

Обратимся к ответам респондентов на вопрос о планируемом ими количестве детей. Согласно

полученным данным, каждый второй респондент (50,0 %) планирует двоих детей, 18,5 % опрошенных – троих, а 12,0 % студентов пока не думали об этом. Не хотят детей лишь 6,7 % опрошенных. Всего 9,6 % респондентов планируют только одного ребенка.

Цифры говорят о том, что в целом студенты БГУ не ориентированы на однодетную семью. При этом 64,4 % юношей и девушек хотели бы стать родителями в возрасте от 23 до 27 лет, а 23,6 % респондентов выбрали бы для этого возрастной интервал от 28 до 33 лет. Анализ распределения ответов на данный вопрос позволил выявить зависимость между полом респондента и возрастом, в котором он или она хотели бы стать родителями. Так, если среди юношей ответы на этот вопрос распределились практически равномерно (43,5 % выбрали возрастной интервал от 23 до 27 лет, 44,3 % – от 28 до 33 лет), то большинство девушек (75,1 %) хотели бы стать мамой в возрасте от 23 до 27 лет и только 13,0 % респонденток – в возрасте от 28 до 33 лет. Лишь 5,1 % опрошенных девушек и 2,3 % юношей хотели бы стать родителями в самом ближайшем времени (18–22 года). При этом немногим более половины опрошенных (55,2 %) считают оптимальным появление ребенка через 1–2 года после заключения брака, почти треть респондентов (30,0 %) уверены в том, что это должно произойти через 3–4 года. Очевидно, что студенты напрямую связывают заключение брака с рождением детей и не считают нужным откладывать эту тему на длительный срок.

Отвечая на вопрос о том, какой интервал респонденты считают оптимальным между рождением первого и второго ребенка, почти половина из них (48,9 %) выбрали вариант 3–4 года. Затем по убыванию были указаны следующие варианты ответов на рассматриваемый вопрос: 19,8 % опрошенных высказались в пользу интервала от 1 до 2 лет; 15,9 % респондентов предпочли интервал от 5 до 7 лет; 1,7 % юношей и девушек считают

оптимальным промежуток от 8 до 10 лет; 0,7 % опрошенных в качестве такового указали более 10 лет. Отметим, что 13,0 % студентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Любому родителю приходится выбирать ту или иную модель воспитания детей. Студентам БГУ было предложено указать, какая модель воспитания применялась по отношению к ним самим, а также какую модель воспитания они хотели бы применять в собственной семье (табл. 9).

Три четверти студентов БГУ утверждают, что, когда они были детьми, в их семьях применялась модель воспитания, основанная на сотрудничестве

родителей и ребенка. Менее одной пятой респондентов упомянули модель невмешательства в дела ребенка. Модель жесткой регламентации поведения ребенка выбрали только 6,5 % опрошенных, а модель вседозволенности применялась в семьях лишь 3,1 % респондентов. При этом в своей собственной семье большинство студентов хотели бы использовать демократическую по своей сути модель сотрудничества, а каждый десятый респондент выступил за модель невмешательства в дела ребенка. Лишь незначительная часть юношей и девушек избрали модели жесткой регламентации и вседозволенности (3,2 и 0,7 % респондентов соответственно).

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопросы о модели воспитания в семье, %

Table 9

Distribution of answers to the questions about model of parenting in family, %

Вариант ответа	Какая модель воспитания применялась в Вашей семье, когда Вы были ребенком?	Какую модель воспитания Вы хотели бы применять в своей семье?
Жесткая регламентация поведения ребенка, строгий контроль за ним, использование наказаний, угроз и т. д.	6,5	3,2
Невмешательство в дела ребенка, ребенок сам решает свои проблемы, минимальные требования к его поведению	14,5	10,0
Вседозволенность, родители удовлетворяют все желания ребенка, всячески ограждают его от трудностей, требующих волевого решения	3,1	0,7
Сотрудничество родителей и ребенка, четкие запреты совмещаются с личной свободой ребенка	75,9	86,2

Таким образом, обобщая результаты социологического изучения брачно-семейных установок студенческой молодежи БГУ, можно сделать следующие выводы:

1) большинство опрошенных поддерживают государственную регистрацию брака. При этом респонденты демонстрируют достаточно лояльное отношение к фактическому сожительству мужчин и женщин, поскольку чаще всего оно рассматривается как промежуточная стадия отношений, которые в дальнейшем будут официально зарегистрированы;

2) с точки зрения студенческой молодежи БГУ, наиболее благоприятный возраст для вступления в брак находится в интервале от 24 до 27 лет. При этом оптимальный возраст вступления в брак для женщин, по мнению респондентов, приходит на два года раньше, чем для мужчин. К числу самых важных качеств своих избранников или избранниц юноши и девушки относят (в порядке убывания значимости) верность, эмоционально-психологическую совместимость, хороший характер, образованность и привлекательную внешность. В долговременной перспективе для поддержания

интереса к себе избранник или избранница в первую очередь должны принимать участие в жизни семьи, поддерживать и развивать свой интеллектуальный уровень, а также уметь находить компромиссы. Выявленные по признаку пола различия в ответах на этот вопрос обусловлены традиционными гендерными стереотипами. Так, например, для девушек важно, чтобы их избранник принимал участие в жизни семьи и имел постоянную и перспективную работу, в то время как юноши больше заинтересованы в физической привлекательности своей избранницы;

3) в целом студенческая молодежь БГУ выступает за эгалитарную модель семейных отношений. Однако практически каждый пятый респондент все еще придерживается традиционного взгляда на семью, где мужчина строит карьеру, а за женщиной закреплены ведение хозяйства и воспитание детей (юношам это свойственно в большей степени, чем девушкам). Для студентов характерны прогрессивные взгляды на распределение семейных обязанностей между супругами. Большинство опрошенных поддерживают равное распределение

обязанностей в семье, а также считают, что важные решения должны приниматься совместно мужчиной и женщиной. Однако при этом юноши чаще девушек соглашаются со стереотипными высказываниями о роли женщины в ведении домашнего хозяйства. Половина опрошенных (чаще девушки, чем юноши) смогли бы отказаться от высокооплачиваемой работы ради создания семьи или ее сохранения;

4) немногим менее половины студентов БГУ знают и понимают, что такое осознанное родительство. Среди вопросов, связанных с родитель-

ством, их больше всего интересуют современные методы воспитания детей, эмоциональные переживания супругов перед рождением ребенка, а также оптимальный возраст планирования семьи и детей. При этом каждый второй респондент хотел бы воспитывать двоих детей. В своей собственной семье большинство опрошенных хотели бы применять модель воспитания, в рамках которой четкие запреты с родительской стороны совмещаются с личной свободой ребенка, что предполагает реальное сотрудничество родителей и ребенка.

*Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.*

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИИ ПОДРОСТКОВ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ НАСИЛИЕ СО СТОРОНЫ СВЕРСТНИКОВ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, В. Е. КУПЧЕНКО²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь
²⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
ул. 2-я Поселковая, 26, 644050, г. Омск, Россия

Анализируется феномен насилия в школе, приводятся его основные виды. Раскрывается понятие виктимизации, описываются личностные особенности детей, подвергающихся систематическому насилию со стороны сверстников. Целью эмпирического исследования является изучение переживания подростками насилия, применяемого по отношению к ним в школе со стороны сверстников. Выявлены особенности агрессии подростков, в разной степени испытывающих насилие со стороны сверстников в школе. Установлено, что такие подростки характеризуются более низкими показателями физической агрессии и более высокими показателями косвенной агрессии, подозрительности, враждебности по сравнению с подростками с низкой степенью виктимизации.

Ключевые слова: буллинг; виктимизация; переживание насилия в школе; агрессия жертвы.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-16-55013).

Образец цитирования:

Фурманов И. А., Купченко В. Е. Особенности агрессии подростков, переживающих насилие со стороны сверстников // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 73–79.

For citation:

Fourmanov I. A., Kupchenko V. E. Features of aggression adolescents with experiences of violence by peers. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 73–79 (in Russ.).

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Виктория Евгеньевна Купченко – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной психологии факультета психологии.

Authors:

Igor Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

fourmigor@gmail.com

Victoria Kupchenko, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social psychology, faculty of psychology.

kupchenko07@mail.ru

FEATURES OF AGGRESSION ADOLESCENTS WITH EXPERIENCES OF VIOLENCE BY PEERS

I. A. FOURMANOV^a, V. E. KUPCHENKO^b

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4,
220030, Minsk, Republic of Belarus

^bDostoevsky Omsk State University, 2nd Poselkovaya street, 26, 644050, Omsk, Russia

Corresponding author: fourmigor@gmail.com

The paper theoretically analyzes the phenomenon of violence in schools, its main types are described, disclosed the concept of «victimization», reveals personality traits of children exposed to systematic violence by their peers. An empirical study investigates adolescents experience violence at school by their peers, describes the features of adolescent aggression, to varying degrees, experiencing violence from their peers at school. It was found that adolescents who experience violence from their peers have lower rates of physical aggression, higher rates of indirect aggression, suspiciousness, hostility, compared with adolescents with a low degree of victimization.

Key words: bullying; victimization; experience violence at school; the aggression of victim.

Acknowledgements. The research work was done with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-16-55013).

Ежегодно во всем мире происходит колоссальное число случаев проявления агрессии человека. Данный феномен заключается в причинении вреда не только себе подобным, но и животным, природе и миру в целом. В последние десятилетия у зарубежных и отечественных ученых возник особый интерес к проблеме буллинга. Буллинг – это одна из форм насилия, представляющая собой психологическое или физическое воздействие на человека, оказываемое другим человеком или группой лиц путем запугивания, принуждения, унижения и издевательства. Целями могут служить социальное отвержение, подчинение себе и т. п. Термин «буллинг» в общем понимается как травля. В зарубежной психологии проблема буллинга исследуется достаточно давно, благодаря чему в данной области накоплен большой объем теоретических и практических знаний. В отечественной психологии этот вопрос изучен мало по причине того, что проблема насилия в семье, армии, учебных заведениях, среде сверстников очень долго замалчивалась, о ней не было принято говорить вслух. Теме буллинга посвящены исследования И. С. Кона, И. С. Бердышева, И. А. Фурманова, М. Г. Нечаева, Е. П. Ильина и других ученых.

В настоящем исследовании рассматривается феномен насилия в школе. Школьное насилие – это вид насилия, при котором имеет место применение силы детьми по отношению к другим детям или учителями по отношению к ученикам, а также (крайне редко) учениками по отношению к учителю. Школьное насилие, как и насилие в других сферах межличностных отношений, подразделяется на физическое и психологическое. Под первым подразумевают применение физической силы по отношению к ученику, соученику или учителю, в результате чего возможно нанесение физической

травмы. К такому виду насилия относятся избивание, удары, шлепки, подзатыльники, порча и отнятие вещей и т. д.

Психологическое насилие можно определить как действие, совершенное в отношении ученика или учителя и направленное на ухудшение эмоционального самочувствия и благополучия жертвы. К основным видам психологического насилия в школе относятся насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других детей, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой (с ребенком не хотят играть, заниматься, сидеть за одной партой, не приглашают его на дни рождения и т. д.).

Обычно физическое и психологическое насилие сопутствуют друг другу и в совокупности квалифицируются как издевательства, которые могут продолжаться довольно длительный период, вызывая у жертвы долговременные травмирующие переживания [1].

Как правило, издевательство расценивается в качестве одной из разновидностей агрессии. Чаще всего под ним понимают длительное физическое, вербальное или психологическое насилие в отношении человека, который не в состоянии защититься в фактической ситуации [2]. Поскольку издевательство – это поведение, которое травмирует кого-то, оно всегда предполагает причинение вреда тому, кто не способен защититься.

Издеательства в школах были выявлены во многих регионах мира: в Европе, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии, Японии. Удивительно, что сведения о распространенности издеательства почти не отличаются друг от друга. К общим обнаруженным тенденциям можно отнести следующие: по крайней мере 5 % учеников

подвергаются издевательствам в школе еженедельно или чаще; ученики средней школы страдают от издевательств реже, чем ученики начальных классов (5 % младших школьников испытывают такого рода насилие регулярно); мальчики становятся жертвами издевательств чаще девочек [2; 3]. Как было установлено, данные тенденции отличаются стабильностью довольно длительное время [4; 5]. Это означает, что миллионы школьников регулярно подвергаются насилию и агрессии со стороны сверстников.

Между тем отношения со сверстниками играют ключевую роль в жизни подростков – их влияние, мнения и оценки часто рассматриваются как очень значимый фактор подросткового развития. В школьной жизни таким фактором являются отношения с одноклассниками.

На сверстников обычно полагаются в случае тяжелых жизненных обстоятельств, надеясь на эмоциональную поддержку и дружбу. Однако отношения со сверстниками разного пола бывают окрашены негативными событиями, которые могут предполагать виктимизацию [6; 7]. Понятие виктимизации определяют как действия, предпринятые одним человеком или несколькими людьми с намерением воздействовать на другого человека, дискриминировать его, нанести ему физический ущерб или причинить психологическую боль [8; 9].

Большое внимание в настоящей работе уделено личностным особенностям детей, подвергающихся систематическому насилию со стороны сверстников. Проведенный нами теоретический анализ позволяет сделать предположение о том, что жертвой может стать любой ребенок. Обычно для этого выбирают того, кто слабее или как-то отличается от других. Так, по мнению зарубежных исследователей, наиболее часто жертвами школьного насилия становятся дети, обладающие следующими характеристиками:

- *физическими недостатками.* Насмешкам в первую очередь подвергаются дети, носящие очки, имеющие пониженный слух, нарушения осанки, координации или движений (например, при ДЦП), т. е. те, которые не могут адекватно ответить обидчику и защитить себя;

- *особенностями поведения.* Мишенью для физических и вербальных издевательств часто становятся необщительные, застенчивые и замкнутые дети или, наоборот, дети с импульсивным поведением. Жертвы издевательств обычно описываются как неагрессивные, пассивные, покорные, интровертированные [8; 10]. Нередко гиперактивные дети бывают чрезмерно назойливыми, при этом они наивнее и непосредственнее своих сверстников, слишком глубоко проникают в личное пространство других детей и взрослых, вмешиваясь в чужие разговоры, игры, навязывая собственное мнение,

проявляя нетерпение в ожидании своей очереди в игре и т. д. По этим причинам такие дети часто вызывают раздражение и гнев ровесников, становясь жертвами агрессии. Гиперактивные дети могут быть как жертвами, так и насильниками, а нередко и теми и другими одновременно;

- *нестандартной внешностью.* Все, что выделяет ребенка по внешнему виду среди других – рыжие волосы, веснушки, оттопыренные уши, кривые ноги, особенная форма головы, вес тела (полнота или худоба) и т. д., – может стать объектом для насмешек;

- *плохо развитыми социальными навыками.* Есть категория детей, которые не способны к защите от вербального и физического насилия вследствие недостаточного опыта общения и самовыражения. По сравнению со сверстниками, у которых социальные навыки развиты хорошо, они легче принимают роль жертвы. Взятый на себя роль жертвы смиряется с ситуацией как неизбежностью и часто внутренне даже находит оправдание действиям насильника;

- *страхом перед школой.* Чаще всего он возникает у тех детей, которые идут в школу с отрицательными социальными ожиданиями в отношении нее. Иногда этот страх индуцируется от родителей, которые сами испытывали трудности в школьном возрасте. Пусковым механизмом возникновения страха могут стать рассказы о злой учительнице или постоянная угроза наказания за плохие оценки. Ребенок, проявляющий неуверенность и страх перед школой, легче становится объектом для издевок со стороны одноклассников;

- *отсутствием опыта нахождения в коллективе.* Дети, не посещавшие до школы детский коллектив (так называемые домашние дети), могут не иметь необходимых навыков, позволяющих справляться с проблемами в общении. При этом часто своей эрудицией и умениями они превосходят детей, посещавших детский сад;

- *различными заболеваниями.* Существует масса расстройств, которые вызывают насмешки и издевательства со стороны сверстников: эпилепсия, тики и гиперкинезы, заикание, энурез, энкопрез (недержание кала), нарушения речи – дислалия (косноязычие), дислексия (нарушение обучению чтению), дисграфия (безграмотное письмо), дискалькулия (нарушение обучению счету) и т. д.;

- *низким интеллектом и трудностями в обучении.* Слабые способности детерминируют слабую обучаемость ребенка. Неудовлетворительная успеваемость ведет к низкой самооценке, которая может способствовать формированию в одном случае роли жертвы, а в другом – насильственного поведения как варианта компенсации [11]. Таким образом, ребенок с низким уровнем интеллекта и трудностями в обучении может стать как жертвой школьного насилия, так и насильником.

Основную научную проблему настоящей работы составляет изучение переживания подростками насилия в школьной среде, а именно выявление личностных особенностей таких детей. В качестве главного фактора, определяющего переживание насилия, мы выделили агрессию. Подростки, страдающие от насилия сверстников, чаще всего обладают низким уровнем физической агрессии, возможно, потому, что не умеют или не могут постоять за себя, дать отпор агрессору, зачастую они физически слабее своих обидчиков. В связи с этим у них может наблюдаться высокий уровень косвенной агрессии, которая выражается в словесной форме (ругательства, обзывание обидчика и пр.).

Таким образом, объектом настоящей работы являются особенности переживания подростками насилия со стороны сверстников, предметом исследования выступила агрессия таких подростков.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей агрессии подростков, переживающих насилие со стороны сверстников. В данной работе мы

тестировали гипотезу о том, что подростки, испытывающие насилие со стороны сверстников, обладают специфичной формой агрессии.

Основу выборки составили 57 подростков 15–16 лет – учеников 9-х классов одной из общеобразовательных школ России.

Для проведения эмпирического исследования были использованы следующие методики: опросник диагностики показателей и форм агрессии А. Басса – А. Дарки [12] и многофакторная шкала виктимизации сверстников Х. Майнорда, С. Джозефа в адаптации И. А. Фурманова [13].

Первой задачей настоящего исследования является изучение особенностей переживания подростками насилия со стороны сверстников. С помощью упомянутой многофакторной шкалы виктимизации сверстников, применив форму «А», мы выявили различные виды виктимизирующих действий со стороны одноклассников в отношении испытуемых. Данные по группе в целом представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели особенностей переживания подростками насилия со стороны сверстников

Table 1

Indicators of teenager's violence experience by peers

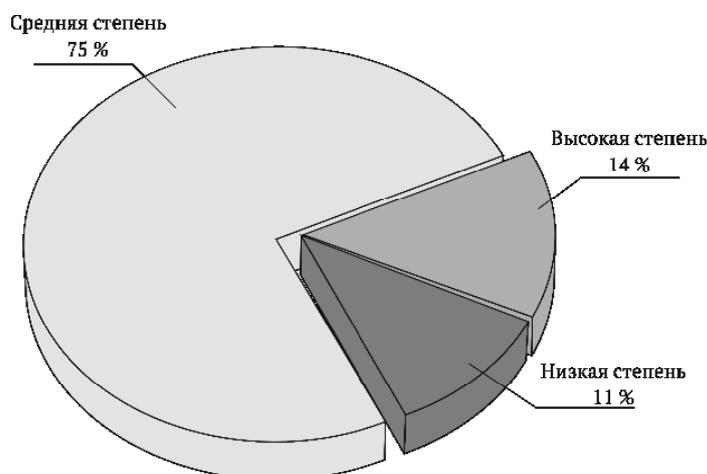
Показатель, балл				
Физическая виктимизация	Вербальная виктимизация	Социальное манипулирование	Нападения на собственность	Индекс общей виктимизации
4,6 ± 1,3	7,2 ± 2,9	5,8 ± 2,7	5,5 ± 1,4	23,1 ± 6,5

Наиболее выраженной формой виктимизации подростков со стороны сверстников является вербальная виктимизация, на втором месте – социальное манипулирование, на третьем – нападения на собственность. Наименее выражена физическая виктимизация (см. табл. 1).

Особенности виктимизации подростков со стороны сверстников заключаются в том, что она носит скорее вербальный характер с сопутствующим косвенным выражением агрессивных реакций, которые касаются социальной сферы и проявляются в виде насмешек, игнорирования, язвительных шуток и т. д. Вместе с тем физические формы насилия, как и нападения на собственность, применяются подростками в отношении сверстников реже всего. Авторы, изучающие становление личности в подростковом возрасте и подростковую агрессивность [1], говорят о том, что использование прямых форм насилия (физическое воздействие, порча имущества) уменьшается с возрастом. Это происходит благодаря процессу активной социализации, а также тому, что подросток учится выражать свои агрессию и недовольство социально приемлемыми способами, не влекущими за собой угрозы физи-

ческому состоянию другого человека и не предполагающими материального ущерба. Самооценка и статус в группе становятся в подростковом возрасте наиболее уязвимыми, поэтому выходят в качестве стимулов агрессии на первый план. По мнению И. А. Фурманова, это объясняется растущей адаптивностью жертв насилия и совершенствованием тактики приспособления. Полученные данные представлены на рисунке.

Согласно результатам исследования большинству подростков знакома проблема насилия со стороны сверстников, около 90 % испытуемых хотя бы раз сталкивались с нападками со стороны других подростков, из них для 14 % виктимизация со стороны сверстников является значимой проблемой, для решения которой им может потребоваться помощь в определении и выборе способов личностной защиты. Результаты исследования свидетельствуют о наличии проблемы повышенной агрессивности у подростков друг к другу, что требует психологических и педагогических мер профилактики, направленных на общее снижение агрессивных проявлений в процессе школьного обучения.

Соотношение подростков с различной степенью виктимизации со стороны сверстников
Teenager's ratio of violence experience by peers

Выводы, сделанные по результатам исследования, подтвердили выдвинутую гипотезу, согласно которой более половины подростков хотя бы раз подвергались насилию со стороны сверстников.

Второй задачей нашего исследования являлось изучение агрессии подростков, переживающих на-

силие со стороны сверстников. Показатели агрессии подростков с разной степенью переживания насилия со стороны сверстников, полученные с помощью опросника диагностики показателей и форм агрессии А. Басса – А. Дарки, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели агрессии подростков с разной степенью переживания насилия со стороны сверстников, стени

Table 2

Aggression indicators of teenagers with different degree of violence experience by peers, stens

Шкала агрессивности	Степень виктимизации подростков		
	низкая	средняя	высокая
Физическая агрессия	7,8 ± 2,2	5,0 ± 2,5	4,3 ± 2,5
Косвенная агрессия	5,3 ± 2,7	4,9 ± 2,0	7,0 ± 1,9
Раздражение	5,8 ± 1,9	5,3 ± 1,9	6,4 ± 2,4
Вербальная агрессия	8,8 ± 2,7	7,1 ± 2,7	8,6 ± 2,3
Обида	4,3 ± 1,9	4,0 ± 1,9	5,3 ± 1,8
Подозрительность	5,5 ± 2,2	5,0 ± 2,3	6,9 ± 2,4
Негативизм	3,7 ± 1,0	3,0 ± 1,5	2,9 ± 1,4
Чувство вины	7,2 ± 1,5	6,2 ± 2,2	7,1 ± 1,6
Агрессивность	22,7 ± 5,3	17,7 ± 5,1	20,0 ± 4,2
Враждебность	9,8 ± 4,0	8,9 ± 3,5	12,1 ± 3,6

Анализ данных позволил выявить, что у подростков с низкой степенью переживания насилия со стороны сверстников очень высокие показатели физической и вербальной агрессии, а также высокий уровень чувства вины. При этом косвенная агрессия, раздражение и подозрительность у данной группы подростков соответствуют повышенной степени выраженности, а показатели обиды

и негативизма – средней (см. табл. 2). На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что члены этой группы подростков являются агрессорами, применяющими различные виды насилия по отношению к своим одноклассникам. Они вспыльчивы, не умеют сдерживать эмоции и нередко готовы отстаивать свои интересы с помощью кулаков, брани и обидных шуток. При этом

такие дети не доверяют другим и способны вымещать свои негативные эмоции на более слабых людях и объектах, которые не являлись причиной агрессии. Яркое выраженное чувство вины говорит о внутреннем конфликте, расогласованности поведения и эмоций.

Ведущей формой проявления агрессии у подростков с высокой степенью переживания насилия со стороны сверстников является вербальная агрессия, которая соответствует очень высокому уровню. Это свидетельствует о том, что на нападки со стороны сверстников они чаще всего отвечают словесно, в то время как физическая агрессия находится у них на среднем уровне. Как правило, обидчики сильнее своих жертв, у последних также ярко выражена косвенная агрессия, когда напрямую выразить эмоции они боятся, однако после инцидентов стараются каким-то образом отреагировать. Такие дети не склонны доверять людям, нередко испытывают чувство вины, чуть реже – обиду (см. табл. 2). Возможно, внутренне они считают такое отношение к себе заслуженным и винят в происходящем самих себя.

Установлено, что уровень физической агрессии у подростков с высокой степенью виктимизации со стороны сверстников значительно слабее, чем у подростков с низкой ($t = 2,7; p \leq 0,05$) и средней ее степенью ($t = 2,4; p \leq 0,05$). Дети с высокой степенью виктимизации не склонны защищать себя с помощью кулаков, физически давать сдачу, что может служить для их обидчиков поводом для нападков. У таких подростков показатели агрессивности ($t = 2,2; p \leq 0,05$) значительно выше, чем у подростков со средней степенью виктимизации. Кроме того, показатели косвенной агрессии ($t = 2,8;$

$p \leq 0,05$), подозрительности ($t = 2,1; p \leq 0,05$) и враждебности ($t = 2,4; p \leq 0,05$) у них выше, чем у подростков с низкой степенью виктимизации. Такой результат может говорить о том, что, возможно, виктимизация ведет к отстраненности от других людей, недоверию к ним, подозрительному отношению к каждому новому человеку, воспринимаемому в качестве потенциального обидчика. Кроме того, негативные эмоции и агрессия (в качестве реакции на постоянные нападки со стороны сверстников), накапливаясь, могут находить выход в косвенных формах и проявляться в отношении как неодушевленных предметов, так и более слабых людей и животных.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1) у 11 % подростков выявлена низкая степень переживания насилия со стороны сверстников, у 75 % – средняя, у 14 % – высокая. Наиболее выраженной формой агрессии у подростков, переживающих насилие со стороны сверстников, является вербальная виктимизация, на втором месте – социальное манипулирование, на третьем – нападения на собственность. Наименее выражена физическая виктимизация;

2) уровень физической агрессии у подростков с высокой степенью переживания насилия со стороны сверстников значительно ниже, чем у детей с низкой и средней степенью. Кроме того, у таких детей показатели агрессивности выше, чем у подростков со средней степенью, а показатели косвенной агрессии, подозрительности и враждебности выше, чем у подростков с низкой степенью виктимизации.

Библиографические ссылки

1. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007.
2. Roland E. School influences on Bullying. Stavanger, 1999.
3. The Nature of School Bullying: a Cross-National Perspective / eds. P. K. Smith [et al.]. New York, 1999.
4. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings // Child Dev. 1977. № 48. P. 978–987.
5. Salmivalli C., Lappalainen M., Lagerspetz K. Stability and Change of Behavior in Connection with Bullying in Schools: a Two-year Follow-up // Aggress. Behav. 1998. № 24. P. 205–218.
6. Фурманов И. А. Виктимизация школьников со стороны одноклассников как индикатор социально-психологической дезадаптации // Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 95–105.
7. Фурманов И. А., Дементий Л. И., Купченко В. Е. Виктимизация школьников со стороны сверстников (на примере российской и белорусской выборок) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. : Психология. 2015. № 2. С. 30–38.
8. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: basic facts and effects of a school based intervention program // The Development and Treatment of Childhood aggression / eds. D. Pepler, K. Rubin. Hillsdale, 1991. P. 411–448.
9. Vernberg E. M., Jacobs A. K., Hershberger S. L. Peer victimization and attitudes about violence during early adolescence // J. Clin. Child Psychol. 1999. Vol. 28, issue 3. P. 386–395.
10. Olweus D. Stability of Aggressive Reaction Patterns in Males : a Review // Psychol. Bull. 1979. № 84. P. 852–875.
11. Asher S. R., Dodge K. A. Identifying children who are rejected by their peers // Dev. Psychol. 1986. Vol. 22, issue 4. P. 444–449.
12. Агрессия: понятие, подходы, диагностика / сост. Л. И. Дементий, В. Е. Купченко. Омск, 2001.
13. Фурманов И. А., Медведская Е. И., Пархомович В. Б. и др. Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / под науч. ред. И. А. Фурманова. Брест, 2014.

References

1. Fourmanov I. A. [Aggression and violence: diagnostics, prevention and correction]. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
2. Roland E. School influences on Bullying. Stavanger, 1999.
3. Smith P. K., Morita Y., Junger-Tas J., et al. (eds.) The Nature of School Bullying: a Cross-National Perspective. New York, 1999.
4. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings. *Child Dev.* 1977. No. 48. P. 978–987.
5. Salmivalli C., Lappalainen M., Lagerspetz K. Stability and Change of Behavior in Connection with Bullying in Schools: a Two-year Follow-up. *Aggres. Behav.* 1998. No. 24. P. 205–218.
6. Fourmanov I. A. [Pupils victimization by schoolmates as the indicator social-psychological desadjustment]. *Adaptatsiya lichnosti v sovrem. mire.* Saratov, 2011. Vol. 4. P. 95–105 (in Russ.).
7. Fourmanov I. A., Dementiy L. I., Kupchenko V. E. Pupils victimization by peers (for example Russian and Belarusian sample). *Herald Omsk Univ. Ser. Psychol.* 2015. No. 2. P. 30–38 (in Russ.).
8. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: basic facts and effects of a school based intervention program. In: *The Development and Treatment of Childhood aggression.* Hillsdale, 1991. P. 411–448.
9. Vernberg E. M., Jacobs A. K., Hershberger S. L. Peer victimization and attitudes about violence during early adolescence. *J. Clin. Child Psychol.* 1999. Vol. 28, issue 3. P. 386–395.
10. Olweus D. Stability of Aggressive Reaction Patterns in Males : a Review. *Psychol. Bull.* 1979. No. 84. P. 852–875.
11. Asher S. R., Dodge K. A. Identifying children who are rejected by their peers. *Dev. Psychol.* 1986. Vol. 22, issue 4. P. 444–449.
12. Dementiy L. T., Kupchenko V. E. (compilers). [Aggression: concept, approaches, diagnostics]. Omsk, 2001 (in Russ.).
13. Fourmanov I. A., Medvedskaya E. I., Parhomovich V. B., et al. [Psychological problems of aggression in social relations]. Brest, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.

УДК 316.644:316.347

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И МЕХАНИЗМЫ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. ФАБРИКАНТ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Дана характеристика соотношения структурного и агентского подходов к исследованию национальной идентичности на примере различных теорий, относящихся к каждому из них. Показано, что структурный и агентский подходы соотносятся с механизмами и ресурсами конструирования национальной идентичности в психологии иначе, чем в других социальных науках. Правомерность учета этих особенностей раскрывается на материале авторского эмпирического исследования национальной идентичности.

Ключевые слова: структурный подход; агентский подход; национальная идентичность; психологические ресурсы; психологические механизмы.

PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND MECHANISMS AS CHARACTERISTICS OF NATIONAL IDENTITY: THEORETICAL JUSTIFICATION AND EMPIRICAL RESEARCH

M. S. FABRYKANT^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article covers relations between structural and agency approaches to studies of national identity, drawing on the examples of various theories based on each of these approaches. It shows that structural and agency approaches are related to mechanisms and resources of national identity construction in psychology in a different way than in other social sciences. The plausibility of considering these peculiarities gets revealed by means of the author's own empirical research on national identity.

Key words: structural approach; agency approach; national identity; psychological resources; psychological mechanisms.

Исследования национальной идентичности, как и других социальных явлений, можно проводить в рамках одного из двух подходов – структурного или агентского. Их сочетание затруднительно и обычно сводится к попеременному, а не одновременно использованию, поэтому выбор в пользу одного из них – необходимое решение, которое

в достаточно осознанной и рефлексивной форме предшествует разработке любого плана эмпирического исследования национальной идентичности.

Противопоставление структурного и агентского подходов в социальных науках восходит к периоду становления социальной теории и связано с позициями двух классиков – Э. Дюркгейма и М. Вебера.

Образец цитирования:

Фабрикант М. С. Психологические ресурсы и механизмы как характеристики национальной идентичности: теоретическое обоснование и опыт эмпирического исследования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 80–84.

For citation:

Fabrykant M. S. Psychological resources and mechanisms as characteristics of national identity: theoretical justification and empirical research. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 80–84 (in Russ.).

Автор:

Маргарита Сауловна Фабрикант – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Marharyta Fabrykant, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social science. marharyta.fabrykant@gmail.com

В основе дюркгеймовской теории общества лежит понятие социального факта – компонента социальной реальности, который характеризует общество в целом и по отношению к отдельному человеку внутри общества является столь же объективно заданным и не подвластным отдельной индивидуальной воле, как и внешне наблюдаемые объекты материального мира и физические законы. В качестве социальных фактов выступают прежде всего те характеристики общества, которые разделяются большинством его членов и способствуют поддержанию его стабильности и единства – так называемого социального порядка [1]. К ним относятся культурные ценности, обычаи и традиции, но в первую очередь – социальные нормы. В совокупности социальные факты образуют ткань общества – упорядоченную социальную структуру, позволяющую людям как частям единого механизма, способного к саморегуляции и самовоспроизведению, координировать свои действия.

В исследованиях национальной идентичности структурный подход представлен в теориях, созданных с позиции умеренного социального конструктивизма, которая в последние десятилетия утвердилась как общепринятая и лишь недавно вновь стала подвергаться сомнению и пересмотру [2]. Так, Э. Геллнер подчеркивает нарративный характер национальной идентичности. По его словам, национальная самоидентификация – не результат спонтанного побуждения или рефлексии отдельного человека, а следование современной социальной норме мира национальных государств, согласно которой национальная идентичность должна быть у каждого. При этом, как отмечает Э. Геллнер, принципы национальной самоидентификации, степень свободы выбора, возможность смены национальной идентичности на протяжении жизни также нормативно регулируются, однако эти социальные нормы более специфические и различаются для отдельных обществ. В то же время сама национальная идентичность является общей социальной нормой любого современного общества, поскольку обеспечивает воспроизведение пределов и солидарностей общества, рамки которого определяются границами национального государства. Главным вопросом социально-конструктивистских теорий является первоначальный механизм, который создал и продолжает поддерживать социальную структуру, основанную на национальной идентичности [3]. Так, Б. Андерсон выводит причины национальной идентичности из явления, которое называет «печатным капитализмом», – необходимости постоянно координировать и унифицировать картину мира ради реализации возможностей современной экономической системы [4]. По сути, речь идет о поддержании общего,

социально разделяемого информационного поля. Об экономических механизмах конструирования нормы национальной идентичности также говорит Л. Гринфельд, однако исследовательница делает акцент не на координации, а на коллективной мобилизации усилий для достижения общей цели и соперничестве между группами носителей различных идентичностей. Национальная идентичность, по Гринфельд, способна как создать необходимую мотивацию для достижения и поддержания успеха, так и нормативно оправдать, легитимировать неудачу через вторичные компенсаторные механизмы поиска символического превосходства [5]. Другой специалист – М. Биллиг – усматривает глубинные истоки национальной идентичности в языковых нормах повседневного дискурса, которые зачастую неявно предполагают организацию мышления и видения мира в категориях национальности [6]. Общим в этих и многих других социально-конструктивистских теориях национальной идентичности является представление о национальной идентичности как результате действия неких механизмов, воспроизводящих социальную структуру вне и независимо от воли и желаний отдельной личности.

В отличие от структурного агентский подход восходит к другому классическому социальным наукам – М. Веберу – и опирается не на понятие социального факта, а на иную фундаментальную категорию социальной теории – социальное действие. В соответствии с агентским подходом социальная реальность не задана людям извне, а постоянно воссоздается и видоизменяется вследствие активности социальных агентов. Социальное действие, согласно классическому веберовскому определению, это действие, которое направлено на другого человека и ориентировано на его ожидаемую реакцию. То есть в структурном подходе источник общественного развития находится на макроуровне, а в агентском – на микроуровне.

Применительно к национальной идентичности агентский подход подчеркивает не общее, а различное в идентичностях людей в пределах одного и того же общества, не воспроизводство социальных норм, а их конструирование и трансформацию, не происхождение национальной идентичности как общей идеи, а особенности функционирования индивидуальных национальных идентичностей, преимущественно в ситуациях межличностного взаимодействия. В исследованиях национальной идентичности агентскому подходу, в отличие от структурного, соответствуют не умеренные теории, а две крайние позиции: примордиализм и радикальный социальный конструктивизм [7]. Примордиалистские теории рассматривают национальную идентичность не как контингентную социальную норму,

а как универсальное, свойственное человеческой природе внутреннее побуждение и ориентируются на изучение того, как различные люди, следуя этому побуждению, воплощают так называемую национальную идею и каковы последствия этого процесса на индивидуальном уровне [8]. Радикальные социальные конструктивисты, подобно умеренным, рассматривают национальную идентичность как нормативное требование общества, однако обращают внимание не на пассивное воспроизведение этой нормы, а на активное самопозиционирование – переосмысление, адаптацию к индивидуальному опыту и мировоззрению, использование в прагматических целях или даже сопротивление социальному давлению [9]. Таким образом, в агентских подходах к национальной идентичности социальная среда воспринимается не как универсальные механизмы национальной идентификации, а как ресурсы без жестко детерминированного воплощения, которые могут по-разному использоваться различными людьми.

Краткий обзор существующих теорий в категориях структурного и агентского подходов позволяет обнаружить, что даже макро- и историко-социологические теории насыщены психологическими понятиями. Как упоминалось выше, в различных теориях национальной идентичности речь идет о мотивации и стимулировании, достижении успеха и избегании неудачи, компенсаторных механизмах психологической защиты, комплексах неполноценности и превосходства, намерениях, межличностных отношениях, антиципации – и это далеко не полный список (достаточно вспомнить ведущую роль психического процесса воображения, которая приписывается национальной идентичности в самой популярной теории национализма – теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [4]). Вместе с тем по сравнению с социологией, историей и политологией социальная теория представлена в междисциплинарной области исследований национальной идентичности достаточно слабо.

На наш взгляд, причина данного противоречия заключается в том, что ресурсы и механизмы конструирования национальной идентичности в психологии и других социальных науках понимаются принципиально по-разному. В других социальных науках механизмы являются внешними по отношению к отдельной личности и функционируют на макроуровне социальной реальности в целом, а ресурсы, напротив, исходят от конкретных личностей с их внутренними побуждениями, индивидуальными особенностями и уникальными жизненными ситуациями. В психологии же механизмы функционирования национальной идентичности вытекают из общих закономерностей функционирования психики и, следовательно, яв-

ляются внутренними, а ресурсы – впечатления, знания, индивидуальный опыт взаимодействия с другими – внешними.

Для того чтобы использовать накопленный объяснительный потенциал теорий национальной идентичности в ее социально-психологическом исследовании, необходимо прежде всего мыслить об его предмете в категориях психологических механизмов и ресурсов. В этом ключе структурный подход показывает, как макросоциальные механизмы преобразуются в ресурсы для конструирования национальной идентичности на индивидуальном уровне, а агентский подход демонстрирует, как психологические механизмы функционирования национальной идентичности агрегируются на макроуровне.

Примером реализации обозначенного подхода к социально-психологическому изучению национальной идентичности является проведенное нами эмпирическое исследование национальной идентичности граждан Республики Беларусь [10; 11]. В нем было выявлено, какие именно психологические ресурсы и механизмы конструирования идентичности проявляются в индивидуальных историях национальной самоидентификации белорусов.

В исследовании приняли участие 500 респондентов, из них:

- 200 человек – учащиеся 6–11-х классов средних школ (по 100 учеников гимназий и обычных средних школ, примерно поровну учеников 6–8-х и 9–11-х классов), представляющие первую стадию формирования идентичности;

- 200 человек – студенты различных белорусских вузов (по 100 студентов гуманитарных и негуманитарных специальностей, примерно поровну студентов младших и старших курсов), представляющие вторую стадию;

- 100 человек – граждане в возрасте старше 25 лет (средний возраст для данной выборки составил около 43 лет), представляющие третью стадию и далее для краткости называемые взрослыми.

Для каждой выборки соблюдался гендерный баланс, была обеспечена представленность городского и сельского населения, жителей различных регионов, а также – для выборки взрослых – граждан различных профессий и образовательного уровня.

Процедура сбора эмпирических данных осуществлялась в три этапа. Вначале участникам исследования предлагалось привести смысловые ассоциации к словам «идентичность» и «национальность». Затем они заполнили специально разработанную анкету «Нация и национальность», состоящую из 15 вопросов. Наконец, перед респондентами была поставлена задача написать индивидуальную историю своей национальной идентичности со следующей формулировкой инструкции:

«Составьте рассказ о себе как представителе определенной нации или наций. Вы можете описать осознание Вами своей национальной принадлежности, ее роль в Вашей жизни, переживание Вами значимых событий в истории своей нации, опыт контактов с представителями других наций и любые другие события, имеющие отношение к данной теме».

Для анализа индивидуальных историй были разработаны две методики:

- *тематический нарративный анализ*, позволяющий выявить основные объясняемые темы индивидуальных историй, их субъективно-психологическую значимость и связанные с ними психологические ресурсы конструирования идентичности;
- *типологический нарративный анализ*, позволяющий определить преобладающий тип построения в индивидуальных историях и связанные с ними психологические механизмы конструирования идентичности.

Применение этих методик создает целостную интерпретацию результатов количественно-качественных исследований и адаптирует метод нарративного анализа к специфике социальной психологии. Это обеспечивает углубленное понимание психологических аспектов социально значимых феноменов и дает возможность получить знание, которое не может быть приобретено иным способом, а также предлагает системное объяснение количественных данных, собранных при помощи других методов.

В результате проведенного исследования было установлено, что психологическими ресурсами конструирования национальной идентичности в индивидуальных историях граждан Республики Беларусь выступают прежде всего понимание и принятие социально разделяемых критериев национальной самоидентификации, а также индивидуальный опыт позитивно-негативного переживания национальных достижений и неспецифические фоновые эмоции национальной гордости и любви к своей стране. Основными источниками психологических ресурсов, которые актуализируются при конструировании национальной идентичности, помимо индивидуального опыта являются непосредственное межличностное взаимодействие с ближайшим социальным окружением и представителями других национальных культур.

Главным психологическим механизмом конструирования национальной идентичности в индивидуальных историях, согласно полученным результатам, служит скрытое сравнение себя с другими через социально разделяемые критерии национальной самоидентификации и нормативные требования, предъявляемые непосредственным социальным окружением к носителю национальной идентичности. В большинстве индивидуальных

историй национальной идентичности центральная сюжетная линия строится вокруг установления и поддержания динамического равновесия между нормативно заданными ожиданиями от национальной идентичности и реальными характеристиками ее носителя. Результатом достигнутого равновесия является самопрезентация национальной идентичности с использованием рефлексивного типа общения, для которого характерны ориентация на критическое восприятие и активное понимание со стороны адресата.

Выявленные в индивидуальных историях ресурсы и механизмы конструирования национальной идентичности позволяют понять психологический смысл количественных данных. Преобладание объективных условий формирования национальной идентичности над субъективно-специфическими объясняет количественные данные о признании большинством участников исследования в качестве основной задачи поддержания национального единства. История формирования национальной идентичности как установления соответствия с заданными извне социальными нормами объясняет количественные данные о наивысшей степени актуализации национальной идентичности при непосредственном межличностном взаимодействии. Преобладание в индивидуальных историях рефлексивного типа общения объясняет количественные данные об индивидуальном опыте как основном источнике информации о национальной идентичности, предполагающем самостоятельность и многообразие интерпретаций.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) переосмысление исследований национальной идентичности в категориях психологических ресурсов и психологических механизмов позволяет использовать эвристический потенциал существующих теорий национальной идентичности в социально-психологическом эмпирическом исследовании и установить отношение взаимодополнения между структурным и агентским подходами;

2) изучение национальной идентичности на материале индивидуальных историй ее носителей позволяет выявить психологический смысл национальной самоидентификации, недоступный при использовании экспериментальных или опросных данных;

3) обращение к индивидуальным историям, выбираемым из многообразия индивидуального опыта, как психологическим ресурсам для национального самоопределения личности раскрывает содержание психологической феноменологии и механизмы, посредством которых отобранные ресурсы наделяются психологическим смыслом в процессе конструирования национальной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Калхун К. Национализм. М., 2006.
2. Бройи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / под ред. Б. Андерсона. М., 2002. С. 201–235.
3. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.
4. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London ; New York, 1991.
5. Grosby S. Nationalism: a very short introduction. Oxford, 2005.
6. Billig M. Banal Nationalism. London, 1995.
7. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
8. Smith A. D. National Identity. London, 1991.
9. Ippersiel D. Constitutional democracy and civic nationalism // Nations Natl. 2007. Vol. 13, № 3. P. 395–416.
10. Фабрыкант М. С. Нарративный анализ национальной идентичности как теоретического конструкта и эмпирического феномена // 36. навук. пр. Акад. паслядиплом. адукацыі. Мінск, 2008. Вып. 4. С. 255–268.
11. Fabrykant M. Understanding of Globalization in Narratives of National Identity: the Case of Belarus // Soc. Polit. Psychol. Int. Rev. 2010. № 2. P. 55–63.

References

1. Calhoun C. [Nationalism]. Moscow, 2006 (in Russ.).
2. Breuilly D. [Approaches to studying nationalism]. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, 2002. P. 201–235 (in Russ.).
3. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.
4. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London ; New York, 1991.
5. Grosby S. Nationalism: a very short introduction. Oxford, 2005.
6. Billig M. Banal Nationalism. London, 1995.
7. Smith A. D. [Nationalism and modernism: critical review of contemporary theories of nations and nationalism]. Moscow, 2004 (in Russ.).
8. Smith A. D. National Identity. London, 1991.
9. Ippersiel D. Constitutional democracy and civic nationalism. *Nations Natl*. 2007. Vol. 13, No. 3. P. 395–416.
10. Fabrykant M. S. [Narrative analysis of national identity as theoretical construct and empirical phenomenon]. *Zb. navuk. prac Akadzemii pasljadyplomnaj adukacyi*. Minsk, 2008. Vol. 4. P. 255–268 (in Russ.).
11. Fabrykant M. Understanding of globalization in narratives of national identity: the case of Belarus. *Soc. Polit. Psychol. Int. Rev*. 2010. No. 2. P. 55–63.

Статья поступила в редколлегию 16.11.2016.
Received by editorial board 16.11.2016.

УДК 316.462+316.647.6

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАКТИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, Т. О. КУЛИНКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Дана общая характеристика реактивного сопротивления, а также ситуативных и личностных особенностей его проявления в человеческом поведении. Отмечается, что в служебных отношениях наиболее заметной манифестацией реактивного сопротивления является отказ выполнить намеченное действие после того, как руководитель попросит исполнителя о таком же действии. В целях изучения подобного поведения проведено исследование с участием 1078 человек. Используются методики диагностики личностных качеств и авторский опросник «Стили поведения в ситуации воздействия власти в служебных отношениях». Исследование показало, что в ситуации, когда распоряжение руководителя соответствует личному решению исполнителя, работники в основном выбирают полное подчинение. Удалось установить, что женщины значительно чаще испытывают при этом отрицательные эмоции, но чаще подчиняются. Мужчины чаще испытывают положительные эмоции, но чаще используют уклонение или мнимое подчинение. Сделан вывод о том, что независимость, личностное реактивное сопротивление и властно-лидирующий стиль оказывают влияние на выбор разных видов неподчинения.

Ключевые слова: реактивное сопротивление; негативизм; власть; подчинение; служебные отношения.

Образец цитирования:

Фурманов И. А., Кулинкович Т. О. Личностные особенности реактивного сопротивления в служебных отношениях // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 85–91.

For citation:

Fourmanov I. A., Kulinkovich T. O. Personality characteristics of reactance in work relations. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 85–91 (in Russ.).

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Тамара Олеговна Кулинкович – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Igor Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

fourmigor@gmail.com

Tamara Kulinkovich, lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

t.kulinkovich@gmail.com

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF REACTANCE IN WORK RELATIONS

I. A. FOURMANOV^a, T. O. KULINKOVICH^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: fourmigor@gmail.com

The article gives a general description of the reactance, and the situational and personal characteristics of its manifestations in human behavior. In office relations, the most visible manifestation of the reactance is a failure to comply with the intended effect after the head asks for the same action. To study the characteristics of this behavior the research was conducted with the participation of 1078 people. Methods of diagnostics of personal qualities and author questionnaire «Styles of behavior in a situation of the authorities for work relations» were used. The study showed that in a situation where the request of chef corresponds to the personal decision of the executive, people generally choose the complete subordination. However, women are significantly more likely to experience negative emotions in this case, but more often choose the subordination. Men more likely to experience positive emotions, but often use dodging or imaginary submission. Independence, personal reactance and power-leading style are influencing the choice of different kinds of disobedience.

Key words: reactance; negativism; power; compliance; work relationships.

В служебных отношениях нередко встречаются ситуации, когда поведение работника в ответ на распоряжение руководителя отличается от ожидаемого и кажется нелогичным. Чаще всего такое поведение выражается в форме открытого или скрытого негативизма, отказа выполнить просьбу руководителя, даже если она соответствует личным намерениям сотрудника. Немотивированное, протестное неподчинение власти, при котором человек может отказаться осуществить даже собственные намерения только потому, что распоряжение исходит от другого, в современной социальной психологии получило название реактивного сопротивления.

Реактивное сопротивление представляет собой мотивационное состояние, которое возникает у индивида в случае реальной или воспринимае-

мой угрозы свободе его действий и проявляется в поступках, направленных на восстановление личной независимости. Теория реактивного сопротивления была впервые предложена Дж. Бреммом, который считал, что на это явление оказывают влияние следующие переменные:

- важность поведения, свободе которого угрожают;
- убежденность в том, что индивиду изначально присуща свобода;
- повышенное внимание к любой угрозе свободе своего поведения и других людей [1].

Как отмечают И. Доуд и Ф. Уоллброун, для снижения реактивного сопротивления индивиду необязательно совершать запрещенные действия – ему достаточно почувствовать потенциальную возможность сделать это [2].

Условия возникновения реактивного сопротивления

На начальных этапах исследования реактивного сопротивления было выдвинуто предположение о том, что его манифестация напрямую связана с особенностями ситуации и поэтому его проявления невозможно изучить экспериментально. Однако дальнейший анализ показал, что склонность к реактивному сопротивлению является устойчивой личностной чертой. В связи с этим был разработан ряд личностных опросников реактивного сопротивления [3–5]. Данные исследования положили начало анализу реактивного сопротивления как мотивационной и поведенческой составляющей, определяемой сочетанием факторов личности и ситуации [6].

Реактивное сопротивление связано с такими личностными чертами, как стремление к защите, доминированию, агрессивности, влиятельности, индивидуалистичности и тенденции действовать,

невзирая на последствия [7]. Люди, обладающие подобными чертами, меньше озабочены тем, чтобы произвести хорошее впечатление на других, менее толерантны, реже следуют социальным нормам и правилам, склонны к переживанию сильных чувств и эмоций [8], воспринимают себя популярными, амбициозными, предприимчивыми и жадущими власти и контроля, стремятся к автономии и полагают, что они достаточно компетентны, чтобы самостоятельно принимать решения [9].

Кроме того, была доказана связь реактивного сопротивления с переживанием гнева [10], предпочтением эмоционально-сфокусированных копинг-стратегий [11], некоторыми личностными расстройствами (пограничным, обсессивно-компульсивным и др.) [12] и различными аспектами индивидуации [13].

Личности с выраженным реактивным сопротивлением меньше доверяют другим, менее склонны

к близким отношениям, более автономны и отчаянны. Вербальная форма реактивного сопротивления больше связана с показателями психосоциального благополучия по сравнению с поведенческим реактивным сопротивлением [14].

Также была выявлена связь реактивного сопротивления и поведения по типу «А» (соревновательность, агрессивность, спешка, стремление к достижениям, озабоченность сроками, нетерпеливость, злость и враждебность, требовательность) [15; 16].

Реактивное сопротивление личности, лишённое разумных оснований, неподчинение оказываемым на человека психологическим воздействиям в отечественной традиции называли негативизмом [16]. Негативизм чаще изучался в поведении детей (например, «кризис трех лет», подростковый негативизм) [17–19], однако в последнее время стали встречаться работы, в которых его проявления исследуются у взрослых. Одной из форм негативизма считается упрямство, мотивационную основу которого составляет самоутверждение. Принято выделять два вида негативизма: пассивный, выражающийся в отказе выполнить предъявляемые требования, и активный – совершение действий, противоположных требуемым [20]. Хотя негативизм может быть вызван ситуативными причинами, его использование также бывает обусловлено соответствующими чертами характера.

В исследовании И. А. Фурманова были установлены следующие личностные особенности, свойственные людям, проявляющим негативизм в юношеском возрасте. Юноши с негативизмом отличаются регрессивным мотивационным профилем и высоким коэффициентом мотивационной напряженности в общежитийской сфере. Несмотря на присущую им целеустремленность, одними из их характерных черт являются невыдержанность и плохое самообладание. В общении для юношей-негативистов наиболее предпочтительны прямолинейно-агрессивный, независимо-доминирующий и сотрудничающе-конвенциональный стили межличностных отношений [19].

Девушки с развитым негативизмом отличаются регрессивным мотивационным профилем и высоким коэффициентом мотивационной напряженности, особенно в учебной сфере. Негативизм в по-

ведении характерен для девушек с астеническими тенденциями. Им свойственны окрашенные отрицательным эмоциональным тоном чувства подавленности, уныния, печали, пассивного страха при повышенной раздражительности, быстрой истощаемости и склонности к ипохондрическим образованиям. Такие девушки эмоционально нестабильны, обладают низкой фрустрационной толерантностью, пассивностью, неуверенностью в собственных силах и тревожностью. Наряду с этим они очень скрытны и наделены высоким самообладанием и выдержкой, что, вероятно, свидетельствует о хорошей способности подавлять собственные эмоции. В сфере межличностных контактов девушки с выраженным негативизмом отдают предпочтение сотрудничающе-конвенциональному, ответственно-великодушному и прямолинейно-агрессивному стилям общения [19].

Несмотря на изначальную убежденность специалистов в отсутствии гендерных различий в реактивном сопротивлении [8], дальнейшие исследования выявили его значимое преобладание у мужчин по сравнению с женщинами [21]. Женщины чаще реагируют путем реактивного сопротивления на умеренную угрозу собственной свободе, но в ситуациях высокой угрозы своей независимости все-таки склонны подчиняться [22]. Кроме того, природа появления реактивного сопротивления в поведении женщин и мужчин различается. Исследование Дж. Миддлтона в соавторстве с другими учеными показало, что у мужчин реактивное сопротивление, выражаемое в поведении, обратно коррелирует с эмоциональностью, благополучием и самоконтролем. Аналогичной взаимосвязи у женщин не выявлено [23].

Реактивное сопротивление на сегодняшний день – одно из наиболее изучаемых понятий в психологии власти, большое внимание ему уделяется в организационной психологии. В то же время нам не встречались исследования, описывающие разные виды поведения при возникновении реактивного сопротивления в служебных отношениях, а также их гендерные и личностные условия. С целью изучить виды проявления реактивного сопротивления в служебных отношениях было проведено настоящее исследование.

Выборка и методы исследования

Выборку составили 1078 проживающих в Республике Беларусь человек со средним, среднеспециальным и высшим образованием, различным опытом профессиональной и руководящей деятельности. В исследовании приняли участие представители следующих социальных групп:

- 1) студенты;
- 2) рабочие и служащие (дифференциация внутри группы не проводилась);

- 3) военные;
- 4) руководители учреждений;
- 5) безработные;
- 6) пенсионеры.

Распределение выборки по полу следующее: женщины – 702 (65,1 %), мужчины – 376 (34,9 %). Средний возраст испытуемых – 29,9 года (самому молодому из них – 15 лет, наиболее пожилому – 70 лет).

Для выявления личностных детерминант реактивного сопротивления использованы следующие методики:

- «Мотив власти»;
- «Макиавеллизм»;
- «Шкала реактивного сопротивления» [24];
- «Авторитарный стереотип»;
- «Диагностика самоотношений личности» (Т. Лири);
- отдельные шкалы 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (фактор *E*: подчиненность – доминантность; фактор *Q1*: консерватизм – радикализм; фактор *Q2*: зависимость от группы – самостоятельность, фактор *Q3*: низкий самоконтроль – высокий самоконтроль).

В исследовании использовалась авторская методика «Стили поведения личности в ситуации властного воздействия в служебных отношениях» [25], позволяющая определить предпочитаемые типы поведения личности в ситуациях проявления власти в служебных отношениях. Выделяются следующие типы поведения:

- *полное подчинение* – поведение в соответствии с требованием субъекта власти при прекращении совершаемой ранее деятельности;
- *полное неподчинение* – поведение в соответствии с имевшимися до властной ситуации мотивами, поведенческое игнорирование властного воздействия;
- *негативизм* – неподчинение с выражением агрессии или агрессивными действиями в направлении субъекта власти или его ресурсов при прекращении совершаемой ранее деятельности;
- *уклонение* – неподчинение при прекращении совершаемой ранее деятельности путем ухода из властной ситуации. При уклонении индивид использует истинные или вымышленные предлоги

с целью избежать необходимости подчинения, что проявляется в фактическом отказе от актуальной деятельности;

- *гиперболизация* – сложение векторов «полное неподчинение» и «негативизм», намеренная, иногда демонстративная интенсификация выполнявшейся ранее деятельности, разновидность поведенческой агрессии;
- *компенсированное подчинение* – сложение векторов «полное подчинение» и «негативизм», сочетание подчинения и агрессии (недовольства) в отношении субъекта власти;
- *мнимое подчинение* – сложение векторов «полное неподчинение» и «уклонение», обманное изменение видимого поведения в соответствии с требованием власти при прекращении совершаемой ранее деятельности, что используется для ситуативного снятия властного давления и прекращается после его удаления;
- *частичное подчинение* – сложение векторов «полное подчинение» и «уклонение», компромисс между совершаемой деятельностью и поведением в соответствии с требованием субъекта власти.

Одна из субшкал методики направлена на оценку склонности к реактивному сопротивлению: работнику дается описание ситуаций, в которых руководитель просит его сделать то, что человек незадолго до этого решил сделать сам. С точки зрения здравого смысла совпадение распоряжения руководителя с собственным желанием сотрудника должно восприниматься положительно и не предполагает никаких конфликтов. Однако анализ показал, что в таких ситуациях встречаются «нелогичные» поступки, обусловленные гендерными и личностными особенностями исполнителя. Рассмотрим их подробнее.

Гендерные особенности предпочтения стилей поведения в ситуациях, провоцирующих реактивное сопротивление

Средние показатели предпочитаемых стилей поведения мужчин и женщин в ситуациях, прово-

цирующих реактивное сопротивление, представлены в таблице.

Средние показатели эмоциональной реакции и выбора стиля поведения в ситуациях, провоцирующих реактивное сопротивление

Mean indexes of emotional reaction and choice of behavioural style in the situations provoking reactance

Стиль поведения	Мужчины	Женщины	Среднее значение	Значимость различий
Положительные эмоции	6,84	6,83	6,84	0,946
Отрицательные эмоции	5,13	6,51	6,03	0,0001
Полное подчинение	5,06	5,16	5,12	0,284
Частичное подчинение	3,19	3,22	3,21	0,767
Мнимое подчинение	2,36	2,23	2,27	0,001

Окончание таблицы
Ending table

Стиль поведения	Мужчины	Женщины	Среднее значение	Значимость различий
Уклонение	2,51	2,39	2,43	0,031
Полное неподчинение	2,39	2,3	2,33	0,084
Гиперболизация	3,79	4,02	3,94	0,006
Негативизм	2,31	2,28	2,29	0,496
Компенсированное подчинение	2,7	2,73	2,72	0,965

Анализ эмоциональной реакции и выбора стилей поведения в отдельных ситуациях показал, что те из них, в которых требование власти соответствует принятому индивидом решению, у большинства людей вызывают положительные эмоции и желание подчиниться распоряжению руководителя.

При этом анализ гендерных различий в тематических диадах позволил обнаружить, что во всех ситуациях женщины испытывают значимо более выраженные отрицательные эмоции, чем мужчины ($p < 0,001$).

Самым предпочитаемым стилем поведения является полное подчинение. Иными словами, в большинстве случаев в ответ на распоряжение руководителя, аналогичное принятому решению, люди склонны реагировать положительно и полностью подчиняться указанию.

В то же время предпочтение гиперболизации, которая находится на втором месте после полного подчинения, указывает на важность для некоторых работников того, что решение было принято ими самостоятельно и совершаемая деятельность осу-

ществляется по их собственной инициативе, а не по распоряжению руководства. При этом женщины используют гиперболизацию значительно чаще, чем мужчины.

Реже всего в таких ситуациях работники используют мнимое подчинение, полное неподчинение, уклонение и негативизм. Однако мужчины все же склонны к мнимому подчинению и уклонению чаще, чем женщины. Таким образом, гендерные различия в проявлении реактивного сопротивления обнаружались в форме ответных действий, которые выбирают индивиды, противостоя власти. Для женщин важнее доказать руководителю, что они сами приняли решение и проявили инициативу, но позже выполнить распоряжение. Между тем сопротивление мужчин бывает скрытым, незаметным для руководителя, при этом они могут вовсе отказаться от намеченного действия. Эти данные согласуются с исследованиями гендерных различий реактивного сопротивления, где была выявлена бóльшая склонность мужчин к реактивному сопротивлению по сравнению с женщинами [21].

Личностные особенности предпочтения стилей поведения в ситуациях, провоцирующих реактивное сопротивление

Исследование показало, что сотрудники с развитой личной *независимостью* в ситуациях, когда просьба руководителя соответствует намерению, чаще демонстрируют уклонение ($r = 0,10$; $p = 0,001$) и негативизм ($r = 0,10$; $p = 0,001$). Эти виды поведения предполагают, что после распоряжения начальника такие работники более склонны отступить от собственного намерения выполнить действие и отказывают вышестоящему лицу либо под вымышленным предлогом, либо в форме негативизма, идя на открытый конфликт.

Работники с преобладающим *властно-лидирующим* стилем в межличностных отношениях чаще выбирают неподчинение ($r = 0,10$; $p = 0,001$). Этот вид поведения не подразумевает проявления агрессии или обмана, а представляет собой ассертивный отказ выполнить указание руководителя. Для лиц с властно-лидирующим стилем поведения важно отстоять свой статус и свободу

в принятии решений, поэтому использование полного неподчинения помогает восстановить такую свободу.

Индивиды с выраженным личностным *реактивным сопротивлением* реже выбирают полное подчинение ($r = 0,40$; $p = 0,013$ при $n = 117$ человек), в то время как этот стиль чаще других используют личности без выраженного реактивного сопротивления. То же касается стиля мнимого подчинения. Он довольно редко применяется в таких ситуациях, но на уровне статистических тенденций коррелирует с высоким реактивным сопротивлением ($r = 0,30$; $p = 0,063$ при $n = 117$ человек). Таким образом, работники с выраженным личностным реактивным сопротивлением реже подчиняются и больше склонны мнимо подчиняться (делать вид, что подчинились, но не выполнять просьбу руководителя), чем сотрудники без таких особенностей.

Таким образом, даже в ситуациях, предполагающих, казалось бы, гарантированное согласие выполнить просьбу или совет руководителя, стремление личности к независимости и доминированию обуславливает неподчинение, обман и нередко агрессию в виде негативизма в отношении руководителя.

Эти данные подтверждаются исследованиями реактивного сопротивления, в которых была установлена связь этого явления с независимостью и стремлением к автономии и доминированию [7; 8]. Настоящая работа позволила дифференцировать различные виды поведения в зависимости от пола и личностных особенностей исполнителей.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- реактивное сопротивление – это мотивационное состояние, которое возникает у индивида в случае реальной или воспринимаемой угрозы свободе его действий и проявляется в поведении, направленном на восстановление личной свободы;
- ситуации, провоцирующие реактивное сопротивление, вызывают у большинства людей положительные эмоции и желание подчиниться распоряжению руководителя;
- женщины испытывают при этом значительно более выраженные отрицательные эмоции, чем

мужчины, но склонны подчиняться, иногда проявляя гиперболизацию;

- мужчины испытывают более выраженные положительные эмоции, но чаще, чем женщины, не подчиняются, проявляя уклонение или мнимое подчинение;
- работники с развитой личной независимостью чаще демонстрируют уклонение и негативизм, индивиды с преобладанием властно-лидирующего стиля в межличностных отношениях чаще выбирают неподчинение, а сотрудники с выраженным личностным реактивным сопротивлением реже выбирают полное подчинение.

Библиографические ссылки

1. Brehm S. S. Psychological reactance: A theory of freedom and control. New York, 1981.
2. Dowd E. T., Wallbrown F. Motivational components of client reactance // J. Couns. Dev. 1993. Vol. 71. P. 533–538.
3. Merz J. Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz // Diagnostica. 1983. № 29. P. 75–82.
4. Dowd E. T., Milne C. R., Wise S. L. The Therapeutic Reactance Scale: a measure of psychological reactance // J. Couns. Dev. 1991. № 69, issue 6. P. 541–545.
5. Hong S. M., Page S. A psychological reactance scale: development, factor structure and reliability // Psychol. Rep. 1989. № 64, issue 3. P. 1323–1326.
6. Dowd E. T. Psychological reactance in health education and promotion // Health Educ. J. 2002. Vol. 61, issue 2. P. 113–124.
7. Dowd E. T., Wallbrown F. Motivational components of client reactance // J. Couns. Dev. 1993. Vol. 71, issue 5. P. 533–538.
8. Dowd E. T., Wallbrown F., Sanders D., et al. Psychological reactance and its relationship to normal personality variables // Cogn. Ther. Res. 1994. Vol. 18, issue 6. P. 601–612.
9. Miller C. H., Lane L. T., Deatrick L. M., et al. Psychological reactance and promotional health messages: the effects of controlling language, lexical concreteness, and the restoration of freedom // Hum. Commun. Res. 2007. Vol. 33, issue 2. P. 219–240.
10. Weathers P. L. A test of psychological reactance theory in a correctional setting // Diss. Abstr. Int. 1995. Vol. 56. P. 1714–1735.
11. Palmentera C. M. Psychological reactance, stress, and coping styles : unpubl. dr. diss. Kent, Ohio, 1996.
12. Seibel C. A., Dowd E. T. Personality characteristics associated with psychological reactance // J. Clin. Psychol. 2001. Vol. 57, issue 7. P. 963–969.
13. Johnson P., Buboltz W. C. Differentiation of self and psychological reactance // Contemp. Fam. Ther. 2000. Vol. 22, issue 1. P. 91–102.
14. Dowd E. T., Pepper H. F., Seibel C. A. Developmental correlates of psychological reactance // J. Cogn. Psychother. 2001. Vol. 15, № 3. P. 239–252.
15. Rhodewalt F., Davison J. Reactance and the Type A coronary-prone behavior pattern: the role of self-attribution in responses to reduced behavioral freedom // J. Pers. Soc. Psychol. 1983. Vol. 44, № 2. P. 220–228.
16. Carver C. S. Perceived coercion, resistance to persuasion, and the Type A behavior pattern // J. Res. Pers. 1980. Vol. 14, № 4. P. 467–481.
17. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб., 2008.
18. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М., 2005.
19. Фурманов И. А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста. Минск, 1997.
20. Фурманов И. А. Аффективно-динамическая теория адаптации // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Права. 2001. № 3. С. 42–47.
21. Seemann E. A., Buboltz W. C., Jenkins S. M., et al. Ethnic and gender differences in psychological reactance: The importance of reactance in multicultural counseling // Couns. Psychol. Q. 2004. Vol. 17, issue 2. P. 167–176.
22. Swart C., Ickes W., Morgenthaler E. S. The effect of objective self awareness on compliance in a reactance situation // Soc. Behav. Pers. 1978. Vol. 6, issue 1. P. 135–139.

23. Middleton J., Buboltz W., Sapon B. The relationship between psychological reactance and emotional intelligence // *Soc. Sci. J.* 2015. Vol. 52, issue 4. P. 542–549.
24. Кулинкович Т. О., Кособуцкая А. Ю. Реактивное сопротивление в служебных отношениях // *Философия и соц. науки.* 2013. № 3/4. С. 68–77.
25. Кулинкович Т. О. Стили поведения личности в ситуации властного воздействия в служебных отношениях // *Философия и соц. науки.* 2011. № 3/4. С. 86–93.

References

1. Brehm S. S., Brehm J. W. *Psychological reactance: a theory of freedom and control.* New York, 1981.
2. Dowd E. T., Wallbrow F. Motivational components of client reactance. *J. Couns. Dev.* 1993. Vol. 71. P. 533–538.
3. Merz J. Fragebogen zur Messung der psychologischen Reaktanz. *Diagnostica.* 1983. No. 29. P. 75–82 (in Ger.).
4. Dowd E. T., Milne C. R., Wise S. L. The Therapeutic Reactance Scale: a measure of psychological reactance. *J. Couns. Dev.* 1991. No. 69, issue 6. P. 541–545.
5. Hong S. M., Page S. A psychological reactance scale: development, factor structure and reliability. *Psychol. Rep.* 1989. No. 64, issue 3. P. 1323–1326.
6. Dowd E. T. Psychological reactance in health education and promotion. *Health Educ. J.* 2002. Vol. 61, issue 2. P. 113–124.
7. Dowd E. T., Wallbrow F. Motivational components of client reactance. *J. Couns. Dev.* 1993. Vol. 71, issue 5. P. 533–538.
8. Dowd E. T., Wallbrow F., Sanders D., et al. Psychological reactance and its relationship to normal personality variables. *Cogn. Ther. Res.* 1994. Vol. 18, issue 6. P. 601–612.
9. Miller C. H., Lane L. T., Deatrick L. M., et al. Psychological reactance and promotional health messages: the effects of controlling language, lexical concreteness, and the restoration of freedom. *Hum. Commun. Res.* 2007. Vol. 33, issue 2. P. 219–240.
10. Weathers P. L. A test of psychological reactance theory in a correctional setting. *Diss. Abstr. Int.* 1995. Vol. 56. P. 1714–1735.
11. Palmentera C. M. Psychological reactance, stress, and coping styles : unpubl. dr. diss. Kent, Ohio, 1996.
12. Seibel C. A., Dowd E. T. Personality characteristics associated with psychological reactance. *J. Clin. Psychol.* 2001. Vol. 57, issue 7. P. 963–969.
13. Johnson P., Buboltz W. C. Differentiation of self and psychological reactance. *Contemp. Fam. Ther.* 2000. Vol. 22, issue 1. P. 91–102.
14. Dowd E. T., Pepper H. F., Seibel C. A. Developmental correlates of psychological reactance. *J. Cogn. Psychother.* 2001. Vol. 15, No. 3. P. 239–252.
15. Rhodewalt F., Davison J. Reactance and the Type A coronary-prone behavior pattern: the role of self-attribution in responses to reduced behavioral freedom. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1983. Vol. 44, No. 2. P. 220–228.
16. Carver C. S. Perceived coercion, resistance to persuasion, and the Type A behavior pattern. *J. Res. Pers.* 1980. Vol. 14, No. 4. P. 467–481.
17. Ил'ин Е. П. [Differential psychology of profession activity]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
18. Выготский Л. С. [Psychology of child development]. Moscow, 2005 (in Russ.).
19. Fourmanov I. A. [Psychological bases of diagnosis and correction of behavioral disorders in children and adolescents]. Minsk, 1997 (in Russ.).
20. Fourmanov I. A. Affective-dynamic adaptation theory. *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekonomika. Prava.* 2001. No. 3. P. 42–47 (in Russ.).
21. Seemann E. A., Buboltz W. C., Jenkins S. M., et al. Ethnic and gender differences in psychological reactance: the importance of reactance in multicultural counseling. *Couns. Psychol. Q.* 2004. Vol. 17, issue 2. P. 167–176.
22. Swart C., Ickes W., Morgenthaler E. S. The effect of objective self awareness on compliance in a reactance situation. *Soc. Behav. Pers.* 1978. Vol. 6, issue 1. P. 135–139.
23. Middleton J., Buboltz W., Sapon B. The relationship between psychological reactance and emotional intelligence. *Soc. Sci. J.* 2015. Vol. 52, issue 4. P. 542–549.
24. Kulinkovich T. O., Kosobutskaya A. Y. Reactance in Workplace Relationships. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2013. No. 3/4. P. 68–77 (in Russ.).
25. Kulinkovich T. O. Styles of Individual behavior in situations of power influence in work relationships. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2011. No. 3/4. P. 86–93 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.

СУБЪЕКТИВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, Е. В. ГАВРИЛЬЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируются подходы к понятию субъективного экономического благополучия, описываются и интерпретируются особенности субъективного экономического благополучия студентов юношеского возраста. Установлено, что студенты в целом удовлетворены собственным экономическим благосостоянием, но для них характерны негативные финансовые ожидания в отношении своего будущего; при этом юноши склонны оценивать свое экономическое благополучие выше, чем девушки. Отмечается, что место жительства также оказывает определенное влияние на субъективное экономическое благополучие: студентам из малых городов в большей степени свойственны негативные финансовые ожидания. Сделан вывод о том, что опыт самостоятельного экономического поведения снижает уровень экономического оптимизма.

Ключевые слова: субъективное экономическое благополучие; факторы субъективного экономического благополучия; субъективное экономическое благополучие студентов; экономический оптимизм; экономическая тревожность.

SUBJECTIVE ECONOMIC WELL-BEING OF STUDENTS OF YOUTHFUL AGE

G. A. FOFANOVA^a, E. V. GAVRILCHIK^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: gfofanova@gmail.com

The article analyzes the approaches to the concept of subjective economic well-being, the features of subjective economic well-being of students of youthful age are described and interpreted. It was found that students, in general, satisfied with their economic well-being, but they are characterized by negative financial expectations for the future. Male students tend to evaluate their economic well-being higher than women. Location has also a certain influence on subjective economic well-being of students: in a small town largely observed adverse financial expectations. Increased experience of independent economic behavior leads to a decrease of the level of economic optimism.

Key words: subjective economic well-being; factors of the subjective economic well-being; subjective economic well-being of students; economic optimism; economic anxiety.

Проблемы экономического благополучия в современном мире относятся к числу наиболее значимых и приоритетных тем, волнующих как отдельных людей, так и общество в целом. В силу

развития кризисных явлений в глобальной экономике эти проблемы приобретают особую политическую, экономическую и социальную остроту, для их осознания и решения требуются данные

Образец цитирования:

Фофанова Г. А., Гаврильчик Е. В. Субъективное экономическое благополучие студентов юношеского возраста // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 92–97.

For citation:

Fofanova G. A., Gavrilchik E. V. Subjective economic well-being of students of youthful age. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 92–97 (in Russ.).

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.
Екатерина Валерьевна Гаврильчик – студентка факультета философии и социальных наук.

Authors:

Galina Fofanova, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
gfofanova@gmail.com
Ekaterina Gavrilchik, student at the faculty of philosophy and social science.

научных исследований. В отечественной экономической психологии эта область еще только начала вызывать интерес специалистов, касающийся выявления связей объективных и субъективных измерений экономического благополучия с общей удовлетворенностью жизнью. Анализ зарубежных работ обнаруживает противоречия при описании феноменологии субъективного экономического благополучия и установлении границ его предметного поля. Не менее остро стоит вопрос о закономерностях его структурной организации и измерения, а также типологии, опирающейся на особенности, механизмы и структуры детерминации этого понятия.

Категория субъективного экономического благополучия не относится к числу глубоко разработанных научных понятий. Это во многом связано с тем, что долгое время само понятие экономического благополучия использовалось только в экономической науке, где оно рассматривается как синоним объективной характеристики достатка, материальных, финансовых и социальных условий жизни человека в целом. В психологической науке термин «субъективное экономическое благополучие» появился благодаря работам Б. Струмпел и А. Кэмпбел. Авторы определяли субъективное экономическое благополучие как результат социального сравнения фактического статуса человека с его притязаниями, потребностями и восприятием собственного положения. Субъективное экономическое благополучие очень часто рассматривают как аспект общего благополучия человека, непосредственно связанного с деньгами и материальными средствами (Э. Гроенланд¹, Э. Динер, Р. Бисвас-Динер², Б. М. С. Ван Прааг, П. Фрайтерс³), и как одну из основных подструктур качества жизни (Т. Пойз, И. фон Грумбков⁴; Е. А. Угланова⁵). В число его составляющих включают удовлетворенность доходом и стандартом жизни, справедливость распределения дохода и ожидание его изменений [1], оценку материальных аспектов жизни – финансовой безопасности и независимости (Э. Гроенланд¹), удовлетворенность трудом, потреблением, системой экономико-политической организации общества (Т. Пойз, И. фон Грумбков⁴), социальное сравнение с типичными представителями страны (Е. А. Угланова⁵) [2].

Для наиболее глубокого рассмотрения субъективного экономического благополучия необходи-

мо обратиться к общему понятию субъективного благополучия человека. Согласно В. А. Хащенко, субъективное благополучие определяется не только удовлетворением базовых нужд человека, но и сложной комбинацией его психологических устремлений – потребностью в познании, автономии, самореализации, уважении, дружбе и т. п. [3].

Субъективное экономическое благополучие является существенным элементом субъективного благополучия человека. Необходимость выделения и изучения этого понятия в качестве отдельного вида благополучия личности определяется рядом факторов. Во-первых, существованием так называемого парадокса благосостояния – противоречия между удовлетворенностью индивидуальным доходом и совокупным благополучием, т. е. удовлетворенностью жизнью в целом [3]. Во-вторых, тем, что в странах с переходной экономикой, к числу которых относится и Беларусь, роль материального фактора в повседневной жизни изменяется кардинальным образом, обуславливая существенный рост субъективной значимости материальных ценностей. Удовлетворение материальных потребностей личности может рассматриваться как весомый и даже ведущий фактор благополучия жизни в целом. Третьим фактором стало то, что субъективное экономическое благополучие – это компонент общего благополучия как интегральной психологической характеристики индивидуального бытия человека.

Экономическое благополучие трактуется в экономике как способность человека приобретать и потреблять товары и услуги, как функция материальных и нематериальных (субъективных) сторон индивидуального финансового положения. Субъективное экономическое благополучие в психологии принято анализировать с позиции двух подходов, выделяющих его различные аспекты, – потребностного и ресурсного. Первый фокусируется на измерении бедности, распределении доходов и экономического неравенства в обществе. Второй нацелен на анализ показателей трудовой занятости, финансовых активов, долга, финансовых индексов.

Субъективное экономическое благополучие – это всегда отношение индивида к достигнутому уровню экономического благосостояния: не только к объективным условиям внешней социально-экономической среды (экономической ситуации или экономической политики), но и к внутренним

¹ Groenland E. Structural elements of material well-being: An empirical test among people on social security // Soc. Indic. Res. 1990. Vol. 22. P. 367–384.

² Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? A literature review and guide to needed research // Soc. Indic. Res. 2002. Vol. 57. P. 119–169.

³ Van Praag B. M. S., Frijters P. The Measurement of Welfare and Well-Being; the Leyden Approach // Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology. New York, 1999. P. 413–433.

⁴ Poiesz T., von Grumbkow J. Economic well-being, job satisfaction, income evaluation, and consumer satisfaction; an integrative attempt // Handbook of economic psychology. Dordrecht ; Kluwer, 1988. P. 570–594.

⁵ Угланова Е. А. Влияние феномена субъективного экономического благополучия на оценку качества жизни : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2003.

личностным ресурсам (способностям, возможностям) его роста. Другими словами, это интегральный психологический показатель жизни человека, выражающий его отношение к собственному актуальному и будущему материальному благосостоянию.

Изучение субъективного экономического благополучия студентов имеет свою значимость. В студенчестве вырабатываются ценностные ориентации, складывается мировоззрение как система обобщенных представлений о мире, людях и экономическом поведении. Психологическое благополучие студентов представляет собой непрерывный процесс восхождения и осуществления личностной самоактуализации; неблагополучие же влечет за собой неспособность стать полноценным индивидом. Несмотря на то что не всегда можно говорить о полных проявлениях вовлеченности студентов в экономические отношения, они продолжают получать опыт взаимодействия с экономическим миром взрослых, испытывают на себе его влияние, включаются в самостоятельную экономическую деятельность. В практическом плане данные об уровнях субъективного экономического благополучия – это показатели эффективности экономической политики государства, психологический индикатор развития экономики.

В эмпирическом исследовании приняли участие 150 человек: 65 юношей и 85 девушек в возрасте от 17 до 28 лет (студенты университетов 1–5-х курсов различных специальностей из Минска, Гродно и Новополоцка). Выбор данной категории обусловлен разнообразным опытом и различной экономической вовлеченностью студентов на разных этапах обучения. Студенческая молодежь является активной экономической группой населения, тенденции развития которой определяют как собственную перспективу жизни юношей и девушек, так и будущее общества. Для исследования были выбраны учащиеся из различных городов с разной численностью населения и географическим расположением.

Методом исследования являлся опрос. Методикой служил опросник субъективного экономического благополучия В. А. Хашенко, который дополнялся вопросами, касающимися пола, возраста, курса обучения и источников финансового обеспечения респондентов.

В результате исследования у 68 % респондентов был выявлен средний уровень субъективного экономического благополучия, у 16 % опрошенных – высокий, еще у 16 % юношей и девушек – низкий. В целом участники опроса удовлетворены своим экономическим благосостоянием, позитивно оценивают материальные аспекты своей жизни, однако у них существуют некоторые негативные финансовые ожидания.

Юноши имеют более высокий уровень субъективного экономического благополучия, чем девушки. Найдены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$). Это может быть связано с тем, что студенты склонны считать себя более сильными, энергичными, властными и деловыми, чем студентки, при этом они нередко переоценивают свои способности и положение среди сверстников, не любят признавать собственные слабости. Девушки более самокритичны и чувствительны. Результаты настоящего исследования не согласуются с данными исследования субъективного экономического благополучия А. В. Шперлинь, которые не выявили различий в уровне субъективного экономического благополучия у мужчин и женщин [4]. Это может быть связано с тем, что в студенчестве в процессе экономической социализации юноши склонны оценивать свое экономическое благополучие выше, чем девушки, под влиянием гендерных стереотипов. Принято считать, что мужчина должен обладать более высоким социально-экономическим статусом, большей продуктивностью и уровнем финансовых достижений при реализации экономического поведения. А поскольку в период студенчества более выраженным мотивом становится стремление реализовать свои возможности при достаточно небольшом опыте самообеспечения, финансовые ожидания, как правило, позитивны, а взгляды в целом устремлены в будущее, проявляются оптимизм и желание соответствовать принятым стандартам, что порождает уверенность (порой не подкрепленную реальным опытом) юношей в материальной сфере. Таким образом, экономический оптимизм в студенчестве тесно связан с небольшим опытом самостоятельного заработка и особенностями семейного воспитания. Результаты исследования субъективного экономического благополучия студенческой молодежи представлены в табл. 1.

Таблица 1

Интегральный уровень субъективного экономического благополучия студентов

Table 1

Integral level of subjective economic well-being of students

Студенты	Количество (N)	Средний ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Юноши	65	55,88	3129,00	0,008
Девушки	85	43,66	1921,00	

Были выявлены статистически значимые различия в уровне субъективного экономического благополучия ($p \leq 0,01$) у респондентов из Минска и Новополоцка, а также студентов из Гродно и Новополоцка. Между участниками опроса из Гродно

и Минска статистически значимых различий не обнаружено.

Студенты из Минска и Гродно оценили свой уровень субъективного экономического благополучия выше, чем студенты из Новополоцка (табл. 2).

Таблица 2

Интегральный уровень субъективного экономического благополучия студентов по группирующей переменной «город»

Table 2

Integral level of subjective economic well-being of students by grouping variable «city»

Город	Количество (N)	Средний ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Минск	48	40,41	1657,00	0,007
Новополоцк	50	29,97	899,00	
Гродно	52	35,62	1033,00	0,002
Новополоцк	50	24,57	737,00	

Это может быть связано с экономико-географическим положением городов, типом населенного пункта, а также влиянием тенденций приграничных городов. Как правило, малые города в большей степени подвержены кризисным явлениям. Узкий выбор будущего места профессиональной деятельности и невысокие доходы в первую очередь отражаются на восприятии экономической ситуации в стране. Жители малых и средних городов, в число которых входит Новополоцк, сталкиваются с многообразными трудностями экономического обеспечения, невозможностью реализовать свой профессиональный и, как следствие, экономический потенциал, что сказывается на уровне их субъективного экономического благополучия. Крупные города предоставляют более широкий спектр возможностей для профессиональной и экономической деятельности, выбора разнообразных форм финансовой активности. Жители малых городов в большей степени испытывают состояние напряжения, связанное с фрустрацией профессиональной и экономической активности, отсутствием перспектив при сохранении места жительства, они острее воспринимают имущественную дифференциацию, собственные нереализованные экономические и социальные возможности, что сказывается на их финансовых ожиданиях.

Кроме того, было обнаружено, что у студентов, обеспечивающих себя самостоятельно, уровень субъективного экономического благополучия ниже, чем у тех, кто находится на обеспечении родителей. Получены результаты высокой статистической значимости ($p \leq 0,01$). Возможно, это связано с тем, что студенты, которые находятся на полном родительском обеспечении, имеют не-большой опыт самостоятельного экономического

поведения, не вовлечены в финансовые аспекты существования собственной семьи (например, родители удовлетворяют все их запросы и не демонстрируют, каких усилий требует финансовая безопасность семьи). Такой стиль экономического семейного воспитания может сохранять у детей оптимизм и высокую оценку экономического благополучия в будущем. Студенты, активно вовлеченные в экономическую деятельность и обеспечивающие себя самостоятельно, уже столкнулись в процессе экономической социализации с большим количеством денежных фрустраций и неудач, что оказывает влияние на их оценку собственного экономического благополучия.

Индекс экономического оптимизма/пессимизма (ИЭО) отражает оценку внешних и внутренних условий роста материального благополучия. Студенты (как юноши, так и девушки), принявшие участие в исследовании, склонны оценивать условия материального благополучия негативно. Это может быть связано с особенностями рассматриваемого периода, а именно: постепенным ростом экономической активности, фрустрированностью на начальных этапах экономического поведения, желанием реализовать свой потенциал и достичь финансовых успехов и одновременно столкновением с экономическими проблемами или невозможностью осуществить подобные устремления. Это касается и представителей студенчества из различных городов. Как показало исследование, особенности данного периода в большей степени оказывают влияние на экономический оптимизм/пессимизм, чем проживание на определенной территории и размер населенного пункта.

Были выявлены статистически значимые различия ($p < 0,01$) в уровне экономического оптимизма/

пессимизма у студентов 1-х и 5-х курсов. Это можно объяснить тем, что студенты 1-го курса, как правило, находятся на обеспечении родителей и меньше вовлечены в экономическую сферу. Студенты же последних курсов в полной мере участвуют в экономических процессах, уже могли столкнуться с собственными финансовыми неудачами. В этот период остро стоит вопрос о трудоустройстве и оплате труда и, следовательно, экономические ожидания будут менее оптимистичны.

Индекс адекватности дохода (ИАД) позволяет оценить соответствие размера дохода запросам и потребностям личности. Студенты из различных городов оценивают соответствие дохода своим потребностям одинаково – на среднем уровне. Это говорит о том, что в целом потребности юношей и девушек удовлетворены, но присутствуют ожидания, касающиеся улучшения материального благосостояния для удовлетворения своих запросов и потребностей.

Индекс благосостояния семьи (ИБС) отражает субъективные оценки материального положения семьи. В целом респонденты оценили благосостояние своей семьи на среднем уровне, значимых отличий у юношей и девушек из разных городов в оценке семейного благосостояния обнаружено не было. Это может быть связано с относительной адекватностью дохода личным запросам студентов. Поскольку потребности и запросы удовлетворены, финансовое состояние семьи оценивается в этом возрасте на таком же уровне.

Индекс финансовой депривированности (ИФД) отражает степень достатка или недостатка финансовых средств. В целом было выявлено, что студенты из различных городов оценивают достаток финансовых средств на среднем уровне. Поскольку финансовые ожидания в данный период довольно высоки, а вовлеченность в экономическую сферу еще неполная, студенты склонны испытывать противоречивые чувства по отношению к денежному достатку или недостатку. С одной стороны, финансовых средств семьи достаточно для удовлетворения потребностей студентов, но с другой – становление в экономической сфере предполагает обретение собственных финансовых ресурсов, что в данный период может быть связано с определенными трудностями.

Индекс экономической тревожности (ИЭТ) демонстрирует оценку выраженности негативных эмоциональных состояний в связи с финансовыми и материальными проблемами. Статистически значимых различий в экономической тревожности юношей и девушек из различных городов обнаружено не было. Студенты на одинаковом уровне демонстрируют негативные эмоциональные состояния в связи с материальными проблемами. Позитивные финансовые ожидания и оптимизм, направленные на будущее, при столкновении с финансовыми неудачами вызывают у студентов из разных городов сходную реакцию тревоги и негативные эмоции. В табл. 3 приведены общие данные для различных группирующих переменных.

Таблица 3

Субъективное экономическое благополучие студентов

Table 3

The subjective economic well-being of students

№ п/п	Группирующая переменная	Средний ранг по шкалам				
		ИЭО	ИАД	ИБС	ИФД	ИЭТ
1	Минск N = 48	34,11	33,34	35,95	34,30	33,81
	Гродно N = 52	38,98	40,90	34,38	38,50	39,73
	Уровень значимости	0,247	0,144	0,708	0,247	0,143
2	Гродно N = 52	26,80	27,20	26,83	24,50	29,35
	Новополоцк N = 50	24,63	24,36	24,62	26,17	22,93
	Уровень значимости	0,490	0,366	0,408	0,336	0,174
3	Минск N = 48	39,72	39,08	42,75	37,70	42,29
	Новополоцк N = 50	41,80	42,87	35,75	45,17	37,75
	Уровень значимости	0,626	0,333	0,147	0,024	0,212
4	Студенты 5-го курса N = 30	48,38	47,51	48,06	47,21	47,09
	Студенты 1-го курса N = 32	51,59	52,04	51,76	52,20	52,26
	Уровень значимости	0,003	0,307	0,454	0,175	0,272

Обобщив результаты исследования, можно сделать ряд выводов. В целом студенты удовлетворены своим экономическим благосостоянием, однако для

них характерны негативные финансовые ожидания в отношении будущего. Юноши склонны оценивать свое экономическое благополучие выше, чем

девушки. Место жительства также оказывает определенное влияние на субъективное экономическое благополучие студентов: в малых городах в большей степени наблюдаются негативные финансовые ожидания. Опыт самостоятельного экономического поведения (необходимость трудоустройства, самостоятельное финансовое обеспечение) снижает уровень экономического оптимизма.

Полученные данные могут быть использованы в педагогическом сопровождении экономической

социализации студентов, процессе их адаптации к рынку, разработке практических программ, направленных на решение вопросов, касающихся вхождения подрастающего поколения в систему экономических отношений. Кроме того, результаты исследования могут найти применение в качестве психологического индикатора экономического развития страны, а также послужить важным вкладом в повышение эффективности социально-экономической политики государства.

Библиографические ссылки

1. Strumpel B. Economic well-being as an object of social measurement // *Subjective Elements of Well-being*. Paris, 1974. P. 75–122.

2. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидация // *Эксперимент. психология*. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127.

3. Хащенко В. А. Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05. М., 2012.

4. Шперлин А. В. Значение гендерных различий и семейного статуса в детерминации субъективного экономического благополучия // *Вестн. ТГПУ*. 2014. № 1. С. 66–71.

References

1. Strumpel B. Economic well-being as an object of social measurement. *Subjective Elements of Well-being*. Paris, 1974. P. 75–122.

2. Khashchenko V. A. [Subjective economic well-being and its measurement: the construction of the questionnaire and its validation]. *Jeksp. psikhol.* 2011. Vol. 4, No. 1. P. 106–127 (in Russ.).

3. Khashchenko V. A. [Socio-psychological determination of subjective economic well-being] : avtoreferat dissertatsii doktora psikhol. nauk : 19.00.05. Moscow, 2012 (in Russ.).

4. Shperlin' A. V. [Gender differences and family status as determining factors of subjective and economic well-being]. *TSPU Bull.* 2014. No. 1. P. 66–71 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 23.01.2017.
Received by editorial board 23.01.2017.*

УДК 159.9:61

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. Н. МЯСИЩЕВА

Э. А. СОКОЛОВА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Республика Беларусь

Раскрывается представленность психологических проблем в творчестве классика психологии – В. Н. Мясищева. Целью настоящего исследования является установление понимания ученым психологических проблем. Методом исследования послужил теоретический анализ литературы путем интерпретации текстов ряда произведений В. Н. Мясищева. Показаны предпосылки, условия возникновения, составляющие и динамика существования психологических проблем. Описано взаимодействие личности и психологической проблемы. Результаты исследования могут быть использованы практическими психологами при работе с клиентами.

Ключевые слова: патогенная ситуация; невроз; психологическая проблема; переживания; субъект; личность.

REPRESENTATION OF PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN THE RESEARCH OF V. N. MYASISCHEV

E. A. SOKOLOVA^a

^aFrancisk Scorina Gomel State University,
Sovetskaya street, 104, 246019, Gomel, Republic of Belarus

The study revealed the representation of psychological problems in the work of V. N. Myasishev. The purpose of the study is to establish understanding of psychological problems by V. N. Myasishev. The method of research was the theoretical analysis of the literature by interpreting the texts of a number of works by V. N. Myasishev. Prerequisites and conditions of their origin, components of psychological problems, personality and psychological problems of the interaction, the dynamics of the emergence and existence of psychological problems are being shown. Results of the study can be used by practical psychologists working with clients.

Key words: pathogenic situation; neurosis; a psychological problem; experience; subject; personality.

Введение

В настоящее время человечество столкнулось с всплеском проблем, главная из которых, возможно, расхождение линий технологического и культурального развития общества. Культуральное развитие разделилось на две ветви – прогресса и регресса, что создает, с одной стороны, их противостояние, а с другой – вторичные проблемы терроризма, мас-

совой миграции, взаимоотношения культур, выживания и личностного роста в огромном потоке информации и изменяющихся природных и технологических условиях существования. Социальные и биологические проблемы отражаются в сознании субъекта, некоторые из них понимаются и переживаются как собственные (психологические). Эта

Образец цитирования:

Соколова Э. А. Представленность психологических проблем в исследованиях В. Н. Мясищева // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 98–103.

For citation:

Sokolova E. A. Representation of psychological problems in the research of V. N. Myasishev. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 98–103 (in Russ.).

Автор:

Эмилия Александровна Соколова – кандидат медицинских наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета психологии и педагогики.

Author:

Emilia Sokolova, PhD (medical science), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and pedagogics.
emiliasokolova@yandex.ru

часть значительна и труднорешаема, несмотря на многочисленные публикации на данную тему в последние годы (В. К. Зарецкий, Н. С. Смирнова, Ю. В. Зарецкий, Н. М. Евлашкина, А. Б. Холмогорова, М. А. Одинцова, Е. М. Коротеева, Г. М. Андреева, С. В. Будыкин, Н. В. Дворянчиков, М. Ю. Дурнева, Т. А. Мешкова, А. В. Колодина, В. Е. Купченко, Л. С. Сабирова, Н. Л. Белопольская, И. С. Литовченко, Т. М. Савельева, Л. С. Валиулина и др.).

Категория психологической проблемы как научное понятие в психологии раскрыта недостаточно. Это же относится и к анализу понимания психологических проблем в классических и современных исследованиях. Между тем такой анализ необходим для обоснования этого понятия в качестве научной категории.

Одним из классиков современной психологии является В. Н. Мясищев. Его вклад в изучение личности, теории отношений, неврозов и другой психической патологии, психических заболеваний, проблем работоспособности служит опорой для многих научных исследований в разных направлениях психологии. Подробный анализ научного творчества В. Н. Мясищева в области патогенетической психотерапии, психологии отношений, теории личности, особенностей характера, концепции неврозов и типов невротических конфликтов содержится в некоторых исследованиях [1 и др.]. Однако исследование представленности психоло-

гических проблем в научном творчестве В. Н. Мясищева отсутствует.

Работы В. Н. Мясищева находятся на стыке медицины и психологии и позволяют соотносить биологические и психологические изменения личности, происходящие в определенных социальных условиях [2–4]. Все это имеет значение для понимания психологических проблем [5], анализ освещения которых в исследованиях В. Н. Мясищева мог бы внести вклад не только в их углубленное осознание, но и переосмысление творчества выдающегося классика психологии.

Целью настоящего исследования является установление понимания психологических проблем В. Н. Мясищевым. Методом исследования послужил теоретический анализ литературы путем интерпретации текстов ряда произведений В. Н. Мясищева. Интерпретация текстов в настоящее время широко используется для анализа не только художественных текстов, но и научных [6; 7]. При этом в интерпретациях не излагается содержание произведения (это не реферат), а представлено понимание составляющих текста интерпретатором [6] с позиции цели его исследования. Выводы интерпретатор делает на основании анализа не всего гештальта произведения автора (хотя это также возможно), а тех составляющих текста, в которых, по мнению интерпретатора, представлено то, что поможет раскрыть цель исследования.

Анализ произведений В. Н. Мясищева путем интерпретации текстов

Как пишет В. Н. Мясищев, «невроз – это болезнь, возникающая вследствие конфликта человека с окружающей его действительностью, конфликта, разрушающего его социальные связи, изолирующего его» [2, с. 55].

Исследователь располагает «конфликт личности с действительностью» [2, с. 55] по оси времени до начала невроза и считает его причиной невроза. Конфликт сначала разрушил социальные связи, привел к изоляции, а затем к неврозу и, следовательно, имел негативную динамику.

Относительно конфликта В. Н. Мясищев уточняет: «Не отказываясь от распространенного понятия конфликта, мы предпочитаем более широкое и более правильное понятие противоречия личности и действительности. Конфликт представляет один из видов противоречия» [2, с. 55].

Ученый осознает, что слово «конфликт» – не совсем подходящее название для того процесса или состояния, которое предшествует неврозу. Как пишет В. Н. Мясищев, «невроз возникает только тогда, когда конфликт личности с действительностью не может быть переработан так, чтобы исчезло патогенное напряжение, чтобы был найден рациональный, продуктивный выход из возникшего положения» [2, с. 57].

Из этого можно сделать следующие выводы:

- конфликту («противоречию личности с действительностью»), точнее внешнему конфликту, сопутствует внутренний – между желанием его разрешить и невозможностью это сделать, что проявляется в форме патогенного напряжения. Иными словами, возникает проблема, человек переживает по ее поводу и пытается найти выход;
- появляется определенное отношение человека к этой проблеме.

Исследователь указывает на характер этого отношения: «Только тогда, когда мы говорим об отношениях человека, это приобретает еще новый смысл: отношения субъекта к объекту, в котором субъект, иначе человек, сознателен, избирателен, активен и инициативен» [2, с. 113]. При этом В. Н. Мясищев подчеркивает, что «отношения человека – это не часть личности, а потенциал ее психической реакции в связи с каким-либо предметом, процессом или фактом действительности» [3, с. 236]. В представленном исследовании – в связи с психологической проблемой.

Психологическая проблема человека – его собственная, в отношении к которой (как к объекту) субъект (человек) «сознателен, избирателен, активен и инициативен» [2, с. 113]. По мнению ученого,

отношения характеризуют всего человека, а не какую-либо сторону его психики [2, с. 114].

Если субъекта в отношениях характеризуют сознательность, избирательность, активность и инициативность, то личность в отношениях проявляется в форме переживаний. Как пишет В. Н. Мясищев, «в формулу роли переживания надо внести существенную поправку: переживание оказывается при более глубоком анализе производным от личности переживающего и само должно быть объяснено в связи с ее особенностями» [2, с. 237].

Переживание в случае психологической проблемы – это индивидуально-личностная характеристика. Ученый отмечает: «Свойства отношений, состояний и деятельности выступают как свойства личности» [3, с. 10].

В последующих высказываниях В. Н. Мясищев раскрывает, что такое «сознателен, избирателен, активен и инициативен»: «Наша внутренняя активность проявляется тенденцией к деятельности, направленной в сторону наибольшего интереса и поднимающейся от внутреннего темного влечения к целеустремленной осознанной потребности» [3, с. 143].

В случае психологической проблемы у человека возникает потребность в ее разрешении.

«Критериями интенсивности потребности являются:

- а) преодоление трудностей в ее удовлетворении;
- б) устойчивость тяготения во времени;
- в) внутреннее побуждение, которое или отчетливо, явно, или скрыто выражается в речи, в речевом отчете;
- г) соотношение потребности и требований окружающего» [3, с. 103].

То есть ценность неудовлетворенной потребности высока и имеет определенную протяженность во времени. «Потребность как активно-положительное отношение человека к объекту его потребности является одновременно отражением в сознании человека как этого объекта, так и связи человека и состояния “тяготения” его к этому объекту» [2, с. 156].

Человек осознает и понимает как свою потребность, так и свое желание ее реализовать. Речь идет о когнитивной составляющей психологической проблемы, но не об ее иррациональности. Соотношение потребности и условий окружающего указывает на системность взаимодействия человека с его средой. Активность в отношении разрешения психологической проблемы или сосуществования с ней обусловлена не только ею самой, но и ее встроенностью в сложные внешние и внутриличностные взаимоотношения субъекта – носителя психологической проблемы.

По этому поводу В. Н. Мясищев писал: «Развитие и рост активности делают поведение все более внутренне обусловленным, причем поступки человека

перестают определяться ситуацией момента – рамки актуальной ситуации бесконечно расширяются ретроспективно и перспективно» [3, с. 139].

Чем более развита активность, тем в меньшей степени поведение ситуативно обусловлено.

«На первый взгляд, – пишет автор, – источник патологии заключается прежде всего в том, что требования, потребности, стремления, желания личности не удовлетворяются теми или иными моментами действительности. Однако известное несоответствие между потребностями и возможностями их непосредственного удовлетворения является существенным моментом в развитии личности: несоответствие мобилизует нашу деятельность, заставляет нас напрягаться, нас активизирует» [2, с. 238].

В отличие от когнитивистов В. Н. Мясищев не ограничивает психологическую проблему только когнитивной составляющей, а, с одной стороны, указывает на то, что в основе психологической проблемы лежит невозможность удовлетворить актуальную потребность, с другой – наряду с негативной раскрывает и ее позитивную, мобилизующую роль. Создается мотивация разрешения проблемы, активизируется личность.

В следующем высказывании ученого уже звучит иррациональность когнитивной составляющей психологической проблемы: «Патогенность ситуации, таким образом, заключается в неумении рационально, иначе продуктивно, преодолеть трудность или неспособности отказа от неосуществимых стремлений» [2, с. 239].

Исследователь выделяет поведенческую составляющую психологической проблемы, но в отличие от бихевиористов [8] не сводит психологическую проблему только к особенностям поведения.

В основе психологической проблемы (у В. Н. Мясищева – патогенной ситуации) лежат трудность реализации потребности и неспособность от нее отказаться. В понимании психологической проблемы исследователь идет от личности к ситуации. Такую позицию поясняет следующее его высказывание: «...Отдаленной причиной невроза являются условия истории развития личности. <...> История жизни формирует личность с определенными психическими качествами и качествами организма, определяющими как взаимоотношение человека с окружающим, так и его возможности, его стойкость и выносливость» [2, с. 256].

Ученый указывает на то, что «процесс деятельности всегда развивается на определенном функционально-динамическом фоне состояния и по уровню своей активности определяется отношением к объекту как задаче или цели деятельности» [3, с. 10].

Функционально-динамический фон состояния не может не влиять на уровень активности и постановку цели [4]. «Непосредственное отношение, –

пишет В. Н. Мясищев, – определяется отношением к процессу, к цели и обстановке деятельности; оно также определяется тем психофизиологическим состоянием, которое характеризуется как состояние активное или пассивное» [3, с. 16].

Пассивное отношение к цели может ее изменить: например, цель разрешения проблемы заменить целью сосуществования с ней. В этом, наряду с другими составляющими личности, может играть роль и психофизиологическое состояние. Попадая в трудную ситуацию, человек с конкретными психическими качествами сам определяет, является для него ситуация проблемной или нет. Однако «не всегда неудачи и потрясения порождают невроз» [2, с. 238]. При этом «индивидуализм и эгоцентризм, замкнутость и скрытность, тенденциозная, эмоциональная («кататимная») переработка впечатлений, недостаточно критическое отношение к себе и самолюбование являются не только источником психической травматизации, но и причиной болезненно-неадекватной патологически односторонней переработки жизненных трудностей» [3, с. 23].

Как пишет В. Н. Мясищев, «патогенная ситуация, в соответствии с точным смыслом слова, представляет то положение, в котором оказывается личность с ее качествами (преимуществами и недостатками), сочетанием условий, лиц, с которыми она взаимодействует, со стечением обстоятельств, создающих неразрешимый клубок внешних и внутренних трудностей. В этой ситуации возникает ряд субъективных переживаний противоречивого характера» [2, с. 239].

Ученый указывает на предпосылки (особенности личности) и условия (ситуацию) возникновения психологической проблемы, которая проявляется в форме внешних и внутренних трудностей, противоречивых переживаний, неконструктивного поведения: «Приводящая к психоневрозу патогенная ситуация характеризуется ее индивидуальной и относительной неразрешимостью, т. е. неразрешимостью для данного субъекта в данной обстановке, его неспособностью или неумением найти продуктивный, рациональный выход в данных условиях» [2, с. 240]. Субъект пытался разрешить патогенную ситуацию, но не справился с этим.

«Новые условия и обстоятельства жизни, – пишет автор, – встречаются со сформированной личностью, перерабатываются на этой почве, причем могут изменить сложившиеся отношения – привязанности, взгляды, интересы и т. д. Вместе с тем они испытывают функциональные возможности личности-организма от высших психических, интеллектуально-волевых качеств до элементарных физиологических качеств – кишечника, сосудов, терморегуляции и т. п.» [2, с. 256].

Определенная не разрешимая для человека психологическая проблема имеет динамику в ряде направлений:

- изменении сложившихся отношений – привязанностей, взглядов и интересов;
- воздействии на биологическую составляющую личности;
- возможности проявить свои интеллектуальные и волевые качества.

По мнению автора, «другую картину мы имеем в реактивном психоневрозе, который остро возникает у личности, до того здоровой, под влиянием тяжелого, острого переживания или трудно разрешимой противоречивой и напряженной ситуации. <...> Источники болезненного состояния лежат по преимуществу в трудной ситуации, но не во внутренней структуре личности» [2, с. 257].

При ином варианте развития событий В. Н. Мясищев ставит во главу угла уже не личность, а трудную ситуацию. При таком варианте «отмечаются тяжелые условия при нормальных тенденциях личности, а нарушение нервной динамики может быть объяснено тяжестью ситуации»; при первоначальном – «личность и ее тенденции имеют болезненный характер и создают конфликтные ситуации, а патологические переработки представляют привычный и характерный для нее способ реагирования» [2, с. 258].

И при первом, и при втором вариантах перехода к неврозу существует противоречие между актуальной потребностью и возможностью ее реализации. «Неразрешаемое противоречие, – объясняет В. Н. Мясищев, – повышает эффективность, нарушает рациональную переработку; это нарушение, в свою очередь, обостряет противоречие и вновь усиливает функциональную дезорганизацию» [2, с. 241]. Исследователь показывает взаимосвязь, динамику и взаимоусиливающее воздействие составляющих «неразрешаемого противоречия»: «Противоречие само по себе не создает невроза; необходимым условием является нерациональное и непродуктивное его разрешение, субъективный, иррациональный, связанный с повышением эффективности способ переработки. Аффективное напряжение, в свою очередь, не представляет еще психоневроза, но тогда, когда оно дезорганизует психическую и соматическую деятельность, мы имеем дело с болезнью – с психоневрозом» [2, с. 241].

Автор подчеркивает важность следующих составляющих психологической проблемы: иррационального способа переработки информации, аффективного напряжения и его влияния на переработку информации, нерационального способа решения проблемы.

Как отмечает В. Н. Мясищев, в каждый психологический факт в той или иной степени включены три аспекта: познавательный, волевой и эмоциональный [3]. Они находят отражение в трех составляющих психологической проблемы как психологического факта в его целостности.

Существует противоречие между потребностью и возможностью ее удовлетворения (это еще не невроз), которое сопровождается аффективным напряжением (и это также еще не невроз). Ученый отмечает следующие этапы перехода к неврозу:

- депривация потребности;
- формирование противоречивого переживания по схеме «не могу достигнуть, но не хочу отказать»;
- «противоречие самого аффективного фона в завязке болезненного состояния» [2, с. 239];
- аффективное напряжение, которое, в свою очередь, «не представляет еще психоневроза, но тогда, когда оно дезорганизует психическую и соматическую деятельность, мы имеем дело с болезнью – психоневрозом» [2, с. 241].

То есть В. Н. Мясищев показывает динамику психологической проблемы, обозначая ее как патогенную ситуацию.

Таким образом, автор указывает на то, что психоневрозу предшествует психологическая проблема. Однако это – только один из вариантов развития

ситуации. По мнению ученого, «тяжелые условия детства, острые повторные потрясения, длительные безвыходные ситуации, неразрешенные внешние и внутренние конфликты, неудовлетворенные потребности, несправедливые обиды, раздражающие и угнетающие неудачи – все это, накапливаясь, создает болезненные изменения характера – “невротическую личность”, болезненные черты которой в дальнейшем сами становятся источником конфликтов и патогенных переживаний» [2, с. 257].

Психологическая проблема может не просто лежать в основе невроза, а являться его следствием. «Терапевтический эффект при психоневрозах, – отмечает ученый, – основывается на разрешении патологической ситуации, причем последнее достигается за счет изменения внешних условий или за счет психотерапии, изменяющей отношение и реакции личности на окружающие ее условия» [2, с. 266]. Иными словами, В. Н. Мясищев предусматривал воздействие (которое он не относил к психотерапии) не только на личность, но и на ситуацию.

Выводы

Обобщая понимание ученым психологических проблем, можно сделать следующие выводы. Так, В. Н. Мясищев:

- 1) считает, что неврозу предшествует «патогенная ситуация»;
- 2) описывает не только патогенную ситуацию, но и ее воздействие на личность;
- 3) связывает патогенность ситуации с неумением «рационально, иначе продуктивно, преодолеть трудности или неспособностью отказа от неосуществимых стремлений»;
- 4) в описании патогенной ситуации указывает на ряд переживаний субъективного характера;
- 5) полагает, что, объединяя патогенную ситуацию и ее воздействие на личность, можно говорить о психологической проблеме;
- 6) не называет описываемое им объединение патогенной ситуации и ее воздействие на личность психологической проблемой, однако перечисляет ее составляющие;
- 7) указывает на то, что эти составляющие включают в себя депривацию потребности, когнитивные искажения, аффективные переживания, неконструктивное поведение;

8) отмечает, что взаимодействие составляющих психологической проблемы может иметь негативную динамику, приводя к неврозу;

9) описывает предпосылки и условия возникновения психологической проблемы;

10) придерживается мнения о том, что психологическая проблема приводит к изменению сложившихся отношений – привязанностей, взглядов и интересов, воздействует на биологическую составляющую личности и предоставляет возможность проявить свои интеллектуальные и волевые качества;

11) упоминает как позитивную, так и негативную составляющие психологической проблемы;

12) объясняет, что поскольку психологическая проблема является объектом относительно субъекта – ее носителя, то по отношению к ней человек может вести себя как субъект по отношению к объекту, проявляя сознательность, избирательность, активность и инициативу;

13) считает, что неврозу предшествует психологическая проблема, при этом на фоне невроза возможно появление психологических проблем;

14) при оказании помощи пациенту предусматривает работу не только с ним, но и с ситуацией.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование раскрывает представленность психологических проблем в творчестве В. Н. Мясищева, способствует переосмыслению его вклада в современную пси-

хологию, может быть использовано практически психологами при работе с пациентами, а также в учебном процессе при изучении истории психологии.

Библиографические ссылки

1. Александров А. А. Современная психотерапия. СПб., 1997.
2. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Ленинград, 1960 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.klex.ru/3gv> (дата обращения: 02.03.2017).
3. Мясищев В. Н. Психология отношений [Электронный ресурс]. URL: http://lib100.com/common_psychology/psihologiya_otnosheniya/html/?page (дата обращения: 02.03.2017).
4. Мясищев В. Н. Работоспособность и болезни личности // Хрестоматия по патопсихологии / под ред. Б. В. Зейгарник, А. П. Корнилова, В. В. Николаевой. М., 1981. С. 36–49.
5. Соколова Э. А. Психологические проблемы человека и социальной группы. Гомель, 2012.
6. Знаков В. В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопр. психологии. 2009. № 4. С. 14–23.
7. Голев Н. Д., Сергеев А. В. Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование // Вестн. КемГУ. 2008. № 4. С. 126–130.
8. Техники консультирования и психотерапии / ред. и сост. У. С. Сахакиан. М., 2000.

References

1. Aleksandrov A. A. [Modern psychotherapy]. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
2. Myasishchev V. N. [Personality and neurosis]. Leningrad, 1960. URL: <http://www.klex.ru/3gv> (date of access: 02.03.2017) (in Russ.).
3. Myasishchev V. N. [Psychology of relations]. URL: http://lib100.com/common_psychology/psihologiya_otnosheniya/html/?page (date of access: 02.03.2017) (in Russ.).
4. Myasishchev V. N. [The efficiency and personality diseases]. *Khrestomatiya po patopsikhologii*. Moscow, 1981. P. 36–49 (in Russ.).
5. Sokolova E. A. [Psychological problems of human and social group]. Gomel, 2012 (in Russ.).
6. Znakov V. V. [Three traditions of psychological research – three types of understanding]. *Vopr. psikhol.* 2009. No. 4. P. 14–23 (in Russ.).
7. Golev N. D., Sergeev A. V. [Variability implementation of interpretive potential of the text: an experimental study]. *Bull. Kemerovo State Univ.* 2008. No. 4. P. 126–130 (in Russ.).
8. Sakhakian U. S. (ed.). [Counseling and psychotherapy techniques]. Moscow, 2000 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 08.07.2016.
Received by editorial board 08.07.2016.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ И ЕГО МЕСТЕ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

И. Н. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Республика Беларусь

Проанализированы феномен эмоционального интеллекта и его место в структуре личности с точки зрения различных подходов к изучению (вид интеллекта, компонент эмоциональной сферы, метапроцессуальный феномен или совокупность некогнитивных способностей). Предлагается рассматривать данный феномен как интегральное когнитивно-личностное образование с наиболее выраженным когнитивным компонентом, совокупность умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими, компетенций, связанных с обработкой и трансформацией эмоциональной информации, а также коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных личностных свойств, содействующих адаптации индивида.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; интеллект; эмоции; социальный интеллект.

CURRENT CONCEPTS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ITS PLACE IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY

I. N. ANDREYEVA^a

^aPolotsk State University, Blokhin street, 29, 211440, Novopolotsk, Republic of Belarus

The article analyzes the phenomenon of emotional intelligence and its place in the structure of personality in terms of the different approaches to the study of his (kind of intelligence component of the emotional sphere, metaprotsessualny phenomenon or set of non-cognitive abilities). Summing up the various points of view on the phenomenon of emotional intelligence, the author proposes to consider it as an integral cognitive-personal formation with the most severe cognitive component, as a set of mental abilities to understand the emotions and management, competencies related to the processing and transformation of emotional information and communicative, emotional, intellectual and regulatory personality properties that contribute to the adaptation of the individual.

Key words: emotional intelligence; intellect; emotions; social intelligence.

Открытие феномена эмоционального интеллекта (ЭИ) явилось логичным следствием развития представлений о взаимосвязи когнитивных и аффективных процессов. Термин «эмоциональный интеллект» был введен в концептуальный аппарат психологии в 1990 г., когда Дж. Д. Мэйер и Р. Сэловей впервые определили его в качестве компонента социального интеллекта (СИ), включающего в себя

способность отслеживать собственные чувства и чувства других людей, различать их и использовать данную информацию для управления мышлением и действиями [1], и предложили методику для его измерения. Первоначально новое понятие воспринималось как оксюморон, вводящая в заблуждение метафора. Однако в последнее время были открыты физиологические механизмы ЭИ, среди

Образец цитирования:

Андреева И. Н. Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 104–109.

For citation:

Andreyeva I. N. Current concepts of emotional intelligence and its place in the structure of personality. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 104–109 (in Russ.).

Автор:

Ирина Николаевна Андреева – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры технологии и методики преподавания спортивно-педагогического факультета.

Author:

Iryna Andreyeva, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of technology and methods of teaching, faculty of physical training education.
i.andreeva@tut.by

которых важнейшее место занимает деятельность определенных областей мозга: лимбической системы и, в частности, амигдалы [2], орбитофронтальной коры [3], зеркальных нейронов [4].

Эволюцию представлений об ЭИ можно проследить на материале его определений [5]. Общими для большинства трактовок являются представления о том, что индивиды с высоким уровнем развития ЭИ обладают выраженными способностями к пониманию эмоций (собственных и других людей), их выражению и управлению ими, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении и деятельности. При этом в зарубежных определениях ЭИ обозначается как *ability*, *capacity* или *competence*. На русский язык указанные термины переводятся как способность, однако семантически их значения различаются: *abilities* означает потенциальные возможности, прежде всего физические; *capacities* – умственные способности в сочетании с потенциалом человека; *competence* – компетентность, умение [6]. Отличия между ключевыми терминами указывают на различную расстановку акцентов – ЭИ рассматривается как врожденные возможности, приобретенные компоненты способностей, когнитивные компетенции в области эмоций. Хотя это понятие нуждается в ясной концептуальной модели, взгляды на определение его места в структуре личности существенно разнятся. Эмоциональный интеллект интерпретируется как:

- когнитивная способность (вид интеллекта);
- компонент эмоциональной сферы личности;
- метапроцессуальный феномен;
- совокупность некогнитивных способностей;
- сочетание когнитивных способностей и личностных свойств.

Попытки встроить ЭИ в концептуальное поле интеллекта привели к тому, что в настоящее время это понятие анализируется с различных точек зрения, а именно:

- как подструктура СИ в рамках теории множественного интеллекта;
- более широкое понятие, включающее в себя СИ;
- феномен, тождественный СИ;
- феномен, который частично пересекается с СИ;
- феномен, независимый от СИ, но включенный вместе с ним в общее концептуальное поле личностного интеллекта;
- часть межличностного интеллекта;
- подструктура кристаллического интеллекта;
- некая латентная переменная.

В соответствии с *первой* точкой зрения на место ЭИ в структуре личности это понятие рассматривается как компонент социального интеллекта. В структуре последнего ЭИ включает в себя способность наблюдать за собственными эмоциями и эмоциями других людей, различать их и исполь-

зовать эту информацию для управления мышлением и действиями [7].

Согласно *второму* взгляду ЭИ, напротив, трактуется как более широкое понятие, а социальный интеллект – как один из его аспектов. Эта позиция базируется на представлениях о том, что способности к социальному взаимодействию основываются на предваряющем развитии отдельных структурных компонентов ЭИ [8].

Оба описанных подхода представляются недостаточно обоснованными. Свидетельствовать о том, что ЭИ – это структурный компонент социального интеллекта или, напротив, о том, что последний находится в отношениях соподчиненности с ЭИ, не позволяют различия между ними: в отличие от социального эмоциональный интеллект включает в себя внутренние, личностные эмоции, которые наиболее значимы для личностного, а не для социального роста, и фокусируется преимущественно на эмоциональных, а не на социальных и политических аспектах проблемы [5]. На ошибочность предположения о соподчиненности социального и эмоционального интеллекта указывает и тот факт, что последний не содержит в себе всех аспектов социальной адаптации, которые характерны для первого.

Сторонники *третьего* подхода в определенной мере отождествляют эмоциональный и социальный интеллект. Это связано с выделением в структуре ЭИ ряда способностей социально-коммуникативной направленности, таких как социальные навыки, осознание социальных взаимодействий [8], способность к перцептивно-интерпретативному распознаванию эмоций в межличностном контексте [9]. Однако утверждать о тождественности социального и эмоционального интеллекта не позволяют упомянутые выше различия между ними.

Согласно *четвертой* позиции ЭИ частично пересекается с социальным, точнее, социально-практическим интеллектом [10] в области понимания и управления эмоциями других людей, а также собственными эмоциями, возникающими в процессе и в результате межличностного взаимодействия. Вне концептуального поля социально-практического интеллекта остается та часть процессов и функций ЭИ, которая обеспечивает обработку эмоциональной информации, не связанной с межличностным взаимодействием (например, имеющей отношение к индивидуальной познавательной или практической деятельности). Более узко зону пересечения ЭИ с социальным интеллектом рассматривает Д. В. Ушаков [11], полагая, что ею является понимание чувств другого, основанное на адекватном восприятии любых форм выражения его эмоций.

По мнению С. П. Деревянко [12], объединяющей категорией для эмоционального и социального интеллекта является общение, а отличительной характеристикой – направленность общения.

Коммуникативный потенциал ЭИ нацелен преимущественно на продуцирование и осмысление собственных эмоциональных переживаний относительно ситуаций межличностного общения, в то время как возможности социального интеллекта ориентированы на межличностное взаимодействие. Актуализация эмоционального и социального интеллекта происходит в различных областях общения: у первого – в сфере эмоционального общения, у второго – в сфере межличностного общения. Для эмоционального интеллекта коммуникация является стимулом, а для социального – целевым предназначением.

Результаты последних научных исследований свидетельствуют в пользу определенной функциональной близости эмоционального и социального интеллекта. Их относят к так называемым горячим видам интеллекта, которые оперируют социальной, практической, личностной и эмоциональной информацией. Однако находится все больше подтверждений того, что это два самостоятельных вида интеллекта.

Тенденция к генерализации вызвала появление нового вида интеллекта – личностного, который понимается как способность работать с информацией, связанной с личностью [13]. Согласно мнению автора термина «личностный интеллект» Дж. Д. Мэйера, эмоциональный и социальный интеллект потенциально могут рассматриваться как смысловые составляющие личностного интеллекта. Таким образом, в соответствии с *пятой* позицией социальный и эмоциональный интеллект – это отдельные виды интеллекта, каждый из которых является составляющей личностного интеллекта [13]. Это заключение Дж. Д. Мэйера косвенно подтверждают результаты исследований А. М. Белобородова и Е. С. Ивановой [14], которые обнаружили отсутствие взаимосвязей между показателями эмоционального и социального интеллекта.

Стоит признать, что эмоциональная и социальная сферы тесно связаны между собой, поэтому разделение эмоционального и социального интеллекта в определенной мере условно, тем не менее в современной психологии оно имеет место. Разграничивая их, Н. А. Батурин и Л. Г. Матвеева [15] опираются на следующие критерии:

1) объекты когнитивного познания. Для СИ – социальные интерактивные отношения и взаимодействие в больших группах, в том числе собственные отношения субъекта познания. Для ЭИ – переживания, эмоции и чувства других людей и самого субъекта познания, все, что относится к эмоциональной сфере;

2) главные объекты познания. Для СИ – субъект-субъектные отношения и часть субъект-объектных отношений, участвующих в социальном взаимодействии. Для ЭИ – субъект-объектные отношения

и часть субъект-субъектных отношений, связанных с эмоциональным уровнем межличностного взаимодействия;

3) факторы, влияющие на результативность. Для СИ – уровень развития когнитивно-аффективно-го понимания межличностных отношений и себя как субъекта подобных отношений, понимание причин управления своим социально ориентированным поведением и социальными отношениями между другими людьми. Для ЭИ – уровень развития когнитивного познания специфических объектов (эмоциональных процессов, чувств, эмоционального побуждения, поведения, вызванного собственными эмоциональными переживаниями).

Включение ЭИ в структуру межличностного интеллекта в соответствии с *шестым* подходом [16] представляется не совсем правомерным, поскольку ЭИ содержит не только межличностный, но и внутриличностный аспект.

Согласно *седьмой* точке зрения на место ЭИ в структуре личности с учетом классификации видов интеллекта Р. Кеттелла есть определенные основания относить его к кристаллическому интеллекту [17]. Однако использование метода структурного моделирования показало, что ЭИ, измеренный с помощью объективного теста, нельзя рассматривать ни как вид флюидного, ни как вид кристаллического интеллекта, а следовательно, он не может интерпретироваться исключительно как умственная способность [18].

Сложность отделения врожденных компонентов способностей ЭИ от приобретенных компетенций, а значит, и проблематичность его отнесения к флюидному или кристаллическому интеллекту отражает терминология в концептуальном поле ЭИ, когда различные понятия (эмоциональный интеллект и эмоциональная компетентность) наполняются семантически близким содержанием. Английский термин *emotional intelligence* дословно переводится скорее как эмоциональная мудрость, что косвенно подтверждает преобладание в структуре ЭИ приобретенных компонентов над врожденными.

В соответствии с *восьмой* точкой зрения ЭИ, как и общий интеллект, может являться латентной переменной, глубинным внутренним свойством, которое само по себе с трудом определяется, однако оказывает влияние на наблюдаемые показатели, в некоторой мере отражающие его способность, например, решать специфические проблемы. Эта переменная становится видимой посредством измерений, которые позволяют обнаружить скрытые свойства когнитивных процессов, лежащих в ее основе. Однако убедительных данных, подтверждающих латентный характер ЭИ, пока не получено [19].

Ряд ученых не рассматривают ЭИ как один из видов интеллекта. Так, некоторые основные модели

интеллекта (в частности, Ч. Спирмена, Л. Терстоуна и Р. Кеттелла – Дж. Хорна – Дж. Кэрролла) не включают в себя ЭИ. Идею квалифицировать его в качестве вида традиционного интеллекта также не поддерживает Х. Гарднер.

Некоторые специалисты [20; 21] понимают ЭИ как **компонент эмоциональной сферы личности**. Так, Г. М. Бреслав [20] рассматривает его не в качестве отдельного вида интеллекта, а в качестве эмоциональной способности. При этом само понятие эмоциональной способности ученым не определено.

К эмоциональному аспекту функционирования человека ЭИ относят Э. Л. Носенко и Н. В. Коврига [21], которые придерживаются мнения о том, что на высшем уровне эмоционального развития эмоциональное реагирование осуществляется с опорой на содержание. Очевидно, что на таком уровне эмоции опосредованы интеллектуальными процессами, поскольку «опора на содержание» требует участия интеллектуальных операций. Поэтому представляется неправомерным рассматривать ЭИ только как развитую эмоциональность. Отнесение этого понятия к эмоциональной сфере оставляет без внимания когнитивные процессы, обеспечивающие переработку эмоциональной информации¹, понимание и саморегуляцию эмоций на данной основе.

Проблема ЭИ изучается и в рамках метакогнитивизма, в соответствии с которым это **метапроцессуальный феномен**, поскольку является образованием одновременно когнитивным (обеспечивающим познание индивидом своих эмоций и чувств других людей) и регулятивным (позволяющим субъекту регулировать собственные эмоциональные процессы и контролировать эмоции окружающих) [22].

Хотя Дж. Д. Мэйер, П. Сэловей и Д. Карузо рассматривают ЭИ как вид интеллекта, попытка первого ученого определить его место в структуре личности косвенно указывает на метапроцессуальность этого феномена. Так, в разработанной Дж. Мэйером структуре индивидуальности – системе базисных компонентов (*system set of primary parts*) – выделяются четыре основные части:

- энергетическое развитие (*energy development*);
- управление знаниями (*knowledge guidance*);
- исполнение действий (*action implementation*);
- сознательная саморегуляция (*conscious self-regulation*).

В указанной системе ЭИ включен в состав управления знаниями и взаимодействует с эмоциями в составе энергетического развития. Это означает, что высокоразвитый ЭИ характеризуется сочетанием точных, реалистичных и конструктивных пред-

ставлений о мире с высоким уровнем позитивной ментальной энергии [5].

На наш взгляд, встраивая ЭИ в систему базисных компонентов, ее автор упускает из виду то, что сознательная саморегуляция (как составляющая указанной системы) и управление эмоциями (как компонент ЭИ) соотносятся в качестве целого и части, поскольку самоконтроль жизнедеятельности личности в целом предполагает и контроль над эмоциями в частности. В то же время исполнение действий, несомненно, включает в себя экспрессивное поведение, т. е. выражение эмоций. По нашему мнению, ЭИ, находясь в системе базисных компонентов в составе ее интеллектуальной области – управления знаниями, – взаимодействует в большей мере с эмоциональной подсистемой энергетического развития, но также и с подсистемами, осуществляющими и контролирующими деятельность (исполнение действий и сознательная саморегуляция). Это позволяет сделать заключение о преобладании в структуре ЭИ интеллектуального компонента, хотя и не исключает взаимосвязи этого феномена с неинтеллектуальными свойствами личности, в первую очередь эмоциональными. Исходя из вышеизложенного представления об ЭИ как метапроцессуальном феномене кажутся наиболее многообещающими в теоретическом и эмпирическом смысле.

Точка зрения, при которой ЭИ рассматривается как **совокупность некогнитивных способностей** или сочетание когнитивных способностей и личностных свойств с выраженным акцентом на последние [8], фактически привела к «исчезновению» ЭИ, точнее, ослаблению его когнитивного компонента и методологической эклектике в его исследованиях. В рамках данного подхода встречаются описания структуры ЭИ через семантически неопределенные характеристики (например, «радиус доверия», «личная сила», «оптимальное представление») [5]. И наконец, сами сторонники указанной позиции признаются: доказательства того, что ЭИ – это сочетание личностных черт и способностей, остаются весьма неясными [5].

Не соглашаясь с отнесением ЭИ к некогнитивным подструктурам личности, нельзя не заметить того факта, что в современных исследованиях подчеркивается опосредованность интеллекта личностными свойствами. Взаимодействие интеллекта и личности в процессе принятия решений отражает понятие интеллектуально-личностного потенциала [23]. Введение данного термина символизирует определенное изменение парадигм в когнитивной психологии: на смену «ресурсным» подходам в понимании интеллекта должны прийти модели, предполагающие динамические связи

¹Эмоциональная информация включает в себя значения отдельных эмоций, их сочетаний, последовательности, а также оценки взаимосвязей, которые они отражают.

между когнитивными и личностными составляющими единого интеллектуально-личностного потенциала [23].

Многочисленные взаимосвязи ЭИ с чертами личности в определенной мере объясняются результатами исследования Ю. И. Мельника, который предположил, что состояния и свойства личности образуют личностную предпосылку актуализации и проявления интеллектуального потенциала, отражая отношения интеллекта и личности, т. е. насколько «интеллект личностен и личность интеллектуальна» [24, с. 78]. В психологическом плане зрелый интеллектуальный потенциал выступает как целостная структура, в которой энергетические, познавательные и личностные характеристики дополняют друг друга. Для незрелого интеллектуального потенциала характерна относительная автономия психологических показателей в его структуре при

энергетической опосредованности проявления. Это означает, что высокоразвитый интеллект в значительной мере метапроцессуален, поскольку опосредован личностными характеристиками. Однако стоит согласиться с мнением Д. В. Люсина [25] о том, что в модель ЭИ разумно включать только те личностные характеристики, которые напрямую влияют на уровень и индивидуальные особенности ЭИ.

Обобщая сказанное, ЭИ можно определить как интегральное когнитивно-личностное образование с наиболее выраженным когнитивным компонентом, совокупность умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими, компетенций, связанных с обработкой и трансформацией эмоциональной информации, а также коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных личностных свойств, содействующих адаптации индивида.

Библиографические ссылки

1. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognit. Pers.* 1990. Vol. 9. P. 185–211.
2. Гоулман Д. Деструктивные эмоции. Минск, 2005.
3. Damasio A. R. Descartes' error: Emotion, reason, and human brain. New York, 1994.
4. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.
5. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк, 2011.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. 5th ed. 2009.
7. Mayer J. D., Di Paolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: a component of emotional intelligence // *J. Pers. Assess.* 1990. Vol. 54, № 3/4. P. 772–781.
8. Goleman D. Emotional intelligence. New York, 1995.
9. Mayer J. D. A field guide to emotional intelligence // *Emotional intelligence in every day life* / I. V. Ciarrochi, J. P. Forgas, J. D. Mayer (eds). Philadelphia, 2001. P. 3–24.
10. Кучинский Г. М. Социальное мышление как форма познавательной активности // *Психол. журн.* 2006. № 1. С. 10–17.
11. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы // *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям* / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2009. С. 11–30.
12. Деревянко С. П. Эмоциональный интеллект: проблемы категориальности // *Психология в современном информационном пространстве: материалы Междунар. науч. конф. (Смоленск, 23–24 нояб. 2007 г.)*: в 2 ч. Смоленск, 2007. Ч. 1. С. 108–112.
13. Mayer J. D. Personal intelligence: the power of personality and how it shapes our lives. New York, 2014.
14. Белобородов А. М., Иванова Е. С. Сравнительный анализ результатов диагностики самооценки и объективных показателей эмоционального интеллекта // *Науч. диалог.* 2014. № 11: Педагогика. Психология. С. 103–113.
15. Батурин Н. А., Матвеева Л. Г. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология.* 2009. Вып. 42. С. 4–10.
16. Стайн С., Бук Г. Преимущества EQ: эмоциональная культура и ваш успех / пер. с англ. М. Маркус // *Библиографический журнал* [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/DPEOPLE/eq.txt> (дата обращения: 30.10.2007).
17. Davies M., Stankov L., Roberts R. D. Emotional intelligence: In search of elusive construct // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1998. Vol. 75. P. 989–1015.
18. Husin W. N. I. W., Santos A., Ramos H. M., et al. The Place of Emotional Intelligence in the «Intelligence» Taxonomy: Crystallized Intelligence or Fluid Intelligence Factor? // *Procedia – Soc. Behav. Sci.* 2013. Vol. 97. P. 214–223.
19. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. A further consideration of issues of emotional intelligence // *Psychol. Inq.* 2004. Vol. 15, № 3. P. 249–255.
20. Бреслав Г. М. Психология эмоций. М., 2004.
21. Носенко Е. Л., Коврига Н. В. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції. Київ, 2003.
22. Карнов А. В., Петровская А. С. Проблема эмоционального интеллекта в парадигме современного метакогнитивизма // *Вестн. интегр. психологии.* 2006. Вып. 4. С. 42–47.
23. Корнилова Т. В. Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* 2013. № 4. С. 36–47.
24. Мельник Ю. И. Формы проявления интеллектуального потенциала человека // *Проблемы взаимосвязи эмоций, мышления и воли: тез. VI Рос. науч. конф. (Рязань, 9–11 июня 1994 г.)*. Рязань, 1994. С. 78–79.
25. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования* / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2004. С. 29–36.

References

1. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognit., Pers.* 1990. Vol. 9. P. 185–211.
2. Goulman D. [Destructive emotions]. Minsk, 2005 (in Russ.).
3. Damasio A. R. *Descartes' error: Emotion, reason, and human brain.* New York, 1994.
4. Ritstsolatti J., Sinigal'ya K. [Mirrors in the brain: On the mechanisms of joint action and empathy]. Moscow, 2012 (in Russ.).
5. Andreyeva I. N. [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolotsk, 2011 (in Russ.).
6. Longman Dictionary of Contemporary English. 5th ed. 2009.
7. Mayer J. D., Di Paolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: a component of emotional intelligence. *J. Pers. Assess.* 1990. Vol. 54, No. 3/4. P. 772–781.
8. Goleman D. *Emotional intelligence.* New York, 1995.
9. Mayer J. D. A field guide to emotional intelligence. In: J. V. Ciarrochi, J. P. Forgas, J. D. Mayer (eds). *Emotional intelligence in everyday life.* Philadelphia, 2001. P. 3–24.
10. Kuchinskii G. M. [Social thinking as a form of cognitive activity]. *Psikhol. zhurn.* 2006. No 1. P. 10–17 (in Russ.).
11. Ushakov D. V. [Social and emotional intelligence: hope, doubt, prospects]. In: Lyusina D. V., Ushakova D. V. (eds). [Social. and emotional intelligence: from processes to measurements]. Moscow, 2009. P. 11–30 (in Russ.).
12. Derevyanko S. P. [Emotional intelligence: issues of categoriality]. *Psikhologiya v sovremennom informatsionnom prostranstve : materialy mezhdunar. nauchn. konf. (Smolensk, 23–24 Novemb., 2007) : in 2 parts.* Smolensk, 2007. Part 1. P. 108–112 (in Russ.).
13. Mayer J. D. *Personal intelligence: the power of personality and how it shapes our lives.* New York, 2014.
14. Beloborodov A. M., Ivanova E. S. [Comparative analysis of the results of self-diagnosis and objective indicators of emotional intelligence]. *Nauchn. dialog.* 2014. No. 11 : Pedagog. Psikhol. P. 103–113 (in Russ.).
15. Baturin N. A., Matveeva L. G. [Social and emotional intelligence: myths and reality]. *Bull. South. Ural State Univ. Ser. Psychol.* 2009. Issue 42. P. 4–10 (in Russ.).
16. Stain S., Buk G. [Benefits of EQ: emotional culture and your success]. *Bibl. Maksima Moshkova.* URL: <http://lib.ru/DPEOPLE/eq.txt> (date of access: 30.10.2007) (in Russ.).
17. Davies M., Stankov L., Roberts R. D. Emotional intelligence: in search of elusive construct. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1998. Vol. 75. P. 989–1015.
18. Husin W. N. I. W., Santos A., Ramos H. M., et al. The Place of Emotional Intelligence in the «Intelligence» Taxonomy: Crystallized Intelligence or Fluid Intelligence Factor? *Procedia – Soc. Behav. Sci.* 2013. Vol. 97. P. 214–223.
19. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. A further consideration of issues of emotional intelligence. *Psychol. Inq.* 2004. Vol. 15, No 3. P. 249–255.
20. Breslav G. M. [Psychology of emotions]. Moscow, 2004 (in Russ.).
21. Nosenko E. L., Kovriga N. V. [Emotional intelligence: conceptualization of the phenomenon, the basic functions]. Kyiv, 2003 (in Ukrainian).
22. Karpov A. V., Petrovskaya A. S. [The problem of emotional intelligence in the paradigm of modern metakognitivizm]. *Vestnik integrativnoi psikholog.* 2006. Issue 4. P. 42–47 (in Russ.).
23. Kornilova T. V. Rigidity, uncertainty avoidance and creativity in the system of intellectual and personal potential human. *Mosk. Univ. Bull. Ser. 14, Psychol.* 2013. No. 4. P. 36–47 (in Russ.).
24. Mel'nik Y. I. [Manifestations of human intellectual potential]. *Problemy vzaimosvyazi emotsii, myshleniya i voli : tez. VI Ros. nauchn. konf. (Ryazan, 9–11 June, 1994).* Ryazan, 1994. P. 78–79 (in Russ.).
25. Lyusin D. V. [Modern concepts of emotional intelligence]. In: Lyusina D. V., Ushakova D. V. (eds). [Social. Intelligence: Theory, measurement and Research]. Moscow, 2004. P. 29–36 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 03.02.2017.
Received by editorial board 03.02.2017.

УДК 159.922

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПОНИМАНИЕ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОГЕННЫХ СИТУАЦИЙ

А. П. ЖАВНЕРКО¹⁾

¹⁾ОДО «Стройинвест», ул. Трусова, 22а, 222120, г. Борисов, Республика Беларусь

Отмечается, что особенности эмоциональной сферы являются одной из наиболее выраженных отличительных характеристик становления психики детей с задержкой психического развития. Обращается внимание на важную роль эмоций в общении между ребенком с задержкой психического развития и окружающими его людьми. Приводятся результаты исследования особенностей узнавания эмоций детьми с задержкой психического развития, а также понимания их предметности и выражения в контексте эмоциогенной ситуации. Благодаря выявленным отличиям эмоциональной сферы детей, обучающихся в 1 и 4-м классах, с задержкой психического развития и детей с нормальным развитием сделаны предположения о качественных характеристиках структуры нарушений, специфичных для задержки психического развития в детском возрасте.

Ключевые слова: эмоция; предметность эмоций; эмоциогенная ситуация; дети с задержкой психического развития; младший школьный возраст.

SOCIALIZATION OF EMOTIONS IN SCHOOL-AGE CHILDREN WITH MENTAL DISORDERS: UNDERSTANDING OF EMOTIONS AN EMOTIOGENIC SITUATIONS

A. P. ZHAVNERKO^a

^aStroyinvest, Trusova street, 22a, 222120, Borisov, Republic of Belarus

Features of emotional sphere is one of the most pronounced specific characteristics of the formation of the psyche of children with mental retardation. Emotions play an important role in communication between a child with a delay of mental development and the people around him. The article presents the results of a study features of emotions of children with mental retardation, emotional understanding of objectivity and emotional expression in the context of emotiogenic situation. Features described the emotional sphere of children, with mental retardation and with normal development allow us to make assumptions about the quality characteristics of the structure of mental disorders that are specific to mental retardation in children.

Key words: emotion; objectivity emotion; the emotion situation; children with mental disorder; younger school age.

Дети с особенностями психофизического развития составляют 6 % общей численности детей в Республике Беларусь, из них 17 % – дети с задержкой психического развития. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что в структуре

нарушений у детей с задержкой психического развития преобладают расстройства эмоционально-волевой регуляции [1, с. 243; 2]. Знание того, каким образом происходит становление эмоциональной сферы в условиях нарушенного развития, может

Образец цитирования:

Жавнерко А. П. Социализация эмоций у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития: понимание эмоций и эмоциогенных ситуаций // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 110–116.

For citation:

Zhavnerko A. P. Socialization of emotions in school-age children with mental disorders: understanding of emotions an emotiogenic situations. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 110–116 (in Russ.).

Автор:

Анастасия Павловна Жавнерко – психолог.

Author:

Anastasiya Zhavnerko, psychologist.
nastasiya13@mail.ru

быть использовано в психологической коррекционной работе, направленной на компенсацию поврежденных сторон психики ребенка [2; 3].

Особое внимание при этом должно быть уделено тому, как трансформируются эмоции во взаимодействии, а именно социализации эмоций [4]. Оказывается ли ребенок с задержкой психического развития чувствительным к влиянию общения с окружающими, насколько он способен регулировать свое поведение при взаимодействии с другим человеком (взрослым или сверстником), воспринимает ли он его и себя самого как субъектов общения – все эти особенности эмоционального взаимодействия рассматриваются в описанном далее эксперименте.

В настоящем исследовании приняли участие 60 школьников ГБОУ г. Москвы и 57 детей специальной (коррекционной) школы-интерната № 8.

В экспериментальную группу вошли 57 детей с задержкой психического развития, в том числе 28 учеников 1-го класса в возрасте 8–9 лет и 29 учеников 4-го класса в возрасте 10–12 лет.

Программа исследования

Процедура настоящего исследования представляла собой групповые занятия по 4–5 человек. Эксперимент проводился отдельно в группах детей с нормальным развитием и с задержкой психического развития. Экспериментальное задание заключалось в прослушивании рассказа русского писателя В. Драгунского «Главные реки Америки» (в сокращении), в процессе которого детям предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся эмоциональных переживаний главного героя, и сравнить их с собственными эмоциями.

Основное содержание рассказа может быть представлено в виде последовательности схемы «эмоциогенная ситуация – эмоция». При этом эмоциогенная ситуация задается текстом, в то время как эмоции героев рассказа должны быть идентифицированы испытуемыми.

После зачитывания каждого эпизода, соответствующего схеме, детям предлагалось ответить на вопросы об эмоциональном состоянии героев рассказа и причинах его возникновения. Анализировались эмоции всех участников ситуации, однако повествование и, следовательно, восприятие ситуации представлялись от первого лица главного героя. Такая передача стимульного материала, во-первых, способствовала идентификации испытуемых с одним из персонажей произведения со схожими обстоятельствами (а именно учебной ситуацией), во-вторых, подразумевала задачу выявить эмоциональные состояния других участников событий.

Контрольную группу составили 60 детей с нормальным развитием, среди которых 30 учеников 1-го класса в возрасте 6–8 лет и 30 школьников 4-го класса в возрасте 10–11 лет.

Социализация эмоций, будучи неявно представленной в различных формах эмоционального реагирования, доступных конкретному ребенку и используемых им, может быть исследована объективно и содержательно в рамках генетико-моделирующего эксперимента в русле теории Л. С. Выготского. Обобщая наиболее существенные характеристики такого эксперимента, подчеркнем, что он должен быть направлен на изучение процесса развития того или иного явления, а не его сложившейся структуры, а также обнаруживать происхождение той или иной функции, объяснять ее становление. Кроме того, генетико-моделирующий эксперимент помогает найти соответствие внешней формы явления ее структуре, иными словами, основывается не на фенотипической схожести явлений, а на их внутренних взаимосвязях друг с другом.

Установлено, что форма рассказа позволяет ребенку вжиться в ситуацию и абстрагироваться от сиюминутных переживаний, а также попытаться понять эмоции в рамках их знаково-символической функции: декодировать эмоцию, поместить ее в контекст предметной ситуации и выразить собственное эмоциональное отношение к ней.

Следующим этапом настоящего исследования являлась драматизация услышанного рассказа. Особое внимание было уделено обозначению эмоций персонажей. Фиксировались различные способы их выражения (вербальные и невербальные), отношение детей к заданию, согласованность действий, удержание программы действий, опора на знаковые формы. Кроме того, дети давали друг другу взаимную обратную связь, когда экспериментатор просил их ответить на ряд вопросов:

- какую эмоцию показывал (имя испытуемого)?
- как он показывал ту или иную эмоцию?
- а как еще можно показать эту эмоцию?

Для акцентирования внимания детей на выражении эмоций в ходе разыгрывания рассказа для каждой из них были предложены условные обозначения, отображенные на бейджах, которые прикреплялись к одежде. В зависимости от выбранной роли детям необходимо было определить, какую эмоцию им предстоит показывать в ходе игры, и выбрать соответствующий бейдж.

В результате исследования были получены данные, указывающие на специфику эмоциональной сферы учеников с нормальным развитием и детей с задержкой психического развития.

Предметность эмоций у детей с нормальным развитием и у детей с задержкой психического развития, обучающихся в 1-м классе

Изучалось понимание предметности как свойства эмоций у школьников в возрасте 7–8 лет с нормальным развитием и у детей с задержкой психического развития. Под предметностью подразумевалась способность вычленять эмоциогенную ситуацию и выявлять в ней факторы, вызывающие эмоцию [5, с. 241]. Ориентируясь на ситуацию, в которой находился герой рассказа, дети должны были определить его эмоции и причины, которые привели к такому состоянию. В самом тексте прямого указания на испытываемую эмоцию не содержалось.

Школьники с нормальным развитием и дети с задержкой психического развития давали различные ответы на вопросы об эмоциональном состоянии персонажей произведения.

Для детей с нормальным развитием в возрасте 7–8 лет характерны ответы, в которых называются эмоции и причины, их вызывающие. К данной группе относились следующие примеры высказываний: «Он боялся того, что опоздает на урок»; «Учительница сердилась на мальчика, потому что он не выучил стихотворение»; «Детям было смешно из-за ответов мальчика»; «Друг обиделся на мальчика, потому что его отругали» и т. д. Общая доля таких ответов составила 72 %.

Оставшиеся ответы представляли собой указание на эмоцию без упоминания причин ее появления (17 %), а также описание обстоятельств, вызвавших эмоцию, без названия ее самой (10 %). Небольшое число испытуемых затруднились с ответом (1 %).

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что дети в возрасте 7–8 лет с нормальным развитием понимают связь между эмоциями и обстоятельствами, способны вычленять эмоции в конкретной эмоциогенной ситуации. Результаты этого этапа согласуются с данными, собранными на первой стадии настоящего исследования, в соответствии с которыми при свободном определении эмоций дети в возрасте 7–8 лет связывают их с происходящими событиями.

Ответы детей с задержкой психического развития оказались менее однородными по сравнению с ответами школьников с нормальным развитием. Анализ полученных данных позволил выделить следующие характерные для детей с задержкой психического развития тенденции:

- совершение ошибок в определении эмоций в контексте эмоциогенной ситуации (43 %);
- присутствие ошибок, которые носят характер диффузного замещения «правильной» эмоции эмоцией, сходной по качеству переживания. Так,

страх заменялся грустью («расстроился»), обида – стыдом и т. д. Это касалось только отрицательных переживаний (грусть, страх, гнев, обида и т. д.);

- более редкое по сравнению с детьми с нормальным развитием использование существительных – наименований эмоций. Вместо этого в их речи преобладали глаголы, которые, скорее всего, описывали эмоциональные действия или состояния героев;

- вместо узнавания эмоций повторение или пересказ действий персонажей (более 20 % детей данной группы). Например, на вопрос о том, что чувствует герой, когда спешит на урок, испытуемый давал ответ: «Он так спешил, что даже не зашнуровал кроссовки».

Таким образом, дети с задержкой психического развития испытывают трудности с выявлением эмоциогенных факторов. При отсутствии упоминания экспрессивного компонента эмоций они стремятся либо обозначить эмоцию указывающим на нее действием, либо называют обстоятельства, которые могли бы вызвать эту эмоцию.

Анализ полученных на двух этапах исследования данных о предметности эмоций у детей с задержкой психического развития в возрасте 7–8 лет позволил установить ряд выраженных затруднений в понимании связи эмоций с событиями окружающей среды, определении причин возникновения эмоций. Это особенно проявлено при отсутствии экспрессивных компонентов эмоций.

Ранее были получены экспериментальные данные об успешном опознавании эмоций на картинках детьми с задержкой психического развития [2; 3, с. 243]. По результатам сравнения экспериментальной и контрольной групп детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста значимых отличий не обнаружено. Полученные благодаря настоящему исследованию сведения о затруднении в опознании эмоции, соответствующей ситуации, могут указывать на определенный разрыв между представленностью эмоций в структуре сознания детей с задержкой психического развития. Такие дети на протяжении старшего дошкольного и младшего школьного возраста усваивают внешние признаки эмоций, однако их понимание как динамических состояний сознания, выражающихся в комплексной реакции на те или иные значимые события, оказывается им недоступным. Испытывая то или иное эмоциональное состояние, дети с задержкой психического развития не могут связать его с ситуацией и, следовательно, не имеют возможности регулировать свое поведение.

Предметность эмоций у детей с нормальным развитием и у детей с задержкой психического развития, обучающихся в 4-м классе

Дети с нормальным развитием успешно определяли эмоциональное состояние героев рассказа, давали развернутые характеристики эмоций персонажей, указывали на причины их возникновения (87 % ответов). По сравнению с учениками 1-го класса с нормальным развитием ученики 4-го класса старались не столько ответить на вопрос о том, какие эмоции испытывали герои рассказа, сколько дать личную оценку поведению персонажей, объяснить, в чем, на их взгляд, состоит ошибка главного героя, как ему следует себя вести и т. д.

Дети с задержкой психического развития в возрасте 11–12 лет в основном правильно определяли эмоции героев рассказа (73 %). Уменьшилось количество ошибок, связанных с тем, что ребенок называл эмоцию, близкую по качеству (13 %).

Ответы детей стали более развернутыми с использованием объяснения той или иной эмоции. По количеству верно названных эмоций и указаний на обстоятельства, их вызвавшие, дети с задержкой психического развития приближаются к ответам школьников с нормальным развитием (73 и 87 % соответственно). Однако необходимо отметить низкую выраженность их стремления передать личностное отношение к событиям, излагаемым в рассказе, по сравнению с детьми из контрольной группы. Дети из экспериментальной группы не пытались дать оценку действиям героев произведения и в целом были мало мотивированы экспериментальным заданием. У них возникало много дополнительных вопросов, не связанных со стимульным материалом.

Ошибки в определении предметности эмоций у детей с задержкой психического развития касались в основном замены эмоций (13 %) и неадекватного указания на их предметность (14 %).

Если обратиться к распределению ошибок в выявлении эмоций по соответствующей схеме, то наибольшие затруднения у детей с задержкой психического развития вызывали ситуации, связанные с отношениями между главным героем и другими

персонажами. Приведем ниже последовательность схем эмоциональных ситуаций в рассказе и распределение ошибок в узнавании эмоций. В схемах 1, 2 и 3 предметность эмоций составляют формальные отношения учитель – ученик, а все эмоции, представленные в данных ситуациях, касаются учебной деятельности. Схемы 4, 5 и 6 описывают отношения между главным героем и его другом (схема 4), отношение класса к главному герою (5) и отношение главного героя к самому себе (6). В скобках указана эмоция, которую дети должны были определить; в процентах приводится количество испытуемых, которые смогли выявить данную эмоцию.

1. Главный герой рассказа проспал и очень спешил на урок (страх) – 1 %.

2. Главного героя вызывают к доске. Сообщается, что к урокам он не готов (страх), – 12 %.

3. Главный герой пытается рассказать то, что знает. Учитель начинает сердиться (гнев) – 8 %.

4. Главный герой просит друга, подсказывающего ответы, не мешать ему (обида) – 24 %.

5. Главный герой пытается ответить на вопросы учителя, ориентируясь на подсказки друга. Получается комичная ситуация (удовольствие) – 19 %.

6. Главному герою задают последний вопрос, на который он отвечает неправильно. Ему ставят низкую оценку (стыд) – 36 %.

Так, по схеме 4 примерами ошибочных ответов могут быть: «Страх, потому что отвернулся»; «Обиделся, потому что его отругала учительница»; «Испугался того, что ему поставят плохую оценку» и т. д.

По схеме 5 давались ответы, расцененные нами как ошибочные, следующего характера: «Мальчик смешной, потому что над ним смеются»; «Детям смешно, потому что мальчик не выучил уроки, так ему и надо»; «Мальчик неправильно говорит, поэтому дети его дразнят» и т. д.

По схеме 6 примеры ошибочных ответов следующие: «Мальчик расстроился, потому что получил плохую оценку»; «Он огорчился и теперь всегда будет учить уроки»; «Мальчик обиделся на детей» и т. д.

Выражение эмоций у детей с нормальным развитием и у детей с задержкой психического развития, обучающихся в 1-м классе

По результатам анализа протоколов наблюдения за организацией и драматизацией рассказа были выявлены тенденции, характерные для обеих групп испытуемых, а также специфические для каждой из них.

Дети с нормальным развитием отнеслись к предложению разыграть только что услышанный рас-

сказ с энтузиазмом. После распределения ролей они получили задание вспомнить, какие эмоции испытывали герои, постоянно ли персонажи чувствовали одно и то же, в связи с чем их эмоции менялись и т. д. Затем им было предложено взять бейджи с рисунками, схематически изображающими эмоции. Каждой эмоции соответствовали

4–5 бейджей, поэтому дети могли выбрать сразу несколько. Заранее было оговорено, что разыгрывается только та эмоция, которая изображена на бейдже, прикрепленном к одежде ребенка.

Чтобы облегчить выполнение заданий для учеников 1-го класса, действия рассказа были разбиты на отдельные сценки, соответствующие схемам возникновения эмоций.

Дети с нормальным развитием правильно передавали эмоции, что достигалось за счет несколько преувеличенного эмоционального поведения. Это выражалось в большом количестве вербальных и невербальных действий.

Вербально эмоции передавались посредством использования междометий и восклицаний, в том числе не относящихся к событиям рассказа.

Невербальное выражение эмоций было представлено шире: дети применяли активную жестикуляцию, позирование и мимику.

В процессе драматизации дети из контрольной группы часто впадали в гиперболическую эмоционализацию – ярко выраженное эмоционально акцентированное поведение. При этом основная цель задания уходила на задний план, для ее актуализации ребенка необходимо было ограничивать. Таким образом, у детей с нормальным развитием были отмечены сложности в удержании программы эмоционального поведения, что может говорить о незавершенности развития, интеллектуализации эмоций и произвольности поведения.

У детей с задержкой психического развития также выявлены сложности в организации программы разыгрывания рассказа. Однако они носят интеллектуальный (связанный с организацией деятельности), а не эмоциональный характер, что выражается в большом количестве проб разыгрывания, в ходе которых ребенок вместо ориентации на свою роль и бейдж с изображением эмоции произносил заученные реплики из рассказа.

В процессе распределения ролей и выбора бейджей большое значение имела помощь экспериментатора. Получив роль, ребенок часто случайным образом выбирал бейдж, ориентируясь на красивую картинку или цвет фона. Экспериментатору необходимо было проговорить с ним действия его героя, помочь ему выявить основную эмоцию и выбрать соответствующий бейдж.

Для детей из экспериментальной группы разбивка рассказа на сценки являлась критическим фактором, без которого выполнить данную часть не получалось. В рамках одной сценки дети выражали эмоции, которые соответствовали героям произведения. В результате были выявлены некоторые тенденции, характерные для детей из экспериментальной группы:

- менее выраженное (по сравнению с детьми из контрольной группы) эмоциональное поведение. Практически полное отсутствие употребления междометий как средства передачи эмоций, преобладание жестов, в меньшей степени – мимики – при невербальном эмоциональном поведении;

- сбой в программе деятельности, связанный не с подменой ее мотива эмоциональным поведением, а с нарушением последовательности действий. Быстрая потеря заданной программы действий и потребность в помощи экспериментатора для ее восстановления;

- низкая степень согласованности действий. Обособленная деятельность ребенка, выражающаяся во множественных случаях несогласованного поведения.

Таким образом, у детей из обеих исследовательских групп отмечались трудности, связанные с удержанием программы деятельности. Однако у детей из контрольной группы это происходило вследствие недостаточной произвольности эмоций, в то время как затруднения у детей из экспериментальной группы носили скорее интеллектуальный характер.

Выражение эмоций у детей с нормальным развитием и у детей с задержкой психического развития, обучающихся в 4-м классе

В большинстве случаев дети с нормальным развитием в возрасте 12–13 лет не нуждались в разбивке рассказа на этапы, были способны полностью сыграть весь сюжет по ролям, верно передавая суть эмоций героев и соблюдая очередность эпизодов. Школьники ориентировались на исполнение ролей одноклассниками, сохраняли последовательность и могли подсказывать тем, кто ошибался или забывал сюжет.

Эмоциональное состояние героев рассказа выражалось при помощи мимики, жестов и речи. По сравнению с учениками 1-го класса выражение эмоций школьниками 4-го класса становится ме-

нее преувеличенным, более естественным. Дети применяют меньше жестов, не используют междометий и ярких поз. Вместо этого у них появляется выразительная тональность речи, при помощи которой передается основная эмоция персонажа.

С удержанием программы задания у детей с нормальным развитием трудностей не возникло. Большой интерес, чем само задание, у них вызвало обсуждение нюансов его выполнения. Они заинтересованно слушали высказывания одноклассников об особенностях поведения героев, стремились дать эмоционально окрашенные оценки другим детям.

В экспериментальной группе примерно треть детей нуждались в разбивке рассказа на сценки. Дети самостоятельно распределяли роли, при напояинании подбирали бейджи с изображением соответствующих эмоций. Случались затруднения при выборе нужного бейджа, а также его использовании. В целом у детей из экспериментальной группы была отмечена низкая мотивация во время выполнения данного задания.

В процессе разыгрывания дети из экспериментальной группы соблюдали очередность, однако у них отсутствовала согласованность: каждый ребенок играл собственную роль, не учитывая особенностей игры других детей. Поведение учеников было лишено эмоциональной окраски и часто являлось формальным.

Для выражения эмоционального состояния героя использовались жесты, мимика и речь. Жесты нередко носили нейтральный характер, однако ребенок применял их для обозначения эмоций. Например, махал рукой, изображая злость.

При помощи речи дети обозначали эмоциональное состояние героя рассказа, как бы говоря про себя, что он боится, радуется или огорчается. Тональность речи (как средство выражения эмоции) также присутствовала, однако зачастую носила преувеличенный характер, как у детей с нормальным развитием в возрасте 7–8 лет.

Мимику дети из экспериментальной группы использовали в качестве основного средства передачи эмоционального состояния героев. Школьники старались воспроизвести эмоцию персонажа, посредством мимики схематически изображая лицевую экспрессию, соответствующую той или иной эмоции. При этом они часто ориентировались на выбранный бейдж. Данное явление может быть рассмотрено как применение предмета в качестве псевдознака, а именно использование его по назначению в преувеличенной форме при игнорировании других средств.

Можно выделить следующие основные особенности выражения эмоций детьми с задержкой психического развития в возрасте 12–13 лет:

- затруднения с удержанием программы эмоциональных действий у части детей;
- использование мимики в качестве основного средства выражения эмоций;
- несогласованность эмоционального поведения.

Анализ характера ошибок позволил сделать вывод о том, что около 30 % детей с задержкой психического развития испытывают затруднения с определением эмоций в межличностных отношениях. Определение смысла ситуации и причинно-следственных связей, отражающихся на эмоциональном состоянии ее участников, остается для таких детей недоступным. Вследствие этого они неправильно считают эмоции участников общения, что с большой вероятностью препятствует установлению гармоничных отношений между людьми. Напротив, в ситуациях, регулируемых учебной деятельностью, количество ошибочных суждений резко снижается. Можно предположить, что учебная деятельность, координируя поведение ребенка извне, также оказывает формирующее воздействие на его представление об эмоциях и их свойствах [6]. Иными словами, в учебных ситуациях ребенок с задержкой психического развития лучше ориентируется в определении эмоций других людей, в то время как ситуации, не имеющие заданного регламента поведения и норм, вызывают сложности с определением чужих эмоций.

Таким образом, перечисленные выше особенности понимания эмоций могут рассматриваться не только в качестве критериев их социализации и становления как высшей психической функции, но и в качестве направления коррекционной работы с детьми, которым свойственна задержка психического развития. Содержание такой работы должно строиться исходя из логики развития эмоций как высшей психической функции [7, с. 78]. Это подразумевает не столько расширение спектра доступных для понимания ребенком эмоций, сколько помощь в развитии способности осознавать предметность эмоций, умение выражать их в общении и использовать для построения отношений между людьми.

Библиографические ссылки

1. *Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка. М., 2006.
2. *Деревянкина Н. А.* Эмоциональный мир ребенка с ЗПР [Электронный ресурс] // Дошкол. образование : электрон. журн. 2004. № 14. URL: <http://dob.1september.ru> (дата обращения: 25.04.2012).
3. *Кочегарова Ю. С.* Изучение особенностей эмоциональной сферы у младших школьников с ЗПР [Электронный ресурс] // Совр. науч. исслед. и инновации. 2015. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/04/49965> (дата обращения: 20.10.2015).
4. *Горбунова М. Ю.* Междисциплинарные основы социологического исследования эмоций [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. 2012. № 11. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/11/1195> (дата обращения: 31.07.2014).
5. *Карелина И. О.* Проблема понимания эмоций детьми дошкольного возраста // Ярослав. пед. вестн. 2010. Т. 2, № 4. С. 241–247.
6. *Тригер Р. Д.* Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. СПб., 2008.
7. *Поляков А. М.* Символическая функция сознания как основа развития субъектности // Философия и соц. науки. 2008. № 1. С. 76–80.

References

1. Vygotskii L. S. [The problem of the cultural development of the child]. Moscow, 2006 (in Russ.).
2. Derevyankina N. A. [The emotional world of the child's with mental retardation]. *Doshkol'noe obraz.* 2004. No. 14. URL: <http://www.dob.1september.ru> (date of access: 25.04.2012) (in Russ.).
3. Kochegarova Y. S. Study of specialty of the emotional sphere of children with mental retardation at primary school. *Modern sci. res. innov.* 2015. No. 4. URL: <http://www.web.snauka.ru/issues/2015/04/49965> (date of access: 20.10.2015) (in Russ.).
4. Gorbunova M. Y. [Interdisciplinary bases of sociological research of emotions]. *Psychol., soc. pedagog.* 2012. No. 11. URL: <http://www.psychology.snauka.ru/2012/11/1195> (date of access: 31.07.2014) (in Russ.).
5. Karelina I. O. The problem of emotions understanding by children. *Yaroslavl Pedagog. Bull.* 2010. Vol. 2, No. 4. P. 241–247 (in Russ.).
6. Triger R. D. [Psychological features of socialization of children with mental retardation]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
7. Polyakov A. M. [The symbolic function of consciousness as the basis for subjectiveness development]. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2008. No. 1. P. 76–80.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2016.
Received by editorial board 12.04.2016.

ОЛИМПИАДА ПО ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ – 2016

PHILOSOPHY OLYMPIAD FOR PUPILS – 2016

С 7 ноября по 27 декабря 2016 г. в рамках Фестиваля философии на факультете философии и социальных наук (ФФСН) Белорусского государственного университета (БГУ) состоялась Олимпиада по философии для школьников (далее – Олимпиада). Мероприятие, включавшее в себя два этапа (заочный и очный), проводилось в рамках отбора к Международной олимпиаде по философии среди школьников – 2017 (организованной Международной ассоциацией философских обществ при поддержке ЮНЕСКО), которая запланирована на 25–28 мая в г. Роттердаме (Нидерланды).

Заочный этап проходил на образовательной платформе Moodle на сайте <http://dl.bsu.by/>. Участникам был предложен фрагмент работы К. Поппера, на основании которого в течение семи дней необходимо было написать эссе на английском языке. Очный этап состоялся на ФФСН. Школьникам были предложены на выбор четыре фрагмента из работ Аристотеля, Августина Блаженного, К. Гёделя и М. М. Бахтина. На основании одного из этих высказываний необходимо было написать эссе на английском языке. Работы выполнялись в электронном виде, на задание отводилось 120 мин.

Все эссе шифровались и отправлялись для оценки членам комиссии, которые по итогам выставляли средний балл. Работы с самыми высокими оценками (т. е. претендующие на призовые места) оценивались дополнительно. В последний день мероприятия состоялось подведение итогов Олимпиады-2016. Участникам были вручены дипломы 1, 2 и 3-й категорий, а также сертификаты с похвальным отзывом. Кроме того, состоялось вручение дипломов участникам Балтийского конкурса эссе по философии – 2016. В качестве поощрения англоязычные эссе победителей Олимпиады размещены на сайте факультета. Они приводятся в оригинальном виде, без редакторских правок. После официальной части состоялось неформальное чаепитие, на которое были приглашены преподаватели и студенты факультета. Свои дипломы участники могут забрать на кафедре философии культуры ФФСН БГУ (ауд. 525; тел. +375 (17) 259-70-57). Рассылка дипломов почтой не предусмотрена.

В организации и проведении Олимпиады-2016 принимали участие ведущий кафедрой философии культуры ФФСН БГУ А. А. Легчилин, профессор Т. Г. Румянцева, доценты А. Ю. Дудчик и П. В. Барковский, старший преподаватель Т. И. Врублевская-Токер, преподаватель Лицея БГУ Н. В. Кушнер, магистрант кафедры философии культуры В. Павлова, студенты специальности «Философия» В. Верещагин и П. Белькевич. Также выражаем признательность за помощь ведущему инженеру учебной лаборатории информационных и коммуникационных технологий ФФСН БГУ Г. Г. Коноплянику. Благодарим всех за участие, надеемся на дальнейшее сотрудничество в рамках наших будущих мероприятий. Следите за новостями на сайте факультета и на странице Олимпиады (<http://dl.bsu.by/course/view.php?id=659>). Кроме того, напоминаем, что на ФФСН действует Школа юного философа «Пайдейя» (<http://www.ffsn.bsu.by/ru/o-shkole.html>).

А. Ю. Дудчик,
доцент

Итоги Олимпиады

Диплом 1-й категории (1st Award):

Ирина Кузякова (Лицей БГУ);
Анастасия Каширская (Лицей БГУ).

Диплом 2-й категории (2nd Award):

Глеб Бирилов (Гродненская городская гимназия);

Лев Жибуля (лицей № 1 г. Минска);

Антон Инчин (Лицей БГУ);

Дарья Кручинина (Лицей БГУ);

Маргарита Морозова (Лицей БГУ).

Диплом 3-й категории (3rd Award):

Ольга Дементей (Лицей БГУ);

Георгий Пархоменко (лицей № 1 г. Минска);

Милана Пасанен (Лицей БГУ);

Дарьяна Постник (лицей № 1 г. Минска).

Сертификат с похвальным отзывом (Certificate with Honorable mention):

Андрей Кундер (Лицей БГУ);

Наталья Ровбо (гимназия № 10 г. Гродно);

Тимофей Русецкий (Лицей БГУ).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Лягчылін А. А., Клімовіч Г. І.</i> Ідэі неасхаластыкі ў беларускай гісторыка-культурнай прасторы	4
<i>Курбачёва О. В.</i> Концептуально-теоретическое осмысление феномена толерантности: историко-философский экскурс	12
<i>Каракo П. С.</i> Вопросы красоты природы в научном и философском наследии В. И. Вернадского ..	18

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гафаров Х. С., Гафарова Ю. Ю.</i> Социальная философия и социология: проблема дисциплинарных границ	29
<i>Новикова О. В.</i> К проблеме методологических оснований философско-исторического познания...	37
<i>Максименко С. В.</i> Общество потребления: проблема генезиса и методологии социально-философского анализа	44

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубанов А. В.</i> Социальное развитие: традиции и современные подходы к изучению	49
<i>Гигин В. Ф.</i> Проблема методологического осмысления новой роли России: причины, перспективы, риски	60
<i>Курилович Н. В.</i> Брачно-семейные установки студентов Белорусского государственного университета	64

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Фурманов И. А., Купченко В. Е.</i> Особенности агрессии подростков, переживающих насилие со стороны сверстников	73
<i>Фабрикант М. С.</i> Психологические ресурсы и механизмы как характеристики национальной идентичности: теоретическое обоснование и опыт эмпирического исследования	80

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Фурманов И. А., Кулинкович Т. О.</i> Личностные особенности реактивного сопротивления в служебных отношениях	85
<i>Фофанова Г. А., Гаврильчик Е. В.</i> Субъективное экономическое благополучие студентов юношеского возраста	92
<i>Соколова Э. А.</i> Представленность психологических проблем в исследованиях В. Н. Мясищева ..	98
<i>Андреева И. Н.</i> Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности	104
<i>Жавнерко А. П.</i> Социализация эмоций у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития: понимание эмоций и эмоциогенных ситуаций	110

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Дудчик А. Ю.</i> Олимпиада по философии для школьников – 2016	117
--	-----

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Liahchylin A. A., Klimovich H. I.</i> Neo-scholastic ideas on Belarusian historical and cultural space	4
<i>Kurbacheva O. V.</i> Conceptual and theoretical understanding of the phenomenon of tolerance: historical and philosophical digression	12
<i>Karako P. S.</i> Questions of beauty of the nature in the scientific and philosophical heritage of V. I. Vernadsky	18

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Gafarov H. S., Gafarova J. J.</i> Social philosophy and sociology: the problem of disciplinary boundaries ..	29
<i>Novikova O. V.</i> To the problem of the methodological foundations of the philosophy of history	37
<i>Maksimenco S. V.</i> Society of consumption: problem of genesis and methodology of social-philosophy analyze	44

SOCIAL RESEARCHES

<i>Rubanau A. V.</i> Social development: traditions and contemporary approaches to study	49
<i>Gigin V. F.</i> The problem of the methodological understanding of the new role of Russia: reasons, prospects, risks	60
<i>Kurilovich N. V.</i> Belarusian State University students' marriage and family attitudes	64

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Fourmanov I. A., Kupchenko V. E.</i> Features of aggression adolescents with experiences of violence by peers	73
<i>Fabrykant M. S.</i> Psychological resources and mechanisms as characteristics of national identity: theoretical justification and empirical research	80

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Fourmanov I. A., Kulinkovich T. O.</i> Personality characteristics of reactance in work relations	85
<i>Fofanova G. A., Gavrilchik E. V.</i> Subjective economic well-being of students of youthful age	92
<i>Sokolova E. A.</i> Representation of psychological problems in the research of V. N. Myasishev	98
<i>Andreyeva I. N.</i> Current concepts of emotional intelligence and its place in the structure of personality	104
<i>Zhavnerko A. P.</i> Socialization of emotions in school-age children with mental disorders: understanding of emotions an emotiogenic situations	110

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Dudchik A. J.</i> Philosophy olympiad for pupils – 2016	117
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *О. Л. Диброва*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *Л. С. Мануленко, Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 31.05.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 313.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'variiskaya str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *O. L. Dibrova*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreaders *L. S. Manulenko, E. I. Bondarenko*

Signed print 31.05.2017.
Edition 100 copies. Order number 313.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Krasnoarmeiskaya str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017